

РАВИН ДРАНАТ ТАГОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ**

*Под редакцией: Евг. Быковой,
Б. Карпушкина, В. Новиковой*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1964**

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВОСЬМОЙ

СТИХИ

КРАСНЫЕ ОЛЕАНДРЫ

(пьеса)

Перевод с бенгальского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1964

И (Инд)

Т 13

Редакторы переводов:

Б. Карпушкин, С. Шервинский

Послесловие и комментарии.

Э. Комарова

Оформление художника

И. Крылова

СТИХИ

1932—1941

И з к н и г и
«С А Д П Е С Е Н»
(«Гитобитан»)

1932

1. М о л е н и е

* * *

Мелодию дай, приобщи к песнопенью, учитель.
Мелодия надобна мне! Я — смиренный проситель.
Небесная Ганга, восход золотой усвоили этой мелодии
строй
И петь научились, подслушав тебя, вдохновитель.
Отправлюсь я, душу наполнив мелодией вечной,
Туда, где царит разногласье и шум бесконечный.
В людской крутоверти, среди суеты, разлада, сумятицы
и тесноты,
Ты сам испытай мою вину, великий ценитель!

* * *

Ты жизни и смерти рубеж перешел.
Там высится твой осиянный престол.
С него не свожу восхищенного взора.
Души моей небо — престолу опора.
С каким упованьем, с каким ликованием
Я руки раскинул и очи возвел!

А ночь, как молещница, кудри свои,
Склонясь, на стопы уронила твои.
Мелодия песни твоей вдохновенной
Звучит, заполняя просторы вселенной.
Слилась моя вина с твоей воедино,
И песенной мукой я весь изошел.

* * *

Родник мелодии твоей журчит в краю пустынном.
Я молча перед ним стою с наполненным кувшином.
Садится солнце за горою дальней,
Оттуда посылая свет прощальный.
Я слушаю потока звук печальный,
Глаза рассеянно следят за журавлиным клином.
Родник мелодии твоей журчит в краю пустынном.

Весь день владели мной дела житейские и нужды.
Но отрешился я от них, сейчас они мне чужды.
Не стану больше воздавать им дани.
В стране, лежащей вне людских желаний,
К исходу дня, я, после всех скитаний,
Блаженство, данное тобой, богатством счел единым.
Родник мелодии твоей журчит в краю пустынном.

* * *

Я коврик мелодии здесь разостлал:
О путник, тебе — постоянный привал!

На зов пробудившейся птицы плывешь на пароме денницы
Туда, где волна оmyвает причал.

Побудь на заре у дверей при утренней песне моей!
Сегодня с рассвета надвинулись тучи на лес,
Слезами наполнив глаза голубые небес.

У пальмовой роши, в тумане, стоишь ты в другом одеянье.
О, не удаляйся украдкой! Хоть сколько-нибудь
В сырой полумгле моей пасмурной песни побудь!

* * *

Если мир я созерцаю через пенопенье,
Мне становится доступно мира постиженье.
Музыкой звучит словесной полный неги свет небесный
Пыль земную пробуждает голос вдохновенья.
Мир как будто входит в душу, сбросив оболочку.
Отвечает сердце дрожью каждому листочку.
В этом чувства океане — формы рушатся и грани,
Вся вселенная со мною в тесном единеньи.

* * *

Зачем не кропил я слезами дорожную пыль беспрестанно?
Зачем не предвидел, что явишься ты, как пришелец
незванный?
Палящей пустыней, без тени, по знойной, колючей
сухмени
Зачем, о зачем пробираться заставил тебя,
долгожданный!
Когда я у дома сидел на приволье, ленив и беспечен,
Не знал я, не ведал, что болью мучительной шаг твой
отмечен.
Но отзвук страданья и боли остался в душе поневоле,
И сделалась мука твоя незажившей сердечною раной.

* * *

Я бесконечен. Своим ты играешь созданием:
Опустошаешь — и вновь наполняешь дыханием.
Сколько со мной, незатейливой флейтой своей,
Ты исходил берегов, и холмов, и полей;
Сколько напевов сыграл ты на ней!
С кем поделюсь ликованием?

Сладостно сердцу от прикосновения святого.
Плещет восторг через край, и рождается слово.
То, что вмещается в горсточке малой моей, —
Дар нескончаемый, длящийся множество дней.
Сколько, о, сколько веков из ладони твоей
Брать буду снова и снова?

* * *

Душа моя тебя утешить рада,
Хоть этого тебе совсем не надо!
Я видела, как ты в ночи глубокой сквозь чашу брел
тропую одинокой.
Был непроглядный мрак тебе преградой.
Хотелось мне светильник свой зажечь,
Хоть этого тебе совсем не надо!
Ты на базаре слышишь оскорбленья,
В тебя песок швыряют и каменя.
Но, не внимая ругани бесчинной, ты поглощен лишь
собственною виной
И весь во власти песенного лада.
Тебе сплела б я свадебный венок,
Хоть этого тебе совсем не надо!
Людские толпы, — языков смешенье, —
Тебе несут хвалу, благословенье,
Стучатся в двери, подаянья просят, глумятся, проклинают
и поносят.
Досада, слезы — вся твоя награда.
Мне хочется к стопам твоим припасть,
Хоть этого тебе совсем не надо!

* * *

Петь буду песню твою — дай мне вину звучанья такого!
Буду тебе я внимать — дай мне мантры бессмертное
слово.

Буду тебе я служить — дай силы мне в полную меру.
Буду глядеть на тебя — дай мне безграничную веру.
Нести буду кару твою — великое дай мне терпенье,
Нести буду знамя твое — духовное дай подкрепление.
Буду миром целым владеть — дай мне властность души
непреклонной.

Все раздам, буду нищим я — дай мне ясность любви
просветленной.

Буду вечно идти с тобой — дай мне правую руку,
учитель,

Буду рати твоей бойцом — дай оружие твое, воитель.

Буду правду твою блюсти — дай мне к истине тягу.

Счастья не буду рабом — дай мне стремление к благу!

* * *

Подобно потокам срабона, пусть льется и ночью и днём
На грудь и лицо мне мелодия песни твоей вдохновенной.
Пусть утром в глаза мне струится со светом востока,
А ночью пускай мне вливается в душу глубоко.

На счастье, на горести жизни, на все, что минутно и
тленно,

Подобно потокам срабона, пусть льется и ночью и днём.

Пусть ветви, где цвет не цветет и не вяжется завязь,

От ветра с дождем зашумят, пробудясь и расправясь.

На все, что во мне одряхлело, угасло для жизни,

Потоком своей животворной мелодии брызни!

На жажду, на голод, на все, что мгновенно и бrenно,

Подобно потокам срабона, пусть льется и ночью и днём.

ସମ୍ପାଦନ

ବିବିଧ ସାହିତ୍ୟ କାର୍ଯ୍ୟର ଦୁଇ

ଏକକ କାହିଁକିକାର !

ତୁମ୍ଭି ତି ସମସ୍ତ କାହିଁକିକାର !

ଆମର ମନେ ତାହାକି ତୋର ମନେ ନାହିଁ

ଏକକ ଆଡ଼ିକାର

ତୋର ମନେ ଏକକି ଆଡ଼ିକାର !

ବିଚାରମାନେ ତୋର

ବିଚାରମାନେ ତୋର

ଏକ

ଆସିବେ

ପଢ଼ି ଯୋଡ଼ା

ଆମର

ତଳ ଧୂଳିକାଟା,

ହୃଦୟ ଧୂଳିକାଟା

ଆମର ମନେ

ଆମର ମନେ କାହିଁକିକାର

ତୋର ମନେ କାହିଁକିକାର

ତୋର ମନେ କାହିଁକିକାର

ଧୂଳିକାଟା ତହିଁକିକାର !

ସମ୍ପାଦନ
ସମ୍ପାଦନ
୨୦୨୨

Страница рукописи из «Гитобитана»
44-я песня из раздела «Родина»

* * *

Если застанешь печально ты запертой сердца
обитель —

Двери взломай и войди. Не уходи, вседержитель!

Если пресветлое имя любя, вина моя умолчит про тебя,

К этой мольбе снизойди. Не уходи, вседержитель!

Если не сразу услышу твой зов, если мне сна помешает

покров —

Громом своим разбуди! Не уходи, вседержитель!

Если бы я в ослепленье возвел кого-то еще на твой

вечный престол,

О властелин, пощади! Не уходи, вседержитель!

* * *

Имя твое называть буду часто и много,
И под предлогом любим, и совсем без предлога.
Буду его называть в немоте, буду его называть в суете
и тщете,
Буду с улыбкой его называть и с душевной тревогой.

Буду без нужды тебя окликать, ради самого зова.
В этом призыве душа раствориться готова.
Буду тебя призывать, как ребенок зовет свою мать:
Самое имя любя, он вымолвить рад это слово,

* * *

Зажги в моем доме светильник, излей на меня доброту!
Я в жизни страдал не напрасно, коль скоро твой свет
обрету.

В углах темноту он рассеет спокойным сияньем своим.
В его излученье священном — любви почерпну полноту.
Из камня волшебного создан светильник блистающий
твой,

И золотом сделает чистым он пятен моих черноту.
О, сколько светильников жег я, терпя духоту и угар!
Излей на мое изголовье святую свою светлоту!

* * *

Богатству и прислужников гурьбе
Не рад я, всей душой стремясь к тебе.
Ты знаешь подноготную мою:
Когда я счастлив или слезы лью —
Я забываю о своей судьбе,
Создатель, всей душой стремясь к тебе.

Доколе мне на голове таскать
Гордыни бремя, себялюбья кладь?
Порвать богатства путы на себе
Желал бы я, душой стремясь к тебе.
Возьми богатство, — разреши от уз!
Сними с души моей тяжелый груз.
Когда ты снизойдешь к моей мольбе,
Все обрету в тебе — стремясь к тебе.

* * *

О вседержитель!
От уз вековых избавь!
От страха избавь, повелитель,
Душу избавь от сомнений,
От робости, бедности, лени.
Ночь, словно склеп. Путник ослеп.
Зажги свой светильник — слепца на дорогу направь!

О вседержитель!
От застоя, унынья избавь!
Твой лик просветленный, властитель,
Превратит в ликованье страданье,
Укрепит ослабевшее духом созданье.
Ночь, словно склеп. Путник ослеп.
Зажги свой светильник — слепца на дорогу направь!

О вседержитель!
Ум от корысти избавь!
Влагой любви оживи, повелитель,
Иссохшую душу и сделай богатым
Сердце, скорбящее по невозвратным утратам!
Ночь, словно склеп. Путник ослеп.
Зажги свой светильник — слепца на дорогу направь!

* * *

Разве шаг его не слышен сквозь привычный жизни ход?

Он идет, он идет.

Миг за мигом, век за веком, день за днем, за годом год

Он идет, он идет.

Сколько разных по природе я в душе пропел мелодий!

Но всегда их половодье славило его приход.

Он идет, он идет.

По лесам порой фальгуна сколько он шагал веков?

Он идет, он идет.

Сколько плыл порой срабона в колесницах облаков?

Он идет, он идет.

Если горем ты разбит, в сердце шаг его звучит.

Он, волшебным камнем тронув, избавляет от невзгод.

Он идет, он идет.

* * *

Если отстану в пути, повелитель,
Мне отставанье прости, повелитель!
Боль и усталость, робость и вялость,
Сердца страданье прости, повелитель!
Коль оглянусь на пути, повелитель,
Ты мне оглядку прости, повелитель!
В знойном полудня безлюдье вянет гирлянда на
жертвенном блюде.
Ты увяданье прости, повелитель!

* * *

Выситя, грохочет колесница.
В небе знамя реет и лоснится.
Вот Он! За канат хватайтесь дружно
И тяните, что есть сил, натужно.
Полно прохлаждаться по углам!
Место вам — в толпе тысячелицей.
Отрешись от всех забот вчерашних,
Маловажных дел и дрызг домашних.
Эй, тyani душой и телом бrenным,
Бытием не дорожа презренным,
Через города, леса, холмы,
Днем — и от заката до денницы.
Громыхают, лязгают колеса,
Будят гул в груди разноголосый.
Кровь твоя бушует крутовертью.
Это — песни торжество над смертью.
Вереница помыслов твоих
В день грядущий разве не стремится?

* * *

По ночам под звуки флейты бродят звездные стада.
Ты коров своих, незримый, в небесах пасешь всегда.
Светоносные коровы озаряют сад плодовый,
Меж цветами и плодами разбредаясь кто куда.
На рассвете убегают, лишь клубится пыль вдогон.
Ты их музыкой вечерней возвращаешь в свой загон.
Разбрестись я дал желаньям, и мечтам, и упованиям.
О пастух, придет мой вечер — соберешь ли их тогда?

* * *

Вгляни на свою благодать, проникающий в наши
сердца!
Вгляни, как на листьях блестит золотистого света
пыльца.
По телу струится нектар ветерка, томительный жар
охлаждая слегка.
Лениво плывут облака, — упоительна эта леница!
Сиянием утренним душу свою веселю
И слово любви твоей внутренним слухом ловлю.
Ко мне ты склонился лицом и — в упор — в лицо мне
уоставил свой пристальный взор.
Сегодня к стопам твоим я припадал без конца.

* * *

Прощай, освобожден я, брат!
Всем отдаю поклон я, брат!
Напутствуйте меня теперь. На что мне дом? Замкнул
я дверь,
А ключ вернул — мне не прийти назад!
В соседстве с вами долго пребывал я,
Но брал при этом больше, чем давал я.
Заря ночную гонит мглу. Светильник догорел в углу.
Я слышу зов — и в путь пуститься рад.

* * *

Мысль пройти сквозь эти двери — отчего нам тяжела?
Неизвестности — хвала!

Здесь — несчетные надежды, там — пугающая мгла.
Неизвестности — хвала!

Дома знакомого своды сотрясая, мчатся годы.
Не замкнуться же в пределах своего угла!
Неизвестности — хвала!

Смерти ты чуждаешься тревожно,
Оттого и жизнь твоя ничтожна.

Если дом земной, мгновенный полон радости бесценной —
Чтобы нас в жилище вечном пустота ждала?
Неизвестности — хвала!

II. Родина

* * *

О Мать-Бенгалия! Край золотой!
Твой небосвод в душе поет свой гимн святой.
Меня пьянит весной рощ манговых цветенье.

Я твой, навеки твой!

Осенних нив убор блистает красотой.

Чарует взор сиянье зорь, узор теней.
Цветет покров твоих лугов, твоих полей.
О Мать, из уст твоих нектаром льется пенье.

Я твой, навеки твой!

Когда печальна ты — и я скорблю с тобой.

Я рос вдали от гроз, и в играх дни текли.
В моей крови — настой твоей благой земли.
Светильник ты зажжешь, когда сгустятся тени.

Я твой, навеки твой!

Я вновь бегу к тебе, в свой дом родной!

Среди холмов — стада коров.
Живет народ у тихих вод, в тени лесов.
Не знают лени мирные селенья.

Я твой, навеки твой!

Мне друг — любой пастух, и пахарь — брат родной.

Я пред тобой опять с мольбой простерт, о Мать.
От ног твоих священный прах дозвошь мне взять!
К твоим стопам дары сложу в сыновнем рвенье.
Я твой, навеки твой!
Я шею не стяну заморскою петлей!

* * *

Склоняюсь пред тобой, земля моя, смиренно!
Тебя покрыл анчол Владычицы вселенной.
С тобою слито неразрывно тело,
Моей душой ты овладела.
Твой нежный образ мне всего милей!
На лоне у тебя родился и умру.
Ты смотришь ласково на вечную игру.
Я с детства ел твой рис, и крепили силы.
Водой прохладной ты меня вспоила,
Мать молчаливых, терпеливых матерей!
Всю жизнь я принимал твои дары, о Мать,
Но что тебе взамен могу я дать?
Была вся жизнь моя бесплодной,
В своем дому дремал я беззаботно,
О щедрая дарительница сил!
Я силы от тебя напрасно получил.

* * *

Пусть твой призыв без отклика замрет, —
Один иди, один иди, один иди вперед!
Пусть все кругом молчат, о горемыка!
Пусть отшатнутся от тебя друзья,
Ты сердце всем открой, —
Поведай людям, что тебя гнетет!
Пусть повернут все спутники назад, о горемыка!
Ты, всеми брошенный, взойдешь на кручи.
Тернистою тропой,
Изранив в кровь стопы, иди вперед!
Пусть в ночь погаснут все огни, о горемыка!
Пусть в бурю каждый дверь свою запрет,
Вынь из груди ребро, —
И, вспыхнув, мир оно сиянием зальет!

* * *

Кормчий, встань у руля! Смело вдаль поплывем!
Честь тебе воздаем!

Буря рвет лоно вод, но с пути не свернем!
Честь тебе воздаем!

Плыть с тобою мы рады, не страшат нас преграды!
Кормчий с мудрым челом!

Берег дальний манит! Твердо правь кораблем!
Честь тебе воздаем!

Тех, что любят покой, не захватим с собой,
Кормчий с мудрым челом!

Все равны в этот час, все, как братья, живем!
Честь тебе воздаем!

Мы тобою ведомы! В мире всюду мы дома!
Кормчий с мудрым челом!

Свет излей из очей — бремя нам нипочем.
Честь тебе воздаем!

Мы гребем что есть сил. Взор вперед устремил
Кормчий с мудрым челом!

Жизнь и смерть — водоверть, — не скорбим ни о чем!
Честь тебе воздаем!

Не вернемся в тревоге, не попросим подмоги,
Кормчий с мудрым челом!

Мы тебя познаем и в себе и во всем!
Честь тебе воздаем!

* * *

Вперед, вперед стремись, о брат!
Тот, кто с тоской во взгляде, плетется где-то сзади, —
Он мертвый средь живущих, брат.
Вперед, вперед стремись, о брат!
Мгновенья убегают неустанно.

Не жди, когда наступит час желанный,
И не гадай с календарем, теряя день за днем,
Ведь не возвратно время, брат!
Вперед, вперед стремись, о брат!

Отставших призывай,
Буди объятых сном!
Коль не пойдут, один ступай
Величия путем!
Минувшее отринь сурово,
И, слепоты разбив оковы,
Служи самозабвенно жизни новой!
Напрасны слезы, брат!
Вперед, вперед стремись, о брат!
Как нищие, сидим

Мы у дороги мира и молчим.
Взирают путники на нас, и жалость в глубине их глаз,
Пыль оседает облаком седым,

Скорее с ложа пыли встанем,
С людьми объединимся упованием;
А если нет, в безвестность канем,
И гибель нас постигнет, брат!
Вперед, вперед стремись, о брат!

* * *

Пусть в небесах восторга песнь звучит!
Стоишь ты, одинокий, — и смотришь на восток.
Пусть твой призыв взбудит того, кто крепко спит.
Взгляни: улыбкой алой заря мир осияла.
Прозрачной дымкой лик земли покрыт.
Хор птиц в ветвях звенит, ручей журчит.
Взгляни: надежды свет нам льет денница!
Вот солнце, юный бог на рдяной колеснице!
Скорей за труд берись. Стремись упорно ввысь!
«Вставай!» — призыв гремит. Твой сон разбит!
Навек покончи с ленью! И пусть, как наважденье,
Исчезнут страх и стыд, обман и заблужденье.
Отрепья оскорбляют взор? Сорви убожества позор!
Пускай душа горит! Путь новый нам открыт!

* * *

Пусть Бенгалии земля, воды, воздух и поля
Благодатны будут, благодатны, боже!
Пусть Бенгалии дома, рынки, нивы, закрома
Изобильны будут, изобильны, боже!
Пусть бенгальцев упования, мысли, речи и желанья
Справедливы будут, справедливы, боже!
Пусть бенгальцев всех сердца бьются в лад — и до конца
В единенье будут, в единенье, боже!

* * *

Я рад, что в этой родился стране!

Я рад! О Мать, как ты желанна мне!

Богата ль ты, родная, царица ль ты? — Не знаю.

Отрадно мне в твоей прохладной тишине!

Где краше в день весенний лугов и рощ цветенье?

Где столько радости в смеющейся луне?

Свет, что милее жизни, увидел я в отчизне.

Он будет мне сиять в последнем сне.

* * *

Я припал, о Мать, к твоим ногам

И тебя вовеки не покину.

Дай у ног твоих приют родному сыну!

Разве ты, о Мать, бедна? Нет, твоя душа полна сокровищ!

Не пойду я за дарами на чужбину!

Тот, кто славы ищет, в дальних рыщет странах.

Я твои отрепья вижу, затаив кручину.

Ни богатство, ни почет, верь, меня не завлечет.

Мать, ни перед кем я гнуть не стану спину.

* * *

Отошлешь ли ты сына к чужому порогу, о Мать?
Ведь, глумясь, будут грязь в меня люди бросать.
Неужели в тревоге с сумой побреду по дороге,
От чужих буду милостей ждать?
Что смогу я тебе, о родимая, дать?
Нас еще не сразили, и мы не отступим, поверь, ни на пядь!
Мы приносим тебе свою верность! Прими нашу кладь!
Будем жить мы веками лишь твоими дарами.
Расстели свой анчол над отчиной, о Мать!
Душу, сердце и жизнь — все тебе мы готовы отдать.

* * *

Встав на благостный путь, песнь отважную пой —
Пусть сомненья рассеются робкой толпой!
Не иссякнет в глубинах родник сокровенный, —
Благой жизни чело окропи дерзновенно!

Обновленною, бодрой душой

Отрешись от бесплодных желаний.

Смело вынеси все испытанья.

Встреть с достоинством час роковой.

Боль прими, словно дар, что ниспослан судьбой.

Устремляйся без усталости к цели благой.

В мир бессмертья проникни заветной тропой,

Одолей темноту и отсталость!

Сбрось, как цепкие путы, усталость!

И под вечер, закончив служенье,

Соверши омовенье во влаге живой!

* * *

Забрезжила заря иных времен.
Не рассуждай: далек наш час или близок он?
Что нам увидеть суждено? Что совершить дано?..

Бесплодны эти думы.

Иль будешь ты сидеть угрюмо?

Как водопад с горы несется вниз,
В неизвестное отважно устремись!
Преграды прибавляют сил в борьбе, —
Неведомое покори себе.
Услышишь ты литавр победный гром.
Стремись вперед! Спешим благим путем!

* * *

Пусть куются все крепче оковы, — тем скорей мы
разбить их готовы,
Пусть их взор наливается кровью, — тем грозней наши
сдвинуты брови,

Тем грозней наши сдвинуты брови.

Сообща надо действовать нам, — предаваться не
время мечтам!

Пусть охрипнут от злобного рева, — тем скорей мы
воспрянем от сна векового!

Тем скорей мы воспрянем от сна векового.

Пусть кругом все сровняют с землей, — вдвое больше
построим могучей рукой!

Пусть бичуют нас, в ярости новой, — тем бурней море
гнева людского!

Тем бурней море гнева людского.

Бьются светлой надеждой сердца: мы отныне во власти
творца!

Им недолго глумиться над нами, — в пыль повергнуто
будет их знамя,

В пыль повергнуто будет их знамя.

III. Любовь

* * *

Будешь, нет ли ты обо мне вспоминать, — даже мысли
такой не таю.

Но у двери твоей опять и опять почему-то песню пою.
Дни бегут, и, пока суждено идти, подхожу, только
встречу тебя на пути,
Чтоб взглянуть как-нибудь на согретую счастьем
улыбку твою.

И поэтому я пою.

Все цветы весны за весною вслед осыпаются пестрым
дождем.

Станут прахом летучим — и вот их нет, не узнали они
ни о чем.

День за днем пройдет, догорит заход, вина песню свою
прервет...

Но, пока живу: все я жду — наяву ты мою посетишь
ладью.

И поэтому я пою.

* * *

Мной была эта песня весны сложена.
Ты забудешь ее, только минет весна.
Но — мне дорого это! — в ночь весны и расцвета
На глазах твоих вызвала слезы она.

Нет, вниманье твое утомлять я не буду.
Завершится мой круг, и уйду я отсюда.
Но весною ты снова, только в песне другого,
Голос Нового сердцем услышать должна.

* * *

Возьми, возьми же меня и сделай своею виной;
Да подчинятся руке умелой сердца глубины!
Я — в нежных лотосах — ладонях, вот — струны, тронь их,
Чтоб вина сердца в твой слух проникла до
сердцевины,
Порой веселью, порою горю послушно вторя;
Чтоб смолкла тотчас, едва ты бросишь ее безвинно,
Никто не знает, какую вестью воскреснет песня,
Когда, ликуя, вольется в небо, в поток единый.

* * *

О бедняк, меня обеднивший, разве мало тебе
показалось?..
О мой нищий, бродишь, мой нищий, вызывая песнями
жалость!
Думал я: что ни утро, буду приносить тебе новое чудо,
Нищий, о нищий мой,
Горе мне!.. Все я отдал сполна, ничего у меня не
осталось!
Я обвил твоё тело одеждой — единственной моей.
Я тебя озарил надеждой, мир души моей стал темней.
Мое сердце, юности дни — все в ладонях твоих, взгляни!
Нищий, о нищий мой!
Снова ждешь ты песню мою?.. Я спую, если ты мне
подашь хоть малость!

* * *

Знаю, знаю, — ошибка души привела тебя этой тропой.
Что ж, пусть будет, пусть будет так. Дверь открою
перед тобой.
Не украшен ничем твой наряд. Бубенцы на ногах не
звонят.
Что ж, пусть будет, пусть будет так. С легким сердцем
входи в мой сад.
Видишь: малоти белой кусты осыпают наземь цветы,
Ты прическу ими укрась, ты вколи их в пучок тугой!
Ты нежданно пришла ко мне. Нынче вина — точно во
сне.
Что ж, пусть будет, пусть будет так. В сумрак сердца
входи в тишине.
Хлынул дождь, средь рощ зашумев. Это сердца звучит
напев.
И трепещет ветер ночной — в нераздельном ритме с
душой.

Р. Тагор в кругу друзей и близких:
проф. Сильвен Леви с супругой, биограф Р. Тагора
Пробхаткумар Мукхопаддхай (внизу, в центре),
сын Ротхиндронатх (внизу третий) и др.
Шантиникетон, 1922

* * *

Дорогая, нового рая мы создавать не станем.
Песни слез не пришлось озарить нам сияньем.
От страданий любви, от сладчайшей муки сгорая,
Брачной ночи мы не будем справлять, дорогая.
Пред судьбой не падем, знаем цену ее наградам!
Все не страшно нам здесь: ты — есть, я — есть, мы —
рядом.

Будь над нами, любви нашей знамя!.. Удел наш труден.
Мы идем самым трудным путем — путем буден.
Горе встретится нам, — ну, что же — мы горе встретим!
Нам не надо покоя, утешенья, как слабым детям!
А погибнет ладья, — смерти скажем с открытым взглядом:
Это — счастье и честь, ты — есть, я — есть, мы — рядом!

Мы с тобою на мир смотрели глазами одними.
Зной пустыни терпели, пробирались песками сухими.
За миражем мираж проплывал, наших душ не тревожа.
Мы не лгали себе, не рядили мы правду ложью.
Этой силой гордясь, мы идем, вопреки преградам.
С нами светлая весть: «Ты — есть, я — есть, мы —
рядом!»

* * *

Страданьем ты звучишь во мне, твоей темнице.
Известно лишь душе, что в ней душа томится.

Тебя в себя вменив, тобой одним я жив,

Душа в твое лицо глядит — не наглядится.

То, что ишу везде, все это — для тебя.

И в счастье, и в беде живу, тебя любя.

Что было суждено — все ныне свершено.

Навстречу смерти жизнь моя стремится,

* * *

Тишину свою в сердце моем сосредоточь,
Ты безмолвно останешься в нем — словно лунная ночь.
Юность, путь мой земной, мир душевный мой
Величавым своим осенишь крылом — словно лунная ночь.
Воссияет, лучась, доброта твоих глаз,
Тень одежды твоей надо мной разлилась.
Нóшу горя и слез, все, что в жизни сбылось,
Благовонным своим напоишь теплом — словно лунная
ночь.

* * *

Приди, о, приди в мой дом!

О, появись, притаившийся в сердце моем!

Двери надежд приоткрыв, приди!.. Приди, золотясь
В лучах моих жаждущих глаз.

Тенью ты был, предвкушеньем, сном. Ныне приди
навсегда в мой дом!

В смене боли и счастья — приди! В трепете страсти —
приди!

Голосом смутным звучал ты все чаще

В ветре фальгуна, в дыхании чаши.

Ныне приди, прильни к груди, приди в мой дом —
цветком!

* * *

Чаша та полна страданий — о, возьми ее скорей,
Сердце пусто и печально — пей ее, любимый, пей.
С чашей я всю ночь бродила, от себя гоня покой,
Ты с меня ночное бремя снимешь, друг мой дорогой!
В цвет надежды, в цвет желанный вновь окрасилась
волна,

Ярко-алыми устами пей печаль мою до дна.
С ней вдохнешь ты ароматы наступающего дня
И сияньем глаз любимых щедро наградишь меня.

* * *

Тебя я знал, тебя забыть не мог, о чужеземка,
Хотя меж нами океан пролег, о чужеземка.
Тебя осенней видел я порой, весною ранней видел
образ твой,
Тебя я в сердце видел и берёг, о чужеземка.
Я слушал высь, дыханье затая, — там, в небесах,
звучала песнь твоя.
Тебе навеки отдал душу я, о чужеземка.
Немало привелось скитаться мне, и вот я наконец в
твоей стране,
Ступаю тихо я на твой порог, о чужеземка,

* * *

Тебя пленять не буду красотою, любовью я лишу тебя
покою.
К дверям твоим не прикоснусь рукою, но силой песни —
дверь твою открою.
Тебе, я знаю, не нужны нисало ни украшенья, ни
цветы тамала,
Хочу, чтоб ты перед людьми предстала в гирлянде
нежности, сплетенной мною.
И не поймут — какую бурей полны, в твоей душе
запляшут дико волны,
Что притяженьем, как луна, безмолвно, — волну я
поднимаю за волною.

* * *

Позволь, чтобы рядом с тобой я сел,
Чтоб хоть миг побыть нам вдвоем.
У меня сегодня — довольно дел,
Я их кончу потом.
Если я в лицо тебе не взгляну, —
В беспокойстве сердце мое, в плену,
В бесконечном потоке житейских дел
Я плыву и ночью и днем.

Взволнованно дышит весна сейчас,
Подойдя к моему окну.
Шмель жужжит, над цветами в саду кружась,
Празднует весну.
Нынче целый день, от людей вдали,
Мы б смотреть друг другу в глаза могли.
Нынче песнь посвященья моей души
На досуге спю немом.

* * *

К закату дня бутон в душе моей взращен;
Цветком любви в тиши раскроется бутон.
Под слабым ветерком ему расти — огнем пурпурным на
твоём пути,
Привет мой напоит своим дыханьем он,
Когда цветком любви раскроется бутон.
Любимый, эта ночь да не промчится мимо!
Проникни в душу мне и в песню, о любимый!
В заветный тайный миг приди ко мне в цветник,
В ночь, в заросли цветов, приди, приди, как сон,
Когда цветком любви раскроется бутон.

* * *

Из тьмы я пришел, где шумят дожди. Ты сейчас одна,
взаперти.
Под сводами храма твоего путника приюти!
С дальних троп, из лесных глубин принес я тебе
жасмин,
Дерзко мечтая: захочешь его в волосы ты вплести.
Медленно побреду назад в сумрак, полный звона цикад,
Ни слова не произнесу, только флейту к губам поднесу,
Песню мою — мой прощальный дар — посылая тебе с
пути.

* * *

Петь запретишь мне?.. Что ж! Я песни не начну.
В смущенье ли придешь — в лицо не загляну!
Сплетать в садах цветы вдруг запретишь мне ты,
Садов твоих смущать не стану тишину.
Помедлишь ли в пути — в сомненье и тревоге,
Послушно побреду я по другой дороге.
К реке ль твоей мой плот ошибкой подплывет, —
Тотчас же я его обратно поверну,

* * *

Все то, к чему душа стремится с властной силой,
Все то, что нужно мне, — в себе ты воплотила.
Но если я тебе не в силах счастье дать, — оставь меня,
иди на поиски опять.
А я свое обрел: тебя мне жизнь судила.
С тобою разлучась, с тобой останусь я
Дни, ночи долгие — все годы бытия.
И если, может быть, другой тобой любим, и не вернешься
ты, изведай счастье с ним,
Не думая о том, что боль мне причинила.

* * *

Все же помни меня, если в прошлое я отойду,
Если новое чувство проснется в тебе на беду,
Если рядом я буду, а ты в этот день
Не увидишь меня, не поймешь — это я или тень,
 Все же помни меня.

Если голос бывшего до слез доведет тебя вдруг,
Если в таинство ночи внезапно ворвется испуг,
Если утром осенним все будет валиться из рук,
 Все же помни меня.

Если голос бывшего души не встревожит покой,
Если сердце не дрогнет и слезы не хлынут рекой,
 Все же помни меня.

* * *

Прощанья песня слышится чуть свет.
Неси сюда свирель свою, поэт.
В осенней утренней росе, в цветах, в их запахе, красе,
Уйдя, оставь хотя бы песни след.
Вернутся снова золотые зори
С подвескою — жасмином на проборе,
Тень с воркованьем голубей, печаль, которой нет пещней,
Звонящий песнею твоей
Осенних дней рассвет.

* * *

Вернешься ты — я это знаю, знаю.

И все же не спокойна, смущена я.

Вот почему в прощанья час я медлю, к двери прислонясь,
«Вернись, вернись», — сквозь слезы повторяя.

Дай мне надежду, пусть она

Хоть в песню будет вплетена.

Лесной тропею, одинок, уходишь ты. Твой след — цветок
Растоптанный — с земли я подымаю.

* * *

Ту, что мерещится во сне,
Не разгадать вовеки мне.
Ее ищу я ежечасно.
Смущенье отогнав, светла,
Сама меня ты позвала,
И все в тебе мне было ясно.
Кто оттолкнет? Кто позовет?
Душа страдающая чья
Определит, что стобю я?
С сомненьями борюсь напрасно.
В тебе одной лишь все мне ясно,

* * *

В вине твоей были песни, в корзине моей — цветы.
Тот же качал нас ветер, сорвавшийся с высоты.

Никто не знал, что за волны мутят небосвод
безмолвный.

Пристал челнок твоих песен к причалу моей мечты.
В тот памятный день казалось: чтоб в лад твоим
песням звенеть,

В душе моей будут вечно цветы распускаться впредь.
Но песнь сорвалась с причала, и к ночи цветов
не стало, —
Ошибся кто-то в фальгуне среди радостной суеты.

* * *

В челне проворном кто плывет, смущая вод покой?
Чьей флейты звук тревожит грудь разлуки злой
тоской?
Исполнен боли тот напев. Приморский ветер,
налетев,
Прибил сюда его в сквозной
Тени лесной.
Мне на чужбине эта боль прощальная слышна;
Осенней сбрызнута росой, в душе звучит она.
И мнится: кто-то вдалеке, с кувшином,
медленно к реке
Идет глухою стороной
В тени лесной.

* * *

Приди, приди, снова приди, о повелитель, снова приди.
Душа страданьем опалена, о исцелитель, снова приди.
 О жестокий и злой, снова приди,
 О сияющий добротой, снова приди.
Словно далекое облако легкое, снова приди.
 О мое счастье вечное, снова приди,
 Горе мое бесконечное, снова приди.
Горечь и сладость, горе и радость соединяющий, снова
 приди.
 О мой желанный, любимый, приди,
 В душе постоянно хранимый, приди.
О мой мятежный, тихий и нежный, приинкни
 к груди, снова приди!
 В сердца глубины снова приди,
 Свет мой единый, в глаза приди.
В дом и дорогу, в покой и тревогу, в зиму, весну,
 в одежд белизну снова приди.
 В смех мой счастливый приди,
 В плач мой тоскливый приди.
В слабость и твердость, в смиренность и гордость снова
 приди.
 В память мою и забвенье приди,
 В мое заблужденье приди,
В труд и моление, в покой и движенье, в смерть
 и рожденье приди.

IV. Времена года

* * *

Под обаяньем лунных чар мечты кружат в просторе,
Летят, летят, летят ко мне, как птицы из-за моря,
В напевах света и теней уносят в даль минувших дней,
«Приди, приди, приди», — зовут, напевам вторя.
Зовут к виденьям давних лет, к ночам весны моей,
И друга ищут там, где свет мерцает средь теней,
Где боль, не узнанная мной, печаль моей поры иной,
Сквозь слезы шепчет: «Горе, горе, горе!»

* * *

И солнце есть, и звезд не счесть в просторах бытия.
Лишь оттого, что средь всего свой путь нашел и я, —

Проснулась в изумленье песнь моя.

Зыбучий океан времен, — он и во мне отображен.

И оттого, что дрожь его — сквозь сердце бьющая
струя,

Проснулась в изумленье песнь моя.

Уединяясь, я бродил в лесной глуши, дневной тиши,

И оттого, что вздох цветов проникнул в глубь
моей души,

И оттого, что лес дарил и блеск листвы, и плеск
ручья, —

Проснулась в изумленье песнь моя.

Был ясен взор и чуток слух, с душой земли слился
мой дух,

И оттого что тайны тайн я окликал из забытья, —

Проснулась в изумленье песнь моя.

* * *

Ужасная пора! Как душны вечера!
Томлюсь в полдневный зной, не сплю в тиши ночной.
Жестокость солнца гибельно щедра.
Здесь голубь чуть живой, от жажды сам не свой,
В иссохшей роще сетует с утра.
Я страх мой превозмог, я знал: настанет срок—
И ливнем хлынешь ты с далекой высоты
К душе, которую гнетет жара.

* * *

О бойшакх пылающий, внемли!
Пусть твой горький вздох аскета возвестит распад
расцвета,
Пестрый сор сметет, кружа в пыли.
Пусть уйдут воспоминанья, отголоски песни ранней,
Дымка слез рассеется вдали.
Утомление земное одолей, разрушь
Омовеньем в жгучем зное, погруженьем в сушь.
Утомленность каждодневным истреби в пыланье
гневном,
Гулом раковины грозным искупленье ниспошли,
От блаженного покоя исцели!

* * *

Песни птиц отзвенели, полдень зноен и сух.
Заиграй на свирели, одинокий пастух!
На равнине, на дальнем краю, Рўдра слушает
 песню твою,
Предается мечтаньям, превращается в слух,
Лишь вдали на свирели заиграет пастух.
Вдруг все небо объял, полный жажды и муки,
Еле слышимый вздох нестерпимой разлуки,
Разразился неожиданно резкий треск барабана,
От предгрозя темнея, воздух влагой набух...
Одиноко играет на свирели пастух.

* * *

Из тучи — грохот барабана, могучий рокот
непрестанный...
Волна глухого гула мне сердце всколыхнула,
Его биенье в громе потонуло.
Таилась боль в душе, как в бездне, — чем горестней,
тем бессловесней,
Но ветер влажный пролетел, и лес протяжно
зашумел,
И скорбь моя вдруг зазвучала песней.

* * *

Над рошей в огненном цвету проходят тучи синей
тенью.
Как в танце, гнутся на ветру затрепетавшие растенья.
В лесную чашу уходя, дрожит блистание дождя.
Душа, разлукою томясь, куда-то рвется
в нетерпенье,—
И журавли над океаном куда-то мчатся караваном,—
Их крылья борются с туманом, вздымая волны
ураганом,
И кто-то, сквозь трезвон цикад, мне в сердце
входит наугад,
Ступая по тоске моей украдкой, как сновиденье.

* * *

Во двор срабона входят тучи, стремительно темнеет высь,
Прими, душа, их путь летучий, в неведомое устремись,
Лети, лети в простор бескрайный, стань соучастницею
тайны,
С земным теплом, родным углом расстаться
не страшись,
Пусть в сердце боль твоя пылает холодной молнии
огнем,
Молись, душа, всеразрушенью, заклятьями рождая гром.
К тайнице тайн причастна будь и, с грозами свершая
путь,
В рыданиях ночи светопреставленья — закончись,
завершись.

* * *

Приди, о буря, не щади сухих моих ветвей,
Настало время новых туч, пора иных дождей,
Пусть вихрем танца, ливнем слез блистательная ночь
Поблекший цвет минувших лет скорей отбросит прочь.
Пусть все, чему судьба — уйти, уйдет скорей, скорей!
Циновку ночью расстелю в моем дому пустом.
Сменю одежду — я продрог под плачущим дождем.
Долину залило водой, — неймется в берегах реке.
Как вздох жасмина, голос мой летит, теряясь вдалеке,
И как бы за чертою смерти, проснулась жизнь
в душе моей.

* * *

Дожди иссякли, зазвучал разлуки голос одинокий.
Собрать напевы срок настал, — перед тобою путь
далекий.
Отгрохотал последний гром, причалил к берегу паром, —
Явился бхáдро, не нарушив сроки.
В кадамбовом лесу желтеет пыльца цветочной
легкий слой.
Соцветья кéтоки забыты неугомонною пчелой.
Объаты тишиной леса, таятся в воздухе роса,
И на свету от всех дождей — лишь блики, отблески,
намеки.

* * *

Влекомый чарами срабона, незримый в тусклом свете
дня,
Бесшумней ночи затаенной, ты шел, молчание храня.
Чтоб скрыть завесой темноты позор небесной наготы,
Под утро появился ты, лазурь туманами темня.
Бесщебетны лесные чащи, угрюмо заперт каждый дом.
О кто ты, — тихо уходящий своим таинственным путем?
О друг мой, друг мой одинокий, я дверь открыл
во мрак глубокий,—
Не проходи, как сон далекий, бесстрастно миновав меня!

* * *

В ненастную ночь я свидеться должен с тобой, —
Наперсник души моей, друг дорогой.
Дверь открываю снова и снова, глядя во мрак грозный.
Небо в отчаянье плачет, я потерял покой.
Я ничего не вижу сквозь тьму, сквозь муть.
Вот и гадаю, — где же твой тайный путь?
Где же в глуши темноты одиноко проходишь ты,
По краю какого леса, за какой далекой рекой?

* * *

Снова подходит ашáрх, заоблачив небо кругом.
Благоухает ветер дождем.

Старое сердце мое сегодня бьется живее, дышит
свободней.

В тучах густых пробуждается гром.

С места на место переходя, в поле темнеют тени дождя.

«Пришел, пришел», — душа смеется, «Пришел,
пришел», — душе поется.

Он в глазах моих, в сердце моем.

Явилась толпа темно-синих туч, ашархом ведома.

Не выходите сегодня из дома!

Потоками ливня размыта земля, затоплены рисовые поля.

А за рекой — темнота и грохот грома.

Слышишь: паромщика кто-то зовет, голос звучит

незнакомо.

Уже свечерело, не будет сегодня парома.

Ветер шумит на пустом берегу, волны шумят

на бегу, —

Волною волна гонима, теснима, влекома...

Уже свечерело, не будет сегодня парома.

Слышишь: корова мычит у ворот, ей в коровник пора

давно.

Еще немного, и станет темно.

Взгляни-ка, вернулись ли те, что в полях с утра, —

им вернуться пора.

Пастушок позабыл о стаде — вразброд плутает оно.

Еще немного, и станет темно.

Не выходите, не выходите из дома!

Вечер спустился, в воздухе влага, истома.

Промозглая мгла на пути, по берегу скользко идти.

Взгляни, как баюкает чашу бамбука вечерняя дрема.

* * *

Рухнул грохот огромного дóмору, ночь смятеньем
объята.
Инжирная роща под ветром дрожит на краю
небоската.
Лепет речной, трепет лесной, шелест ручья
в темноте ночной
Сливаются в гул отдаленный, в напев саньяси-срабона.
Желто-красным цветением рощ в упоении дышит
мгновенный ветер.
Блещет молний изломанный луч, — некий демон,
свиреп и могуч,
Бешено пляшет, ломится спьяну в капище туч.

* * *

К роще моей души, истомясь разлукой, она идет
в ночной тени.
Бубенчики ее браслетов в моей крови звенят:
рини-рини.
Сердце трепещет в порывах жгучих, гром пробудился
в тучах.
Отзываются звоном цикады: джিনি-джини.
В роще моей — ливень захлест,
ни луны, ни звезд.
Не замечающая ничего, со следа сбивается своего, —
С дороги тайной, где мрак бескрайный и молний
быстрые огни.

* * *

Моя душа — подруга тучи,
Она скитается в просторах неба,
В пленительных мелодиях дождя,
И в лепете, и в шелесте, и в плеске.
 На крыльях лебединых, журавлиных
 Она взлетает в резком блеске молний...
 В бушующем восторге ураган
Бьет в медные кимвалы гулко, звонко.
Поток шумит напоминаем грозным,
И ветер, что рожден восточным морем,
Проносится по волнам половодья.
 Душа летит в хмельном струенье ветра
 По густолистным зарослям тамала,
 Меж трепетных ветвей.

* * *

Она подарила мне первый цветок поры дождей,

И первую песню этой поры я отдал ей.

Напев мой — окутан темнотой, облачной тенью густой,

Он — первый росток, золотой колосок на ниве моей.

Сегодня я был осчастливлен твоей добротой,

А завтра корзина твоя, может быть, будет пустой,

Но река твоего отчужденья глухого принесет тебе

снова и снова

Золотую ладью, — песню мою, что все горячей,

все нежней.

* * *

Солнечный луч засмеялся в объятьях туч, — дожди
иссякли вдруг.

Сегодня есть у меня досуг, чудесный досуг.

В какую бы рошу пойти, не намечая пути?

Иль, может быть, убежать с детворой на пестрый
луг?

Из листьев кетоки лодку слажу, цветами ее уберу,
Пушу по озеру, — пусть плывет, колышась на ветру.
В лугах разыщу пастушонка, на свирели сыграю звонкой.
Валяясь в чаще, измажусь пыльюю тонкой, желтеющей
вокруг.

* * *

В лугах мы гирлянды сплели, букеты связали,
Колосьями спелого риса корзину убрали.
Лакшми осенней поры, венчанная лотосом белым
богиня,
С холмов изумрудных к наполненной светом
долине —

Спустишь по дороге синей,
Явись из чудесной дали!

В тихой роще, на берегу Джахнави, ковер для тебя
готов

Из осыпавшихся жасминных цветов.

Расстилает у ног твоих крылья лебедь,
спутившийся с облаков.

Пусть вина твоя звенит золотая,

Пусть льется мелодия, в струнах блистая,

Мгновенные слезы и смех ликованья сплетая.

Коснись меня камнем волшебным, что блестит в
твоих волосах,

Коснись рукой благодатной, светящейся впотьмах!

И вмиг просветлеют тревоги, заботы, печали!

* * *

Что за гость под осень пришел к порогу твоему?
Песню радости пой, душа, ликование в твоём доме.
Пусть звучит на сладостной вине томленьё небесной сини,
Ее затаенное слово, не ведомое никому.
Пусть вторит твой голос счастливый звонкому шелесту
нивы,
И несет поток полноводный эту песню по свету всему.
Прими с отрадой глубокой пришедшего издалёка, —
И дверь распахнув широко, иди навстречу ему.

* * *

Ты, осень, принесла пригоршни света,
Он хлынул через край, рассеясь где-то.
Мелькнут ли в волосах твоих росинки,
Иль твой анчол метнется на тропинке, —
Рассвет заблещет, радостью согретый.
Твои браслеты, в их алмазном блеске,
На зелень трав бросают свет нерезкий.
Тень зарослей, как в танце небывалом, —
Колышется, играя покрывалом,
Под голос песни, вдалеке пропетой.

* * *

О Лакшми прохладной поры, зачем ты таишься от нас?
Под мглой покрывала не видно прекрасных глаз.

От скрытых рыданий твой голос трепещет в гортани,
Светильник твой смутно мерцает в вечерний час.

Ты наполнила золотом риса тяжелым анчол земли.
Двор кругозора твоим изобилием полон — вблизи и вдали.

Что ж таишься в тени своих даров и не сбросишь
покров?

О дарительница, появишься один-единственный раз!

* * *

Сама весна у порога твоего!

Не причини ей страданья жизнью своей затаенной —

Ни одного огорченья, ни одного!

Открой скрытноцветное сердце, его глубинную суть,

Отрешенность свою позабудь.

С небом, звенящим песней влюбленной,

Единым будь.

Расточи, раздари заветное, сокровенное, —

Себя всего.

Какое томленье леса таят,

Как чутко росинки в листе горят!

Южный ветер к моей душе прикоснулся дрожью,

Кого-то он ищет, стучится в двери, мчится по

бездорожью.

Почему не уснула ночь, упоенная благоуханьями, —

К чьему склонилась подножью?

О весна, — пленительная, несравненная, —

Кого так торжественно ты ожидаешь, кого?

* * *

Что-то от легких касаний, что-то от смутных слов, —
Так возникают напевы, — отклик на дальний зов.
Чáмпак средь чаши весенней, полáш в пыланье
цветенья —
Подскажут мне звуки и краски, — путь вдохновенья таков.
Всплеском мгновенным возникнет что-то,
Виденья в душе — без числа, без счета,
А что-то ушло, отзвенев, — не уловишь напев.
Так сменяет минуту минута — чеканный звон бубенцов.

* * *

Прощальную песню, растенья, спойте весне.
Как мало цветов осталось в корзине весенней!
В последний день весны облака от слез красны.
В облетающей роще все меньше и меньше тени.
Солнце, пылающее в вышине,
Сжигает мечтанья в кровавом огне.
Полны дыханьем ветров суровых парусá облаков
багровых.
В бамбуковых зарослях ширится шепот смятенья.

* * *

Когда жасминный цветок еще томился в бутоне,
Тебя встречал я, сложив благоговейно ладони.

Тогда в предутренней мгле

У юной зари на челе

Росою сверкал пурпурный веноч, подобно короне.

Еще не смолкли песни лесов — тысячи голосов,

Неужели уйдешь ты от всех цветений, всех благовоний?

О лиана моя, ты умолкла сурово.

Скажи мне прощальное слово,

Пока не легли соцветья твои ковром на зеленом склоне.

У. Р а з н о е

* * *

Ритмом пляски, ликующий Шива, ты срываешь все пути,
Разрушаешь сны, пробуждаешь сердца, звенеть
заставляешь минуты.

Легче пуха, касанием ветра, на озере духа,
Ты в веках, и в эпохах, в мелодиях, вздохах
Зыблешь волны, безмолвный, и лотоса запах
доносится смутный.

Поклоненье мое, преклоненье мое прими, о молю!
Танец твой красотой наполняет душу мою.

В этом танце и майя и мукти — свобода души.
Целый мир обнимая, тень от пляски немая витает в тиши.
Ритм движений твоих срывает оковы, надевает их
снова,

Ты в веках, и в эпохах, в мелодиях, вздохах,
Где конец — не узнаешь, надежду в себе потуши.
Поклоненье мое, преклоненье мое прими, о, молю!
Танец твой красотой наполняет душу мою.

Покоренные ритмом, слились воедино частицы,
Ты ступаешь по звездам, и солнце бубенчиком света
лучится,
И от пляски твоей пробуждается в мире сознание,
Ты в веках, и в эпохах, в мелодиях, вздохах,
И в страданье, и в горе, как волны на море,
высшей радости веет дыхание.
Поклоненье мое, преклоненье мое прими, о, молю!
Танец твой красотой наполняет душу мою.

И в сознание моем плясешь ты — разметались космы
волос,
В вихре пляски твоей мне миры обойти удалось.
О прекрасный и добрый, ужасный и
громоподобный,
Ты в веках, и в эпохах, в мелодиях, вздохах,
Ты играешь на домору жизни и смерти и дробь
выбиваешь, подобную грому.
Поклоненье мое, преклоненье мое прими, о, молю!
Танец твой красотой наполняет душу мою.

* * *

Пляска твоя вещала мира конец и начало,
Космы волос разлились, как река без причала, —

Ганга мчится потоком, мечется волн вереница,
Пляска, бушуя, вздыбила бурю большую, и пена
клубится.

Откликается солнце потоками яркого света, —
Для Покинувшей волосы Шивы не жалеет привета.

Захмелела река от восторга, несет облака,
Потерявшая дом, обрела его вновь на века.

* * *

Держит Шива литавры времен, сна лишают они:
И стучат и звенят неизменно, все ночи и дни.
 Дробный звук их — в шипах, и в цветах,
 и в приливах, отливах
 То ль о счастье поет, то ль о горе
 в сердцах несчастливых.
В море образов зыблются волны от пляски,
Это борется белое с черным, и в ритме меняются краски.
 В том же ритме сложи свою песню, мелодию
 плача и смеха,
 К танцу жизни и смерти литавры зовут,
 точно эхо.

* * *

В сердце комнату игр я строю и строю опять,
Сколько ночей не спал за игрою — не рассказать.
Утром путник зовет — не могу покинуть ворот,
Он из дома зовет, не могу за порогом играть.
Все богатство мое — для другого бессмысленный хлам,
Строю комнату игр из осколков минувшего сам.
С другом новой игры разделю я игры моей трон,
Но каким заклинанием склеит разбитое он?

* * *

Двери мои открыты, не могут они закрыться,
Мне и ночами снится: мчится его колесница,
В месяц срабон — грохот колес, гомон гроз.
Тучею грозовой виснут над головой,
В месяц фальгун — веет дыханье роз,
Ветер живой играет с листвою, я сам не свой,
Вижу блеск его молний, вижу — сверкает зарница,
Вижу, как все уходят, песни поют в пути,
Плещет радостью жизнь — и хорошо идти.
Облако пролетает и пропадает где-то вдали,
В тайной отчизне мелодий, где сходятся тропы земли.
В ту же страну, мне снится, летит и души моей птица.

* * *

Лодочник, кормчий жизни моей земной,
Слышишь с другого берега пенье свирели ночной?
Разве твоя ладья не пристанет к нему?
Разве не вспыхнут факелы и не рассеют тьму?

Кажется мне в тишине: слышится ветра полет,
Чей-то голос зовет, по морю тихо плывет.
Я в этот мир принес немного цветов,
Свежей охапкою я украсить корзину готов,

* * *

В месяц фальгун у меня во дворе сирис цветет,
что ни год,
В буйном цветенье волнение любви настает,
Сумеречной порой, как только смолкает щебет
Птиц, утомленных игрой в ласковом небе,
Каждый цветок, лепесток, набравший силы бутон
Спрашивает — пришел ли он?

В месяц фальгун сирис цветет, промчался год,
В буйном цветенье волнение любви настает,
Ветер качает грозди цветов упоенно
В ритме счастливом браслетного легкого звона,
Но беспокойством томит этот божественный звон:
Спрашивает — пришел ли он?

Снова месяц фальгун придет, сирис опять зацветет,
Так же ликующе юн будет цветения взлет.
Слушать будет сирис в опьянение шум шагов
и ловить движение,
Снова поверит он в таинственное приближение,
Голос его шелестящий, манящий меня позовет,
Спросит — он не придет?

Взволнованный снами фальгун с трепетными ветвями!
Я обращаюсь к тебе с трепетными словами:

**О свет ночей моих, счастья родник и страданья,
Разве не кончился срок моего ожиданья?
Ветер лесной дует всю ночь напролет.
Разве он не идет?**

VI. Обрядовые песни

* * *

Тебя земля к себе влечет;
Свой расстелив анчол, с любовью сына ждет.
Жизнь вырвалась из недр земли, ковром цветов ее
улыбки расцвели.

Всех песнями земля зовет,
Твореньям всем ее объятия раскрыты,
Рождение и смерть в ней непостижно слиты.
Из глубины ее священной поток струится в океан
вселенной,
Поет о жизни голос вод.

* * *

Будем все собирать урожай!
Поле — друг наш. В амбары дары его лягут.
Их наполнят, и хватит запасов нам на год.
Дар земли мы возьмем, — рис мы жнем,
И поем, — радость бьет через край!
Тени плыли, как призраки, в пору дождей.
Но явился к нам свет — золотой чародей:
Для полей тьма и солнце соткали уборы,
И чаруют нам взоры родные просторы.
Дар земли мы возьмем, — рис мы жнем,
И поем, — радость бьет через край!

* * *

Приди к нам, о пламя, и жизнь озари!

В светильниках наших гори!

Неси золотое сиянье, здоровье, мечты, упованье!

И счастье любви подари!

Приди, освяти наше рвенье!

Пошли радость сна и восторг пробужденья.

В ночь скорби над ложем мерцай; как мать, наши

сны охраняй!

Сияй нам на празднике ярче зари!

Из книги

«СНОВА»

(«Пуношчо»)

1932

К О П И Я

Лениво ум мой по теченью Падмы
Блуждает.
На песчаном берегу,
Далеком, обнаженном, равнодушном
К живущему и страждущему миру,
Деревья одинокие собрались
Вкруг хижины разрушенной... Бамбук...
Да манговое дерево... Да старый
Баньян, такой же древний, как она.
За хижиною пруд. Горчицы поле.
Индиговой фактории остатки,
Где день и ночь шумят деревья джхау;
На этом берегу,
Таком же хмуром,
Раджбоншей поселение.

Их козы
Пасутся тут же... А с холма взирают
Базара гофрированные крыши.
И кажется, объят поселок страхом
От ледящей близости реки.

Она течет из древних текстов прямо.
И Ганги кровь священную несет
По венам гордо.
От домов поселка
На расстояние держится. Как будто
Она не видит их. Не узнает!
О, как ее манеры величавы.
Они иль с одинокою вершиной,
Иль с одиноким зовом моря схожи.
Так схожи, что невольно вспомнил я,
Как здесь однажды в лодке задремал
В почном уединенье
Под созвездьем
Медведицы Большой.
Проснулся же я с утренней звездой...
И эти волны
Бежали равнодушно мимо края
Моих ночей и дней. Точь-в-точь как путник,
Идущий мимо радости и горя,
Что в придорожных домиках живут,
Так близко и далеко от него.

И вот, прощаясь с юностью, вернулся
Я вновь сюда,
На старую равнину,

Тут в зелени укрылась деревушка
Санталов. Тут бежит со мною рядом
Речушка Копай,
Соседка с детских лет.
Ей не хватает древности и славы.
Зато она свое простое имя
Смешала с громкой болтовнею женщин,
И здесь, между водой и берегами,
Нет разногласия.

Любовь к деревне
От берега до берега слышна.
Здесь конопля над самою волною.
Кивают головой побеги риса.
А там, где с речкой
Встретилась дорога,
Вода великодушно уступает
Проходим путь, чтоб вброд переходили
Прозрачный и болтливый ручеек.
Над полем вознеслась высоко пальма.
На берегу теснятся манго, джам.

Язык реки — язык простого дома,
А не ученых речь.
Волну и берег
Объединяет общий ритм. И речка
Богатствам не завидует земным.
О, как она изящна, извиваясь
Среди теней и света!
Как в ладоши
Умеет хлопать! Как гибка, упруга
Бывает в дождь! Она не уступает
Танцующим девчонкам деревенским,
Что выпили немножечко вина.
Но и тогда речушка не выходит
Из берегов, чтоб затопить окрестность,
А лишь стремительным движеньем юбки
Бьет в берег и со смехом вдаль бежит.
По осени становится прозрачной
Ее вода и отмели виднее.
Но бедность не стыдит ее.
В богатстве
Она была не наглой,
И унижить
Теперь ее бессильна нищета.
И потому она всегда прекрасна,
Как девушка — и радостная в танце
И грустная, с усталостью во взоре,
С усталою улыбкой на устах.

Ритм Копан похож необычайно
На ритм моих стихов.
Объединяет
И землю он и воду. Наполняет
Он музыкой часы дневных работ.
В незримом ритме том сантальский мальчик
Бредет лениво с луком и стрелой.
И в этом ритме движется телега,
Нагруженная сеном. И горшечник
На ярмарку идет, неся посуду
В корзинах двух, привязанных к шесту.
И за хозяйской тенью собачонка
Бежит в том ритме.
В нем учитель школьный,
Не заработавший трех рупий в месяц,
Идет устало,
Свой облезлый, старый,
Дырявый зонт раскрыв над головой.

Н О В О Е В Р Е М Я

В наше время, когда на пастбищах
Окончилась первая утренняя дойка коров
И первые молочницы уже прекратили торговлю,
Я вышел на улицу
При беловатом, незрелом
Свете утра с корзиной в руке
И стал громко расхваливать
Свои беловатые, незрелые плоды, —
Которые, может быть, с бочка кое-где
И подрумянились,
Но спелыми уже никак не были!
Я часами бродил по улицам.
Сколько людей заговаривало со мной,
Сколько людей брало руками плоды,
Сколько возвращало обратно.
Сколько было и таких, что ели,
А денег не платили!
Этот день прошел.

Время идет, уничтожая свои следы.
Зачем же сами мы
Накапливаем воспоминания?
Зачем заботы прошедшего дня
Мы перетаскиваем в сегодняшний день?
Почему не покончим с теми долгами, что
должны нам,
И с теми долгами, что должны мы?

Почему, отпущенные на волю,
Мы не пойдём — рука в руке, —
Глядя вперед?
На отходах вчерашнего дня
Не затеешь новое дело.
Это я усвоил прочно.
Что из того?
За жизнь на этой Земле, — день за днем, —
Надо платить наличными.
А в последний день многие
Проявляют бешеную силу,
Цепляясь за жизнь, —
Бесплезная попытка запереть себя!
К чему эта глупость?

Одним словом, с первым ударом колокола
Расплатившись по счетам,
Я вышел.
Когда я, вернувшись, подошел к двери,
Я увидел: ты стоишь
Во дворе этого нынешнего времени.
Однажды когда-нибудь
Знакомые твои
Станут громко восклицать:
«Для чего он тебе нужен!» —
И тебе станет невыносимо больно.
Таково было мое опасение.
Такова была моя надежда.
Ты не колебалась,
Ты связала в сердце
Твое и мое время
Узлом,
Я увидел, взглянув
В твои большие глаза:
Грустная надежда
Прячется между ресницами.

Итак, пришлось вернуться еще раз.
Закончив жизнь, я все начал сначала,
Взглянув тебе в лицо,
Я внял твоей мольбе.

Речь свою я одел
В одежду ваших речей.
Я оставил ее в пути
На постоялом дворе.
Друг мой, рядом идущий, я думал о тебе!
Придет время — и ты скажешь знакомому:
«Эта речь дошла до ваших сердец!
Она — нужна вам».
У меня нет времени протягивать руку
За мирскою славой.
Но ты поверила мне,
Подчиняясь внутреннему голосу,
И я хочу как-то оправдать это доверье.
Вот мое желание.

Я хочу, чтобы ты могла всем сказать гордо:
«Он принадлежит и вам!»
С этой болью в душе я пришел
В нынешнее время,
И, обернувшись, вижу: тебя нет,
Ты, прикрыв лицо, ушла туда,
В мое прежнее время,
Где осталась вечной давняя моя речь.
И вот я поныне брожу,
Толкаемый, в толпе нового,
Там, где есть сегодня,
Но нет вчера и завтра,

К Х О И

На западе сад, лес, поле
Слились в одну фиолетовую полосу.
Посередине — скрытое в зарослях
Манго, джама, пальм и тамаринда
Сантальское селение.
Вьется длинная дорога без тени,
Словно цветная кайма по краю зеленого сари.
Неожиданно поднялись одиночные,
Отбившиеся от роши пальмы.
Они словно вехи на пути не знающей куда идти
Неопределенности.
Без предела — зеленая накидка земли,
На северной ее стороне — надрез.
Почва разрушилась,
Появилась
Застывшая зыбь красного гравия.
Кое-где тронутая ржавчиной земля,
Похожая на голову Махигасури.
Наша планета Земля
В одном из своих уголков
Ударами дождя
Построила безымянные игрушечные горы,
У подножья которых течет
Безымянная игрушечная река.

Осенью на западном крае неба
В скоротечном великолепии заката
Сталкиваются, схватываются, борются различные цвета.
Над серыми игрушечными
Горами и рекою
Я увидел великолепие заката,
Которое так редко бывает в конце дня
На берегу этого моря из красного гравия,
Над голыми холмами цвета
Запекшейся крови,
Что похожи на гневные брови Рудры,
Несущего гибель всеобщую.

С западного края неба
Мчались яростные бури
С развевающимися стягами цвета охры,
Словно отряд маратхской конницы.
Шаловые и тиковые деревья
Тряслись и раскачивались,
Деревья джхау сгибались,
Бамбуковые заросли стенали,
Банановые сады были подвергнуты опустошенью.
При виде гравия, серого в дни ненастья,
Под рыдающим небом
Мне показалось:
На красном море поднялся шторм,
Высоко взлетают и падают бризги.

Я приходил сюда в детстве, —
Здесь, в пещерах и в ущельях,
У звенящего родника, я выдумывал тайны,
Я громоздил камни друг на друга,
И играл среди безлюдного полдня,
Один.

С тех пор прошло много дней.
Подобно роднику над камнем,
Надо мной протекло много лет.
Я мечтал возвести
Под этим небом, там, где оканчивается
разрушенная земля,

Символ деянья,
Подобно тому как в детстве
Строил из камней крепость.
Вот шаловый лес, вот одинокая пальма.
А вот единенье алой земли
С зеленым полем.
Где те, с кем я смотрел когда-то на это,
С кем мы сливались взорами и душами
Под песни дождей и под мои песни о дожде?
Кто-то еще жив, кто-то уже ушел.

Когда окончатся мои труды и дни,
Полночная звезда позовет меня
С вон того края неба.
А потом?
Потом останется с северного края
Эта душераздирающая краснота земли,
А с южного края — пашня.
На поле у восточного края
Будут пастись коровы.
По дороге, что идет через красную землю,
Крестьяне будут ходить на рынок за покупками,
А на западном краю неба
Останется нарисованной одна
Фиолетовая полоска.

Ж И Л И Щ Е

Берег реки Моюраккхи.
Между шаловым лесом и деревьями мохуа
Такая же дружба, как между моим ручным оленем и
теленком.

Листья опадают к подножьям деревьев,
Залетают в мое окно.
Пальма стоит прямо на востоке,
В наклонных лучах утра
Она бросает трепетную тень на стену моего дома.
По красной глине берега
Вьется тропинка.
Лепестки курчи падают на ее пыль.
Запахом цветов батавского лимона
Насыщен воздух,
Деревья джарул, полаш, мадар
Соперничают друг с другом.
Воздушные корни шоджне качаются на ветру.
Жасмин — чамели — вьется по ограде, —
На берегу реки Моюраккхи.

К реке спускаются ступеньки,
Выложенные красным камнем.
У реки — древнее дерево чампак.
Толст его ствол,
Я перекинул через реку мостики.
По краям этих мостиков
В больших стеклянных банках
Жасмин, тубероза, белый олеандр.

Кое-где вода очень глубока,
Кое-где видна на дне галька,
В реке плавают лебеди.
На пологом берегу пасется
Моя бело-бурая корова,
И рядом с ней пестренький теленок, —
На берегу реки Моюраккхи.

В комнате на полу лежит
Коврик бледно-голубого цвета.
На нем вытканы темно-коричневые цветы.
Стена оранжевого цвета
Окаймлена черным.
С восточной стороны дома
Маленькая веранда,
И там я сижу перед восходом солнца.
Я познакомился с одной женщиной.
Ее голос переливается,
Как блики света на браслетах танцовщицы.
Она живет в соседнем домике.
Стебли пассифлоры дотягиваются до его крыши.
Я ее слышу лишь тогда,
Когда она поет;
Сам же я никогда не прошу ее петь.
Муж ее — хороший человек.
Он любит мои сочинения.
Когда шутят, он умеет улыбнуться
В том месте, где нужно,
И так, как нужно.
Умеет непринужденно говорить банальности,
И вместе с тем он
Умеет вдруг завести такой разговор,
О котором люди, подмигивая, говорят:
«Поэзия!»
В одиннадцать часов ночи в шаловом лесу, —
На берегу реки Моюраккхи.

За моим домом
Огород.
На одном-двух битхах земли выращивается рис.

Есть сад, где растут манго и хлебные деревья.
Он окружен живой изгородью.
По утрам моя соседка
Выжимает масло и напевает.
Ее муж уезжает верхом на рыжей лошадке,
Чтобы наблюдать за полевыми работами.
На том берегу реки — дорога,
За дорогой лес.
Оттуда доносятся звуки сантальских дудок.
Зимой там раскидывают табор кочевники, —
На берегу реки Моюраккхи.

Довольно...

Такого дома у меня в действительности никогда
не будет,

И реку Моюраккхи я никогда не видел.

Ее название я не слышал.

Я вижу ее: быть может,

Это синева покрывала майи легла на веки.

Быть может, ничто уже

Не заинтересует мой ум.

Освободившись от всего,

Моя душа полна бесстрастия

И хочет уйти

На берег реки Моюраккхи.

МАЛЬЧИК

Этому мальчику только десять,
Живет он в чужом доме,
Растет, как трава у забора,
Без всякой заботы, ухода.
Есть у него только солнце, воздух и дождик,
Жучки с паучками, пыль и песок.
То козел пощиплет траву,
То потопчет корова,
А трава умирать не хочет,
Растет, набирается сил
В плотных зеленых побегах.

Мальчик срывает ююбу и валится с дерева,
Ногу ломает,
Дикие ягоды ест, нередко его тошнит.
За колесницей священной далеко уходит.
Все ему нипочем.
Выбьется вовсе из сил, но не падает духом,
А заблудившись, обратно находит дорогу.
Вечно оборванный, грязный,
Он и пинков получает немало.
Все его только ругают.
Но, улучивши минуту, опять он уж мчится куда-то,
Есть в излучке реки заросшая травами заводь.
Цапля стоит у воды,
Ворона уселась на ветку,

Насобирает корзину,
Сучки поломает,
Плоды передавит —
А ему и не стыдно!

Раз показал ему новый приятель
Трубку со стеклышком: «Ну-ка, в нее погляди!»
Мальчик глядит. Разноцветный узор!
Чуть повернешь — все опять по-другому.
Он говорит: «Подари это мне.
А от меня ты получишь ракушку,
Ею незрелое манго ты можешь легко очищать.
Дудочку дам я в придачу».
Однако приятель не отдал.
Вот и пришлось эту трубку стащить.
Мальчик совсем не завистлив, не жаден,
Просто хотелось ему посмотреть,
Что там внутри.
Старший брат отодрал его за уши:
«Как же украсть ты посмел?»
А сорванец ему отвечает:
«Он не хотел мне отдать!»
Словно не сам виноват, а приятель.

Страха, брезгливости в мальчике нет.
Раз подобрал он лягушку,
В яму в саду посадил,
Стал кормить пауками, червями.
В коробочку спрятал жука,
Кормит навозом сухим;
Выбросить не позволяет — никак!
В школу приходит с бельчонком в кармане,
В стол раз к учителю змейку пустил,
Думает: «Ну-ка, посмотрим, что будет?»
Змейку увидев, вскочил и умчался учитель.
То-то потеха была!

Выкормил мальчик собаку,
Не знаменитых каких-то кровей, —
Самой скромной бенгальской породы.
Видом с хозяином схожа она,
Да и такого же нрава.

Если она голодает, то что же
Ей остается — только украсть?
Вот почему перешибли ей ногу,
И, как следствие этой причины,
Был у обидчика сломан забор.
Спала та собака в постели хозяйской,
Да и хозяин не мог бы заснуть без нее.
Раз она сунула морду в соседскую миску —
И жизнью своей поплатилась за это.
Мальчик, который не плакал при большей беде,
Прячась от всех,
Слезы два дня проливал.
Есть или пить в это время ему не хотелось.
Даже плоды, что созрели в саду у соседа,
Не соблазнили его.
Играл малыш на ближнем дворе.
Мальчик надел на него старый помятый котел —
Пострадавший ревел, словно фабричный гудок.

Где ни появится мальчик, все прочь его гонят,
Только молочница Шидху поит парным молоком.
Семь лет, как умер сынок у нее, —
Разница в возрасте с мальчиком нашим — три дня.
Был он смуглым таким же,
С таким же чуть сплюсненным носом.
Но и молочницу стал донимать проказами мальчик:
То обрежет веревку и пустит корову на волю,
То запрячет крынки куда-то,
То измажет краской одежду —
Дай-ка, мол, посмотрю, что из этого выйдет?
Но от этих бесчинств он стал ей только дороже:
Если его кто бранит,
Она заступиться готова.

Амбике, старый учитель, мне так говорил:
«Нет у него и желанья понять
Ваши стихи в хрестоматии школьной.
Он ведь тупица!
Из озорства вырывает листы
И говорит, что съели их мыши.

Вот обезьяна!»
Я ж отвечал: «Не моя ль в том вина?
Если б поэт говорил на его языке,
Если бы жук хорошо был описан,
Мальчик бы не оторвался от книги.
По-настоящему я не мог написать о лягушке
Иль о трагедии этой бездомной собаки».

СКОРБЬ

В дни скорби я говорю своему перу:

— Не срами меня!

Не обнаруживай мою боль,

Которая не является болью всех,

Не выставляй ее

На всеобщее обозрение.

Не скрывай лицо во тьме.

Не держи дверь запертой.

Пусть горит,

Переливаясь всеми цветами,

Яркий светильник.

Не будь скупым!

Мир беспределен.

Не померкнет никогда его величие,

Невозмутима его природа.

В околосолнечном пространстве

Он высоко держит голову.

Бесстрастен его холодный немигающий взгляд.

Горы, реки, равнины —

Это его неподвижная грудь.

Он не принадлежит мне одному,

Его хозяин — неисчислимое множество людей.

Повсюду гремят его литавры,

Для всех пылает его светильник,

В космических просторах реет его знамя,

Перо мое, не срами же
Перед миром меня!
Моя потеря, моя боль — что они
Перед ним? — пылинка пылинки!

Но если я смогу своими силами
Преодолеть боль,
Если смогу забыть ее,
Тогда я сразу увижу ее представшую в виде
вселенской боли.

Тогда я увижу:
Половодье страданий
Разлилось в веках по миру.
Бегут ручьи и потоки,
Маханади горя течет через все дома.
Брахмапутра слез
Вздывается и падает волнами.
В берегах бытия
Происходит огромная
Разрушительная и созидательная работа скорби
В разных краях и странах.
Вечная боль разлук,
Вечная человеческая беда
Вдруг влилась в мою грудь,
Сотрясая мои ребра,
Затопила мое сердце.
С какой целью? Кто знает?
Сегодня я громко говорю своему перу:
— Не срами!
Пусть твой дар
Затопит берега,
Пусть в этом щедром разливе
Потонет моя боль.
Слабый крик ее соедини
С тысячами криков,
С многоголосым хором мира.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Казалось, хмурится мой дом пустой
И отвернулся от меня в обиде.
Брожу по комнатам, не находя
Себе в нем места. Я сдаю в аренду
Свой дом и уезжаю в Дехра-Дун.
Я долго не решался отворить
Дверь в комнату Омоли. Грудь сжимало.
Но надо было комнату убрать
Пред тем, как дом сдавать, и я решился
И смело отпер дверь. Флакон духов.
Гребенка. Пара туфельек из Агры.
Налево фисгармония в углу.
На полке книги. Вклеены картинки
В альбом. В порядке платья и белье.
В шкафу зеркальном разные игрушки.
Коробки из-под пудры. Пузырьки.
Я в кресло у стола сажусь в молчанье.
Вот кожаная сумка. С ней, бывало,
Она ходила в школу. Вот тетрадь
С задачами. Раскрытое письмо
Оттуда выпало. Мой адрес криво
Был нацарапан детскою рукой.

Пред утопающими, уверяют,
Картины прошлого проходят вмиг.
Когда я в руки взял ее письмо,
То тоже вспомнил все в одну минуту.

Когда скончалась мать ее, Омоли
Исполнилось семь лет. Какой-то страх
Не покидал меня. Я опасался,
Что девочка недолго проживет.
Какая-то печаль ее мрачила.
На личико ее ложилась тень
Предчувствуемой будущей разлуки.
Мне страшно было дома оставлять
Ее одну. Работая в конторе,
Я думал, мало ли какие вдруг
Несчастия случаются на свете.

На праздники приехала гостить
Из Банкипура тетя. «В наше время
Все грамотны, — заметила она. —
Кто женится теперь на неученой?»
Мне стало стыдно. Я пообещал
Отдать без промедленья дочку в школу.
Что и исполнил на другой же день.
У дочки было много дней свободных,
Но и в учебные она тайком
Домой из школы ухитрялась бегать,
И я, отец, был в заговоре с ней.

На следующий год, приехав, тетя
Сказала: «Вот что, больше так нельзя.
Я увезу ее и в Бенаресе
Пристрою в самый лучший пансион.
Спасу племянницу от ласк отцовских».
Уехала Омоли, скрыв обиду.
Зачем я с тетей отпустил ее!
Я в Бадринатх отправился молиться,
Чтоб убежать от самого себя.
Четыре месяца я жил без писем.
Я думал, наша родственная связь
Ослабла там благодаря заботам
Наставников, и отдал дочь в душе
В господни руки с чувством облегченья,

Спустя четыре месяца я сам
Задумал съездить в Бенарес к Омоли,
Но по дороге получил письмо.
Бог взял ее. Мне нечего прибавить.
Я — в комнате Омоли. Предо мной
Ее письмо. Она в нем пишет: «Очень
Хочу тебя увидеть...»
Вот и все.

КОРЗИНА ДЛЯ БУМАГ

Отец вошел и спросил:
«Чем ты занята, Шуни?
Зачем чемодан набиваешь одеждой? Куда ты?»

Комната Шуни высоко — четвертый этаж.
Окна — их два — выходят на юг.
Простая кушетка,
Постель на ней застлана ситцем,
Напротив — письменный стол,
А на нем фотография матери,
Ныне покойной.
Рядом с нею — портрет отца,
Обрамленный цветами.
На коврике, что на полу,
Разбросаны сари, сорочки,
Блузки, чулки и платки носовые.
Пес, вертясь под ногами, машет хвостом,
Тычется мордой в колени:
Ему непонятно, что это за сборы,
И страшно, что могут уехать, оставив его.
Шомита, сестра ее младшая, смотрит в окно,
Обхватив колена руками.
Не причесаны волосы, а глаза
Покраснели от слез...
Шунрита не произносит ни слова,
Низко она наклонилась и занята только укладкой,

Руки дрожат.
И снова отец говорит:
«Ты куда собираешься, Шуни?»
И слышит твердый ответ:
«Ты ведь сам говоришь,
Что свадьбе моей не бывать в этом доме.
Я уезжаю в семейство Ону».
Шомита вскрикнула: «Диди, не стыдно тебе?»
Отец же добавил: «Им наши обычаи чужды».
«Но с ними должна я считаться теперь», —
Ответила Шуни, булавки собирая в пакетик.
Тверд ее голос,
Лица выражение сурово
И неколебимо решение.
Снова отец: «Но в доме Ону соблюдают обычаи
касты,
Разве его отец согласится?»
И гордо воскликнула Шунрита:
«Ты ведь не знаешь Она-бабу!
Он на своем настоять умеет».
Тяжко вздохнув, поднялся отец,
Встала Шомита, его обняла,
И оба из комнаты вышли.

Пробило полдень.
Шунрита так и не ела с утра,
На просьбы сестры отвечала:
«Есть я буду в новой семье, у друзей».
Собрался просить и отец
Сироту, любимицу-дочку.
Но Шомита ему преградила дорогу:
«К ней я тебя не пушу.
С нами не хочет обедать? Ну и не надо!»

Молча к окну подойдя,
На улицу Шунрита смотрит:
Подъехала Ону машина.
Волосы быстро собрав,
Она брошью сари сколола.
Шоми вошла и сказала: «Письмо от них получай!»
И швырнула конверт на колени.

Шунрита стала читать,
Лицо ее вдруг побледнело,
На чемодан опустилась она...
Вот что было в письме:
«Уговорить я пытался отца,
Но не вышло.
И потому...»

Пробило час.
Шуни молча сидит, глаза ее сухи.
Вошел слуга Рамчорит:
«Машина давно ожидает».
Шуни ответила: «Пусть уезжает обратно!»
Пес ее молча улегся у ног.
Все понял отец.
Не задавая вопросов,
Дочку погладил по голове:
«Поедем-ка, доченька, к дяде — в Хошангабад!

...Назавтра день свадьбы.
Но жениться не хочет Ону.
Мать огорченно сказала: «Подумай!»
«Вижу, сошел ты с ума!» — добавил отец.
В доме уже электрических лампочек тянут
гирлянду,
Флейта все время поет...
А душа Ону пылает...

Семь часов вечера.
В доме, где Шуни живет,
Койлеш, управляющий, держит хукку из кокоса
В левой руке, а правой рукой
Пальмовым веером машет; он курит табак.
Ноги ему растирает усердный слуга.
Коврик в пятнах чернил, разложены стопкой
бумаги,
И керосиновый часто мигает фонарь.

Ону вошел.
Койлеш поспешно поднялся,
Дхоти свое оправляя.

И вот что услышал:
«Захлопотался я и опоздал
Праздничный вам принести подарок», —
И гость добавил смущенно:
«Я, кстати, взглянул бы на комнату Шуни».

Вошел.

Сел на кровать, лицо закрывая руками.
Запах какой-то неясный
Коснулся его, как сквозь сон,
Запах волос, иль, быть может, засохших цветов,
Иль воспоминаний, оставшихся
В комнате, ныне пустой, — где стол, постель,
занавески.

Молча курил он. Потом сигарету
Бросил в окошко. Из-под стола
Достав для бумаги корзину,
Поставил себе на колени.
Сердце заняло в груди.
Видит: набита корзина обрывками писем
На лиловатой бумаге,
И собственный почерк узнал он,
И фото свое — от него лишь остались клочки —
И два цветка, что хранились года четыре,
Связаны ленточкой красной —
Стебли засохших
Анютиных глазок, фиалки.

МИР НАСЕКОМЫХ

В одном конце сада, между ветвей камини
Паук развесил узор из росинок,
В другом конце, около дорожки,
Высится из комьев красной земли
Муравейник.
Я утром и вечером гуляю туда и обратно
Между ними.
Рассеянно замечаю, что
На шефали появились почки,
Что эрватамия покрылась цветами.
В середине вселенной
Мир человека на вид такой маленький, —
Но ведь он на самом-то деле
Не так уж мал,
Так же как и этот мир насекомых,
Который сразу-то и не разглядишь,
А тем не менее он находится в центре вселенной.
Сколько прошло веков,
Сколько у муравьев хлопот,
Сколько нужд, сколько проблем.
Какая история!
День за днем, ночь за ночью они
Проявляют
Неистребимое упорство
Жизненной силы.

Между ними, по тропинке,
Я хожу туда и обратно,
Не слыша вечнотекущего
Потока их сознания,
Не замечая их голода и жажды,
Рождения и смерти.
Я хожу,
Вполголоса напевая,
Стремлюсь к одной половине куплета
Подобрать, соответствующую ей, вторую.
Эти странные поиски
Не имеют никакого смысла в мире паука
И в мире муравьев.
Разве в их безмолвной вселенной
Сейчас рождается
От ощущений — мелодия,
От обоняния — мысль,
От движения — невысказанная боль?
Они шевелят губами, неслышно разговаривая.

Я — человек.
В душе я знаю:
Вся вселенная доступна мне
До своих самых отдаленных уголков, —
Все препятствия когда-нибудь падут предо мной,
Но мир паука навечно
Закрит для меня.
Занавес опустился навсегда,
Скрыв от меня душу муравья.
Я хожу у края мира,
Волнуемого моими радостями и горестями.
Я вижу крошечные беспредельности,
Моя тропинка — вне их.
Утром и вечером
Я хожу туда и обратно.
И вижу: на шефали появились почки,
Эрватамия покрылась цветами.

КАМЕЛИЯ

Комола звали ее.

Это имя сумел я прочесть на обложке тетради:

Ехала с братом она в колледж,

Я в трамвае сидел позади.

Я увидел округлую линию нежной щеки,

А на шее — пучок ее мягких волос,

На коленях — тетради и книги.

На своей остановке я не сошел...

С той поры, по утрам выходя на работу,

Выбирал я мне нужное, точное время,

Хоть оно не совсем совпадало с моей работой,

Но зато совпадало с их появлением,

И я видел их часто — сестру и брата.

Думал: знакомиться с нею не надо,

Пусть она мне попутчицей будет — и только.

Я смотрел на нее:

Чистый лоб, зачесаны волосы вверх,

И решительный взгляд ее светится ясным умом.

Я мечтал о том, чтоб возникла

Неожиданная опасность

И чтоб я появился в роли ее избавителя.

Скажем, какое-нибудь безобразие на улице

Или выходка наглеца-хулигана, —

Разве теперь такие случаи редки?

Но моя судьба, увы, мутна, как болото,
Однообразные квакают дни, как лягушки,
Нет крокодилов, нет и акул,
А тем более нет лебедей.

Однажды трамвай был переполнен.
С Комолой рядом сел полукровка.
Так и хотелось сорвать с головы его шляпу
Или схватить за шиворот, высадить
Этого полуангличанина.
Руки мои чесались,
А предлога не находил я.
Вдруг закурил он и стал сосать
Толстую сигару.

Я подошел, сказал: «Брось!»
Но, казалось, меня этот парень не слышит, —
Продолжал он пускать клубы дыма.
Вырвал я изо рта у него сигару,
Выбросил ее, дымящуюся, на улицу.
В кулаки он сжал свои руки,
Пристально посмотрел на меня — и разом
Выскочил, не сказав ни слова, из трамвая.
Кажется, он меня узнал:
Имя мое известно в футболе, —
Кстати, это довольно громкое имя.
Девушка покраснела,
Книгу открыла, притворясь, что читает,
Руки ее дрожали, она не взглянула
Даже искоса на меня, на героя.
Клерки, которые были в трамвае,
Похвалили меня: «Вы хорошо поступили».
Резко поднявшись,
Девушка вышла (не на своей остановке),
Села в такси и уехала.

Утром следующего дня
Девушки не было в этом трамвае.
Не было и через день.
Третий день наступил, — смотрю:
Едет она в свой колледж на рикше.

Сразу я понял, что сделал промах:
Девушка эта умеет сама постоять за себя,
А в моей защите она не пуждалась,
И опять я подумал: моя судьба —
Мутное болото — и ничего больше!
Мне показалось, что в моей душе
Квакает, смеясь над моим геройством, лягушка, —
Значит, придется исправить ошибку...

Стало известно мне: на каникулы летом
Брат и сестра уезжают в Дарджилинг, —
Может, полезна и мне перемена климата?
Там у них маленький домик, чье имя
«Жемчужина»,

В стороне от дороги, скрытый деревьями.
А впереди — вершина, одетая снегом.
Вот я живу в Дарджилинге и узнаю:
В этом году они сюда не приедут.
Я собирался уже возвращаться, —
Вдруг я встречаю болельщика нашей команды,
Моего большого поклонника:
Худощавый, высокого роста, в очках,
А зовут его Мохонлал.
Крепко надеялся он, что климат Дарджилинга
В строй приведет его
Расстроенное пищеварение.
Он сказал мне: «Тонука, моя сестра,
Ни за что от меня не отстанет,
Если с тобою не познакомится».
Я увидел: Тонука тонка, словно тень,
Все свои мысли она посвятила учению,
И ни одной не посвятила еде.
Не потому ли она так страстно желала
Встретиться с королем футбола?
Величайшей милостью с моей стороны
Тонуке показалось мое
Снисходительное согласие с ней познакомиться.
О, какая игра судьбы!

За два дня перед моим отъездом
Тонука мне сказала:

«Подарю вам стеклянную банку с цветком.
Чтобы вы сохранили память о нас».
Это уж слишком! Но я промолчал.
«Мой подарок, — продолжала Тонука, —
Редкое и дорогое растение,
Требует в Индии большого ухода».
Я спросил: «А как ваш цветок называется?»
И она отвечала: «Камелия».
Комола! Камелия! Я был поражен,
Это имя зажглось в потемках сердца.
Я сказал, улыбнувшись: «Камелия...
Не легко, раскрывается, видно, ее душа».
Я не знаю, что подумала Тонука,
Но она смутилась, хотя и была довольна.

Я уехал с цветком в стеклянной банке.
Эта банка, подобно пазойливой спутнице,
В тесном двухместном купе,
Множество мне доставляла хлопот.
Я поставил ее в туалете... Впрочем,
Хватит нам путевых впечатлений,
Пренебрежем и незначительностью
Нескольких последующих месяцев.

Наступили праздники богини Дурги.
Поднимается занавес нашей комедии
В небольшом сантальском местечке, —
А его название для вас неважно:
Кто непременно перемены климата ищет,
Тем неизвестно это местечко.
Дядя Комолы был инженером-путейцем,
Он поселился в тени шаловой рощи,
В царстве белок.
Там вдалеке синели горы,
Рядом, в песках, бежал ручей,
Гусеницы в роще завернулись в коконы.
Буйвол — у подножья дерева,
На спине у буйвола — голый сантальский мальчик.
Не было поблизости жилища, —
Вот почему я разбил у реки палатку.

Не было у меня друзей и подруг, —
Кроме камелии в банке стеклянной.
Комола — живая камелия —
К дяде приехала вместе с матерью.
Каждое утро, с зонтом в руке,
Девушка по шаловой роше гуляла.
Полевые цветы ей кланялись в ноги,
Но она не обращала на них внимания.
Вброд перейдя мелководную речку,
На другом берегу
Книгу читала под деревом шишу,
А о том, что она меня узнала,
Понял я потому, что упорно
Комола не замечала меня.

Как-то, смотрю, они устроили
На речном берегу пикник.
Мне хотелось подойти, сказать:
«Разве нельзя мне быть чем-нибудь вам
полезным?»

Воду могу я носить из реки,
Также могу и дрова нарубить в лесу,
Да и кроме того, в соседних джунглях
Разве не может оказаться отменный медведь?»

Я увидел в этой компании юношу —
В шортах, в английской рубашке из шелка,
Он сидел рядом с Комолой,
Вытянув ноги, и дымил из гаванской сигары,
Комола рассеянно обрывала
Лепестки белой розы.
Рядом валялся английский журнал.
И внезапно меня озарило, я понял
То, что я — невыносимо лишний
В этой укромной тиши сантальского края,
Я уехал бы сразу, но у меня
Оставалось одно очень важное дело:
Расцветет через несколько дней камелия, —
Отошлю ее Комоле и на этом
Наконец-то поставлю точку!
Целыми днями с ружьем на плече
Я охотился в джунглях,

Вечером, возвратившись, цветок поливал,
Следил, хорошо ли растет.
Срок наступил сегодня.
Я позвал сантальскую девушку,
Помогавшую мне по хозяйству.
С этой девушкой я и пошлю цветок,
Обернув его в шаловые листья.
Я сижу в палатке, читаю
Детективный рассказ, — и внезапно
Нежный голос я слышу снаружи:
«Ты зачем меня звал, господин?»
Выхожу из палатки, вижу:
На ухо санталка нацепила камелию,
Белая камелия красуется над темной щекой.
Повторила вопрос: «Ты зачем меня звал?»
Я сказал: «Вот за этим самым», —
И показал на камелию.
А потом я уехал в Калькутту.

ОБЫКНОВЕННАЯ ДЕВУШКА

Я — девушка из онтохпура. Ясно,
Что ты меня не знаешь. Я прочла
Последний твой рассказ «Гирлянда
Увянувших цветов», Шорот-бабу.
Твоя остриженная героиня
На тридцать пятом годе умерла.
С пятнадцати случались с ней несчастья,
Я поняла, что вправду ты волшебник:
Ты девушке дал восторжествовать.

Я о себе скажу. Мне лет немного,
Но сердце я одно уж привлекла
И ведала к нему ответный трепет.
Но что я! Я ведь девушка как все,
А в молодости многие чаруют.

Будь добр, прошу я, напиши рассказ
О девушке совсем обыкновенной.
Она несчастна. То, что в глубине
У ней необычайного таится,
Пожалуйста, найди и покажи
Так, чтоб потом все замечали это.
Она так простодушна. Ей нужна
Не истина, а счастье. Так нетрудно
Увлечь ее! Сейчас я расскажу,
Как это все произошло со мною.
Положим, что его зовут Нореш.

Он говорил, что для него на свете
Нет никого, есть только я одна.
Я этим похвалам не смела верить,
Но и не верить тоже не могла.

И вот он в Англию уехал. Вскоре
Оттуда письма стали приходить,
Не очень, впрочем, частые. Еще бы!
Я думала — ему не до меня.
Там девушек ведь тьма, и все красивы,
И все умны и будут без ума
От моего Нореша Сена, хором
Жалея, что так долго был он скрыт
На родине от просвещенных взоров.

И вот в одном письме он написал,
Что ездил с Лиззи на море купаться,
И приводил бенгальские стихи
О вышедшей из волн небесной деве.
Потом они сидели на песке,
И к их ногам подкатывались волны,
И солнце с неба улыбалось им.
И Лиззи тихо тут ему сказала:
«Еще ты здесь, но скоро прочь уедешь,
Вот раковина вскрытая. Пролей
В нее хотя одну слезу, и будет
Жемчужины дороже мне она».
Какие вычурные выраженья!
Нореш писал, однако: «Ничего,
Что явно так слова высокопарны,
Зато они звучат так хорошо.
Цветов из золота в сплошных алмазах
Ведь тоже нет в природе, а меж тем
Искусственность цене их не мешает».
Сравненья эти из его письма
Шипами тайно в сердце мне вонзались.
Я — девушка простая и не так
Испорчена богатством, чтоб не ведать
Действительной цены вещам. Увы!
Что там ни говори, случилось это,
И не могла ему я отплатить.

Я умоляю, напиши рассказ
О девушке простой, с которой можно
Проститься издали и навсегда
Остаться в избранном кругу знакомых,
Вблизи владелицы семи машин.
Я поняла, что жизнь моя разбита,
Что мне не повезло. Однако той,
Которую ты выведешь в рассказе,
Дай посрамить врагов в отместку мне.
Я твоему перу желаю счастья.

Малати имя (так зовут меня)
Дай девушке. Меня в ней не узнают.
Малати слишком много, их не счесть
В Бенгалии, и все они простые.
Они на иностранных языках
Не говорят, а лишь умеют плакать.

Доставь Малати радость торжества.
Ведь ты умен, твое перо могуче.
Как Шакунталу, закали ее
В страданиях. Но сжался надо мною.
Единственного, о котором я
Всевышнего просила, ночью лежа,
Я лишена. Прибереги его
Для героини твоего рассказа.
Пусть он пробудет в Лондоне семь лет,
Все время на экзаменах срезаясь,
Поклонницами занятый всегда.
Тем временем пускай твоя Малати
Получит званье доктора наук
В Калькуттском университете. Сделай
Ее единым росчерком пера
Великим математиком. Но этим
Не ограничься. Будь щедрей, чем бог,
И девушку свою отправь в Европу.
Пусть тамошние лучшие умы,
Правители, художники, поэты,
Пленятся, словно новою звездой,
Как женщиною ей и как ученой.
Дай прогреметь ей не в стране невежд,

А в обществе с хорошим воспитаньем,
Где наряду с английским языком
Звучат французский и немецкий. Надо,
Чтоб вокруг Малати были имена,
И в честь ее готовили приемы,
Чтоб разговор струился, точно дождь,
И чтобы на потоках красноречья
Она плыла уверенней в себе,
Чем лодка с превосходными гребцами.
Изобрази, как вокруг нее жужжат:
«Зной Индии и грозы в этом взоре».
Замечу, между прочим, что в моих
Глазах, в отличие от твоей Малати,
Сквозит любовь к создателю одна
И что своими бедными глазами
Не видела я здесь ни одного
Благовоспитанного европейца.
Пусть свидетелем ее побед
Стоит Нореш, толпою оттесненный.

А что ж потом? Не стану продолжать!
Тут обрываются мои мечтанья.
Еще ты на всевышнего роптать,
Простая девушка, имела смелость?

НЕКТО

Средних лет хиндустанец,
Высокорослый, худой.
Седые усы... Лицо похоже
На усыхающий плод.
В ситцевой куртке, в измятом дхоти,
Зонт на плече, посошок в руке.
Туфли из грубой кожи (круто загнуты
вверх носки).

В город идет он.
Утро месяца бхадро.
Чахлый луч пробился сквозь облако.
Было душно нынешней ночью —
Будто укутали ночь с головою...
Ветерок, увлажненный туманом,
Веет, прячась в нежных ветвях.

На последней черте моего окоема
Показался неведомый путник —
Там, где тени призрачно движутся,
Двигается некто.
Нет у него примет,
Имени тоже нет —
Просто идет по дороге к рынку
Некто в утре месяца бхадро.

Возможно, он тоже видит меня
На рубеже пустыни своей,
Где в голубом тумане
Он ничем не связан ни с кем.

Дома есть у него теленок
И говорящая птица в клетке.
Жена на жернове мелет муку
(Руки — в тяжелых медных браслетах).
Есть у него сосед-стиральщик.
Есть бакалейщик, и есть еще
Кабулийцам долги...
Но нет у него меня —
Некоего, неведомого.

ФЛЕЙТА

Узкий переулок.
Дом двухэтажный.
Внизу, за решеткой — окно,
Двери — прямо на улицу,
Стены в мутных подтеках,
Обветшалые и облупленные.
Над дверью пришпилен ярлык
С ликом Ганеши,
Покровителя всех начинаний.
В этой комнате я живу и плачу за нее.
Здесь же ящерица обитает,
От меня отличаясь лишь тем,
Что всегда обеспечена пищей.

Я — младший клерк в конторе.
Двадцать пять рупий — жалованье.
Столуюсь я в доме Дотто —
Даю уроки их сыну.
А вечера коротаю
На вокзале — и мне
Не надо платить за свет.
Шипенье паровика,
Рев гудка,
Толкотня пассажиров,
Клики кули...

Но бьют часы —
Десять тридцать.
Домой...
Тьма. Тишина. Одиночество.

На берегу Дхалешвари, в деревне, тетка
живет,

У ее деверя — дочка.
Была назначена свадьба,
Благоприятный час
Был избран — но я сбежал
Именно в этот час,
Спас девушку — и себя...
Она не вошла в мой дом,
Но в душу мою вошла.
Даккское сари на ней,
На лбу, у пробора — киноварь...

Дожди, дожди... Надо
Тратиться на трамвай.
А тут еще вычеты, вычеты...
В переулке гниют
Манго объедки, рыбы жабры,
Дохлая кошка и прочая дрянь.
Дырявый мой зонтик похож
На жалованье, изрешеченное
Вычетами.
Одежда моя конторская —
Словно душа вишнуита,
Открыта для всех впечатлений.
Темная тень ненастья,
Как зверь в западню, попадает
В мою угрюмую комнату.
Кажется, небытием
По рукам и ногам я скован.

Канто-бабу живет на углу.
Тщательная прическа,
Выразительные глаза.
Он прихотлив и нежен.
Обожает игру на флейте.

И в мерзости переулка нашего
Иногда — средь ночи поникшей,
Иногда — во мгле предрассветной
Возникают внезапные звуки...
А то — на закате, вечером,
Небеса обнимая,
Вековая печаль разлуки
Вдруг запоет протяжно.

И начинает казаться
Нелепостью, бредом пьяного
Переулок этот зловонный.
И кажется — разницы нет
Меж мною, клерком Хориподом,
И падишахом Акбаром.
И в струях грустящей флейты
Влечутся к единому раю
Мой зонтик — и зонт царя...

Но это — мираж.
А там,
Где эта песня — действительность,
Там,
В бесконечных мгновениях вечера,
Тамал расстилает тени
На берегу Дхалешвари.
И во дворе — она.
Даккское сари на ней.
На лбу, у пробора — киноварь.

ЧИСТЫЙ

Раманондо сан высокий носит,
Молится, весь день постится строго,
Вечером тхакуру носит яства,
И тогда лишь пост его закончен,
И в душе его — тхакура милость.

Был когда-то в храме пышный праздник.
Прибыл сам раджа с своею рани,
Пандиты пришли из стран далеких,
Разных сект служители явились,
Разные их украшали знаки.
Вечером, закончив омовенье,
Раманондо дар поднес тхакуру.
Но не сходит божество к святому,
И в тот день он не вкушает пищи.

Так два вечера случалось в храме,
И совсем иссохло сердце гуру.
И сказал он, лбом земли коснувшись:
«Чем, тхакур, перед тобой я грешен?»
Тот сказал: «В раю мой дом единый
Или в тех, пред кем мой храм закрыли?
Вот на ком мое благословенье.
С той водой, которой я коснулся, —
В жилах их течет вода святая.

Униженье их меня задело,
Все, что ты принес сюда, — нечисто».

«Но ведь нужно сохранять обычай», —
Поглядел на бога Раманондо.
Грозно очи божества сверкнули,
И сказал он: «В мир, что мною создан,
Во дворе, где все на свете — гости,
Хочешь ты теперь забор поставить
И мои владенья ограничить, —
Ну и дерзок!»

И воскликнул гуру: «Завтра утром
Стану я таким же, как другие».

И уже давно настала полночь,
Звезды в небе млели в созерцанье,
Вдруг проснулся гуру и услышал:
«Час настал, вставай, исполни клятву».
Приложив ладонь к ладони, гуру
Отвечал: «Еще ведь ночь повсюду,
Даль темна, в безмолвье дремлют птицы.
Я хочу еще дожждаться утра». —
Бог сказал: «За ночью ль идет утро?
Как душа проснулась и услышал
Слово божье ты — тогда и утро.
Поскорее свой обет исполни».

Раманондо вышел на дорогу,
В небесах над ним сияла Дхрува.
Город он прошел, прошел деревню,
У реки посередине поля
Тело мертвое чандал сжигает.
И чандала обнял Раманондо.
Тот испуганно сказал: «Не надо.
Господин, мое занятье низко,
Ты меня преступником не делай».
Гуру отвечал: «Я мертв душою
И поэтому тебя не видел,
И поэтому лишь ты мне нужен,
А иначе мертвых не хоронят».

И отправился опять в дорогу.
Щебетали утренние птицы.
В блеске утреннем звезда исчезла.
Гуру видит: мусульманин сидя
Ткани ткёт и песнь поёт чуть слышно.
Раманондо рядом опустился
И его за плечи нежно обнял.
Тот ему промолвил, потрясенный:
«Господин, я — веры мусульманской,
Я же ткач, мое занятие низко».
Гуру отвечал: «Тебя не знал я,
И душа моя была нагая,
И была она грязна от пыли.
Ты подай мне чистую одежду,
Я оденусь, и уйдет позор мой».

Тут ученики догнали гуру
И сказали: «Что вы натворили?»
Он в ответ им: «Отыскал я бога
В месте, где он мною был потерян».
На небо уже всходило солнце
И лицо святого озаряло.

КРАСИЛЬЩИЦА

Шонкорлал — пánдит, славный ученостью.
Остер его ум,
Словно клюв ястребиный.
Молнией
В споре разят его доводы,
В пух и прах разбивая противников...
Однажды
Нья́як явился в царский дворец
Из южных сторон.
Диспут назначен: ждет победителя грамота.
Вызов принял Шонкор — и вдруг замечает:
Грязен тюрбан.
Надо идти к красильщику.

Красильщик Джошим
Живет у края цветочного поля, за кустами хны.
Дочь у него Амина, семнадцать лет.
Песни поет весь день,
Краски разводит.
Косы красной нитью украшены.
Накидка — цвета корицы.
Сари — небесного цвета.
Красит ткани отец.
Раствор Амина готовит.

— Подошел к красильщику Шонкор — и говорит:
«Перекрась мой тюрбан.
Я приглашен во дворец».

Амина присела на корточки.
Тюрбан стирает в канаве, под смоковницей.

В воде играют лучи весны.

А поодаль

Голубь воркует — в манговой роще.

Наконец окончена стирка.

Разостлав тюрбан,

Надпись увидела красильщица

В одном уголке:

«Твои стопы — на челе моем, о Вседержитель».

Долго думала девушка.

А голубь все ворковал на манговой ветке.

Сбегала домой Амина.

Цветную нить принесла она.

И вышила еще строку:

«Потому и нет тебя в сердце моем, о

Вседержитель».

Минули дни.

Снова приходит Шонкор.

Спрашивает:

«Кто вышил эти слова на тюрбане?»

Испуганный,

В поклоне склонился Джошим:

«О господин,

Прости мою дочь.

Разумом она еще малый ребенок.

Иди ко двору.

Может быть, надписи ее не поймут». —

«Красильщица, — молвил Шонкор, —

По тропе, что ты вышила,

Стопы Всевышнего

В сердце сошли с моего чела,

Обвитого витками гордыни;

Потерял я путь во дворец

Отныне».

ЗОЛОТО ЛЮБВИ

Робидаш — метельщик, пыль метущий,
Одинок и на дороге шумной,
Оттого что все его обходят,
Чтоб не оскверниться.

Омовенье кончил Раманондо,
В храм он шествует дорогой этой,
И метельщик, ставши на колени,
Лбом своим коснулся жаркой пыли.
«Друг, кто ты?» — приветно молвил гуру.
И в ответ он слышит: «Прах я жалкий,
Ты же, гуру, облако на небе.
И поток любви твоей, пролившись,
Заставляет петь пылицу немую
В лепестках цветочных».

Обнимает гуру Робидаша
И ему любовь свою дарует;
И в душе метельщика внезапно,
Словно в роще, веет ветер песни.

Властвовала Джхали над Читором.
Царственного слуха песнь коснулась —
Сразу все иное ей постыло.
При решенье дел ее домашних
Стала эта рани часто плакать.

И куда ее девалась гордость?
Вот как у метельщика простого
Рани научилась вере в Вишну.

Но дворцовый жрец ей строго молвил:
«Как тебе не стыдно, махарани!
Робидаш рожден в нечистой касте,
Прах метет он по дорогам пыльным,
Ты ж ему, как гуру, поклонилась.
Никнет голова моя седая
Здесь, в твоём столь нечестивом царстве».

«О святой отец! — сказала рани. —
Тысячи узлов обыкновенья
День и ночь ты только вяжешь крепко, —
А как золото любви возникло,
Ты его и не заметил вовсе.
Пусть в пыли дорожной мой учитель —
Подобрал он золото во прахе,
Чистою любовью он гордится.
Ты суров, жесток и тверд как камень.
Мне же надо золота живого,
Пыли дар я радостно приемлю».

ЗАВЕРШЕНИЕ ОМОВЕНИЯ

Недвижим был гуру Раманондо
В водах Ганги, обратясь к востоку.
Вот волны коснулся луч волшебный,
Ветер утра заплескал в потоке.
Гуру Раманондо прямо смотрит
На всходящее, как роза, солнце.
Про себя он говорит: «О боже,
Ты в душе моей не проявился!
Подыми свою завесу, боже!»

Солнце поднялось уже над рощей,
Забелел на быстрых лодках парус,
И по небу ярко-золотому
Цапли полетели над болотом.
Омовенье гуру не кончалось.
Ученик спросил: «Зачем так долго?
Час богослужения проходит». —
Раманондо юноше ответил:
«Не настало очищенье, сын мой.
Воды Ганги — далеко от сердца». —
И подумал ученик: «Что это?»

Дуг горчичный залит ярким солнцем.
Свой товар цветочница проносит,
И молочница идет с кувшином.

Душу гуру что-то осенило;
И тотчас же вышел из воды он
И направился сквозь рощу джхау
И сквозь щебетанье шумных птиц.
Ученик спросил: «Куда идешь ты?
Там ведь нет жилища благородных».
«Омовенье я иду закончить».

За песчаной отмелью селенье.
В улочку селенья входит гуру.
Тень густа от листьев тамаринда,
А по веткам обезьяны скачут.
Там жильё сапожника Бхаджона.
Запах кожи издалека слышен.
И кружит по небу злобный коршун.
Кость грызет собака у дороги.
Молвил ученик: «Что это, боже?»
И, нахмурясь, за селом остался.

И сапожник поклонился гуру,
Осквернить боясь его касаньем.
Гуру поднял ласково Бхаджона
И к груди прижал его сердечно.
Тут Бхаджон смущенно всполошился:
«Что вы совершили, повелитель?
Вашей святости коснулась скверна».
Но ему ответил Раманондо:
«Шел я к Ганге, обойдя селенье,
Потому-то с Тем, кто очищает,
Мне сегодня не было слиянья.
А теперь в телах обоих наших
Очищающий поток пролился.
Днем не мог я поклониться богу
И сказал: «Во мне -- твое сиянье».
Почему же то, что не случилось,
Вдруг произошло теперь так явно
У обоих нас в одно мгновенье?
В храм ходить уже не нужно больше».

ПЕРВОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

Храм властителя трех миров...
Говорят, Вишва Карма, божественный зодчий,
Воздвиг этот храм в незапамятные времена.
Камни таскал для него Хануман, царь обезьяний.
Сочиненья ученых историков нас убеждают,
Что храм своему божеству построило племя киратов.

Раджа воинственный некогда край покорил.
Кровью жрецов облагрил он святилища двор.
Божество сохранилось, новое имя приняв,
Под покровом обрядности новой.
Тысячелетнего поклоненья поток вспять повернул.
Но кирату теперь недоступна святыня:
Неприкасаемые не смеют войти в этот храм.

Ныне кират, — от общины отторгнут, —
В селенье своем, на восточном живет берегу.
Он — поклонник без храма, но есть у него песнопенье.
У кирата искусна рука, безошибочен глаз.
Он — мастер каменной кладки.
Врезать в медь он умеет серебряные цветы,
Изваять божество из черного камня.
Государь — не защита кирату.
У него отобрали оружие и знаки почета,
Книжную мудрость ему изучать не дано.

На небосклоне кират различает главу золотую
Остроконечного храма,
Издали кланяясь ей.

Полнолуние в картинке месяце, празднество в честь
Первого богослуженья.

Флейты поют; мриданги, тарелки гремят на подмостках.
Стоят на равнине шатры.

Кое-где развеваются флаги.

Вдоль обочин дороги разложили торговцы товар:

Медная утварь, серебряные украшения, шелка,

Изображенья богов,

Деревянные домору, куклы из глины и дудки из листьев,

Дары божеству — плоды, плетеницы, куренья,

Светильники и сосуды крохотные со святою водой.

Зазывно болтая, дает представленье штукарь.

«Рамаяну» рассказывает неподалеку рассказчик.

Конная стража с оружием, в одеждах блестящих,

кругом разъезжает.

Царский сановник под балдахином сидит на слоне.

Трубит в трубу, впереди выступая, прислужник.

Хозяйку богатого дома

В паланкине, парчой занавешенном, слуги несут.

Нагие саньяси — отшельники — с пеплом на лбу

и всклокоченными волосами,

У подножья баньяна расположились гурьбой.

Женщины к их ногам складывают приношенья:

Сласти, плоды, молоко, рис, топленое масло.

Время от времени гул небеса потрясает —

Гремит славословье властителю трех миров.

Завтра первое богослуженье:

Астрологи благоприятный наметили час.

Раджа великий приедет на царском слоне.

Вдоль дороги висят на деревьях

Плетеницы душистых цветов.

Пять манговых листьев кувшин украшают священный.

Дорожную пыль то и дело кропят ароматной водой.

Тринадцатый день луны склонился к закату.

Отгремели в святилище гонг, барабан, литавры,

Первой стражи конец возвещая,

Раджа велел отстроить разрушенный храм.
Тогда отозвался министр:
«Киратам одним по плечу возвести эту стену.
Но как божество уберечь от их оскверняющих взглядов?
А если величье господнего тела нельзя соблюсти —
Что толку тогда восстанавливать храм?»

Явился на зов предводитель киратов, Мадхоб.
Бел и чист на седины наброшенный чадор.
Старое тело с медным отливом до пояса обнажено.
Желтою тканью повязаны бедра.
В глазах — доброта и смиренность.
У ног повелителя он рассыпал жасминовый цвет
И отвесил поклон осторожно,
Прикосновеньем своим осквернить опасаясь.
Раджа кирату сказал: «Храма без вас не поправить!»
«Милостью божьей взысканы мы!» — ответил Мадхоб,
И святилищу он поклонился.
«Работать придется с повязкой тугой на глазах,
Чтобы статуи бога твой взор не коснулся.
Сумеешь ли?» — молвил раджа.
И ответил Мадхоб: «Обитающий в сердце Всевышний
Поможет мне внутренним оком увидеть свой труд.
Работая, глаз не открою!»

Стену из камня снаружи возводят кираты.
Трудится в храме Мадхоб,
Святилища не покидая ни ночью, ни днем,
Глаза ему наглухо черным платком завязали.
Поет, размышляет, а пальцы работают споро.
«Быстрее, быстрее! — торопит Мадхоба министр. —
Дни за днями бегут. Упустишь назначенный срок!»
Ладони сложив, отвечает Мадхоб: «Торопить
Дано лишь тому, чьей воли я исполнитель!»

Минуло время ущерба луны, и стала она прибавляться.
Псдобно слепому, беседует с камнем на ощупь Мадхоб,
И камень ему отвечает.
Стражник следит неусыпно за старым киратом,
Чтобы с глаз не сорвал он повязку.

Явился ученый: «Одиннадцать дней истечет,
И благоприятное время для богослуженья настанет.
Закончишь ли к этому сроку работу, старик?»
«Мне ли давать обещанья? — с поклоном ответил

Мадхоб. —

Когда снизойдет благодать — извещу, а дотоле
Посещения — лишь делу помеха».

День шестой миновал, а за ним и седьмой.
Лунный свет, через дверь проникающий в храм,
Ложится на белые кудри Мадхоба.

...Солнце зашло, и бледное небо луна осветила.

Исполнилось ей от рожденья одиннадцать дней.

Вздыхнув глубоко, посылает кират стражника

с доброю вестью:

«Кончил работу Мадхоб. Не упускайте

благоприятного часа!»

Стражник уходит. Срывает повязку старик.

В двери святилища лунный вливается свет,

Озарив божества изваянье.

Стал на колени Мадхоб и молитвенно руки сложил.

Слезы струятся из глаз.

Богу в лицо он глядит неотступно.

Впервые за тысячу лет увидел поклонник свое

божество.

Владыка в святилище вошел.

Мадхоб головою склонился к подножию статуи бога.

Меч обнажил раджа и голову разом отсек.

Это — первая жертва была божееству и последний

поклон.

К МЕСТУ

Модхумбджори и вьющийся жасмин
Десять лет прожили тело к телу

И на трапезе из утренних лучей,
Расправляя листья, повторяли:
«Вот и мы!»

Между веток их была борьба
Вечная за обладанье местом,
Но она в их душах никакой
Злой черноты не оставляла.

Но однажды в неблагоприятный час
Тот жасмин, не знающий сомнений,
Неразумно ветку протянул
К сети тонких нитей из металла,
Не поняв, что те — другой породы.

Но в конце срабона в небесах
Груды белых облаков собрались
И на шаловый спустились лес.
Сразу утро золотистым стало,
Охмелел жасмин в своих цветах,
И вокруг покой и мир царили,
И от перелета гулких пчел
Шефали дрожала тень живая.
В полдень голубь там заворковал,
Все вокруг объято было негой.

На закате в день осенний тот
В облачках игра возникла красок,
И тогда-то появились там
Лампы электрической друзья.
И глаза их кровью налились,
И жасмин им дерзким показался:
Как он смел ненужностью своей,
То затмить, что так необходимо.
Острый крюк забросили они
И цветы жасмина оборвали;
И тогда лишь осознал жасмин,
Что те ниточки — другой породы.

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

С тех пор, как в чашу смерти Иисус,
Незванных ради, привлеченных шумом,
Бессмертье положил своей души,
Уж миновало много сотен лет.
Сегодня он спустился ненадолго
Из вечного жилища в бранный мир
И увидел порок, что ранил прежде:
Надменный дротик и кинжал лукавый,
Свирепая изогнутая сабля.
Сегодня быстро лезвия их точат
Об камень, прочь отбрасывая искры,
На фабриках огромных, полных дыма.

А самая ужасная стрела
В руках убийц недавно засверкала,
И жрец на ней свое поставил имя —
Ногтями на железе нацарапал.
Тогда Христос прижал к груди ладони,
Он понял: нет конца мгновеньям смерти,
Кует наука много новых копий,
Они ему вонзаются в суставы,
И люди, что тогда его убили,
Безмолвно притаись во мраке храма,
Сегодня вновь во множестве родились.
С амвона слышен голос их молитвы,
И так они бойцов-убийц сзывают,

**Крича им: «Убивайте! Убивайте!»
Сын человеческий воскликнул в небо:
«О боже правый! Бог людей, скажи мне,
Почто, почто оставил ты меня?»**

ПАЛОМНИЧЕСТВО

1

Как долго длится ночь?

Ответа нет.

Во мгле веков слепое время кружит,
Неведом путь, дорога неизвестна.
И у подножья гор такая тьма,
Словно в глазницах мертвого ракшаса,
И груды облаков закрыли небо,
И чернота в пещерах и лощинах,
Как будто ночь разорвана на части.
На горизонте огненное буйство.
Быть может, это око злой планеты?
Иль голода предвечного язык?
Кругом предметы — словно бред тифозный,
Зарывшиеся в пыль остатки жизни:
То мощная разрушенная арка,
То мост забытый над рекой безводной,
Алтарь в змеиных норах, храм без бога
И лестница, что в пустоту ведет.
Вдруг в воздухе раздался грозный гул.
То ль рев воды, берега ущелья рвущей?
Иль мантра к Шиве, что шадхок бормочет,
В бездумной пляске бешено кружась?
Иль гибнет лес, охваченный пожаром?
И в этом реве тайный ручеек
Неясные сквозь шум пронесит звуки;

И он — поток той лавы, что вулканом
Извергнута; в нем низкая молва,
И шепот зависти, и резкий смех.
А люди там — истории листки,
Снуют туда-сюда.

От факельного света и от тени
Татуировка ужаса на лицах.
Вдруг беспричинным схвачен подозреньем,
Безумец бьет соседа своего;
И тут и там уже бушует ссора,
И женщина какая-то рыдает
И шепчет: «Наш несчастный сын погиб».
И, в сладострастье утонув, другая
Бормочет: «Все на этом свете — вздор».

2

Сидит недвижно на вершине горной
В безмолвье белом тот, кто предан богу.
Взгляд зоркий в небе ищет света луч.
Чернеют тучи, филины кричат,
Но он вещает: «Не пугайтесь, братья,
И помните, что человек велик».
А те — лишь силе изначальной верят
И праведность зовут самообманом.
И, получив удар, кричат: «Где брат наш?»
И слышится в ответ: «С тобою рядом».
Во тьме не видят. Спорят: «Эта речь —
Одно притворство, чтоб себя утешить.
И человек бороться будет вечно
За право обладать пустым виденьем
В усеянной колючками пустыне».

3

Светлеет небо.
Звезда рассвета на востоке блещет,
Земля вздохнула вздохом облегченья,
Листва лесов волнами заходила,
На ветках птицы сладостно запели.

И предводитель рек: «Настало время!»
Какое время?
Время выступать,
Движения, паломничества время.
И вот сидят и думают они.
Смысл слов его — для них остался темен,
По-своему его постигнул каждый.
Коснулось утро глубины земной,
И корни бытия пришли в движенье.
Откуда-то донесся слабый голос,
И на ухо он людям стал шептать:
«Пришла пора пуститься в путь — к успеху!»
И это слово в горле у толпы
Движенье обрело в порыве мощном;
Мужчины к небу обратили взор,
Ладони у чела сложили жены,
Обрадовались, засмеялись дети.
Украсил луч сандаловым узором
Чело ведущего, и все вскричали:
«О брат наш, почитаем мы тебя!»

4

Паломники сходились отовсюду —
Через горы, море, по степям бескрайним;
Из той страны, где Нил, и той, где Ганга;
С Тибета — плоскогорья ледяного,
Из сдавленных стенами городов,
Путь прорубая сквозь леса густые.
Тот — на коне был, на слоне — другой,
Кто — в колеснице под роскошным стягом.
Жрецы читали разные молитвы,
Прошел раджа с вооруженной свитой
Под неумолчный гулкий гром литавр,
Монах буддийский в рубище явился,
Пришли, сияя золотом, вельможи,
И, оттолкнув учителя проворно,
Явился легким шагом ученик.
А женщин сколько — дев и матерей,
На блюдах их сандал, питье в кувшинах.

Блудницы там, их голоса крикливы,
Наряды поражают пестротой.
Идут, идут хромые и слепые
И те святоши, что святым торгуют
И бога на базаре продают.
Успех — вот их кумир! Их речь темна.
В великом имени запрятав алчность,
Оправдывают речь ценой огромной.
Грабеж бесстыдный, жадность тел нечистых
Заманивают мнимым раем всех.

5

Путь беспощадный камнями усеян.
Но предводитель шел, за ним другие.
Старик и мальчик; и сосущий землю,
И тот, кто за бесценок пашет землю.
Изранил кто-то ноги и устал;
Другой разгневан; кто-то весь в сомненьях.
Считают каждый шаг. Когда ж конец?
Но предводитель только песнь поет.
Их брови хмуры, нет пути назад.
Движенье человеческого кома
И тень надежды их влекут вперед.
Спят мало и почти не отдыхают,
Друг друга обогнать они хотят,
Бойтся каждый оказаться лишним.

А день идет за днем.

Даль уступает место новой дали.
Неведомое тайным знаком манит.
И все суровой выраженья лиц.
И все грознее, все сильней упреки.

6

Настала ночь.

Постлали все циновки у баньяна.
Погас светильник от порыва ветра.
Густы потемки — непрогляден сон.

И вдруг один в толпе людей встает,
На вожака указывает пальцем
И говорит: «Ты, лжец, нас обманул!»
Упрек, из уст в уста передетая,
Сгущался. Брань мужчин, проклятья жен
Гремели, а один из смельчаков
Ударил вожака с огромной силой
(Лицо его скрывалось в темноте).
И все они вставали, чтоб ударить.
К земле припала жизнь, утратив тело.
Оцепенела ночь — тиха, безмолвна.
Источник где-то близко рокотал,
И в воздухе жил нежный дух жасмина.

7

Наполнил души путников испуг.
Рыдают жены. Им кричат: «Молчите!»
Залаявшего пса огладил хлыст,
И смолкнул лай.
Ночь тянется, не хочет уходить,
И спор о преступленье все острее.
Кто говорит, кто плачет, кто орет.
Уже кинжал готов покинуть ножны,
Но в это время тьма небес ослабла.
Заря, светлея, разлилась по небу,
Паломники внезапно замолчали.
Как пальцем указательным коснулся
Луч солнечный кровавого чела,
И во весь голос зарыдали жены,
Ладонями мужья закрыли лица.
И кто-то убежать хотел, но тщетно —
Цепь преступленья связывала с жертвой.
Слышны вопросы: «Кто нам путь укажет?»
И старец из страны восточной молвил:
«Тот и укажет путь, кого убили».
Все головы понуро опустились.
И старец снова рек: «Его отвергли,
В сомнении и гневе погубили,
Теперь его в любви мы возродим.

Он смертью возродился в нашей жизни.
Он — величайший, победивший смерть!»
Тогда все встали и запели хором:
«Хвала тебе, о победивший смерть!»

8

И юноши вдруг стали старших звать:
«Отправимся же в путь — к любви и силе!»
И много тысяч голосов вскричало:
«Мир этот завоюем и иной».
Уже не цель ведет их, а порыв.
Движенье общей воли смерть осилит.
Сомнений нет, пред ними ясный путь.
И нет уже усталости в ногах.
Душа убитого внутри их и вокруг:
Ведь он победу одержал над смертью,
Перешагнув уже границу жизни.
Идут полями, где посев окончен,
И вдоль хранилищ, где лежит зерно.
Идут по той земле неплодородной,
Где ждут их те, что худы, как скелеты.
Идут по многолюдным городам.
Идут они по местности пустынной,
Где прошлое в своей померкло славе.
Мимо домов — разрушенных, несчастных,
Что, кажется, глумятся над жильцами.
Влачится время жгучего бойшакха.
Под вечер вызывают звездочета:
«Не арка ли вон там надежды нашей?»
«Нет, то закат окрасил облака».
И юный голос раздается: «Братья,
Сквозь ночь должны мы пробиваться к свету!»
Они идут во тьме.
Дорога словно помогает им.
Пыль направляет их, ступней касаясь.
Безмолвно звезды говорят: «Идите!»
И слышен глас убитого: «Не медлить!»

В лесной листве, забрызганной росой,
 Заря лучами первыми сверкнула.
 И звездочет промолвил: «Мы пришли».
 До горизонта с двух сторон дороги
 Шевелятся колосья в мягком ветре —
 Ответ земли небесному посланью.
 Из горного села в село у речки
 Поток людей струится, как обычно.
 Гончарный круг вращается, гремя.
 Несет дрова на рынок дровосек.
 Пастух на поле выгоняет стадо.
 К реке кувшины девушки приносят.
 Но где оплот раджи? Где рудники?
 Где книги мантр, в которых смерть и мука?
 Ученый молвил: «В знаках нет ошибки,
 Сюда вели и здесь остановились».
 Так он сказал и голову склонил
 И к роднику затем сошел с дороги.
 Вода из родника течет, как свет,
 Как утра песнь, в которой смех и слезы.
 И хижина невдалеке, меж пальм,
 Окружена недвижностью стоит.
 Поэт к порогу с берегов нездешних
 Пришел и просит: «Мать, открой мне дверь!»

10

Луч солнца тронул запертую дверь.
 И люди все почувяли в себе
 Слова рожденья: «Мать, открой мне дверь!»
 И дверь открылась.

Мать на траве сидит, в руках — младенец,
 Словно в руках зари — звезда рассвета.
 Коснулось солнце головы младенца.
 Коснулся струн поэт и песнь запел:
 «Да славится родившийся, бессмертный».

**Все слышавшие стали на колени:
Раджа и нищий, праведник и грешник,
Глупец и мудрый. И провозгласили:
«Да славится родившийся, бессмертный!»**

О Т П У С Т И

Выпусти на волю, отпусти, —
Как я объясню тебе куда?
Там в благоухании сирус,
Крылышки пчелиные дрожат;
Там плывут по небу облака;
Там печалит душу голос вод
В час перед восходом звезд вечерних;
Там остановились все вопросы,
Память не бормочет о былом,
В комнате пустой, лишая сна,
Ночью, когда только дождь идет;
Там, где наконец моя душа,
Как баньян на пастбище, недвижна
У дороги, что ведет в селенье:
Кто-нибудь приходит и сидит
У подножья два иль три часа;
А другой на флейте поиграет,
Иль носильщики в усталый полдень
Опускают паланкин с невестой;
Темной части месяца пройдет
Ночь десятая — под звон цикад,
С тенью слабый свет луны сольется.
Днем и ночью движется поток
Появленья и исчезновенья;

Не хочу удерживать людей,
Но и отдавать их не желаю,
Отпускает плыть звезда ночная
Снов светильник в утреннюю свежесть
И уходит, не сказав куда.

ЖИЛИЩЕ ПЕСНИ

Вы — две птицы,
Почему ж при встрече вашей
Сразу песня смолкла в горле?
Как от фейерверка искры
Во все стороны летят,
Так и жар разлуки вашей
Посреди глубокой ночи,
Зазвучав, леса наполнил.
Песнь, однако, не возникла:
Ветер относил те звуки
В тень лесов на горизонте.

Строим мы любви жилище,
Стену вечную возводим
Мы из звуков песни этой;
Нестареющее слово
Ищем мы для кладки храма.
Люди слышат песнь любви,
Поселившуюся в душах.
Эта песнь великой стала —
Всюду и всегда звучит.
Уходя корнями в землю,
Унеслась она с земли
В райский мир воображенья.

В легкой пляске жизнь проходит,
Словно в пляске нежных крыльев.
Трепетной любви жилище
Строится само собой
В мягкой грудке, в мире птичьем.
Сочная прекрасна зелень,
Звоном, шелестом полна,
Колесаньем листьев гладких,
В ней дрожит восторг цветов;
Время, заменяя краски,
Красит мир волшебной кистью;
Тут же — память и забвенье,
Как две бабочки порхают
В тишине на легких крыльях,
Свет и тень вводя в игру.

Строим мы, скрепляя соком
Наших собственных страданий,
Дом, чтоб скрыться в нем от пыли,
Изгородь вокруг поставив,
Бережем любви жилище
И вот эту песнь поем.

Из книги
«И Е СТ Р О Е»
(«Бичитрито»).

1933

МОЛОЧНИЦА

Проходишь ты извилистой тропюю,
Ребенка на бедре несешь с собою.
Молочница — меж рыночной толпою
И домом — нить протянута тобою
Среди людского шумного прибоя.

Почти у рынка — по ошибке, что ли? —
Расцвел на радость людям кришноколи.
Телеги, арбы здесь пылили вволю,
С дарами сада, огорода, поля, —
Но ты цвела в своей убогой доле.

На луговине, с этим рынком смежной,
Проворный шалик ищет корм прилежно.
Сияет высь голубизной безбрежной,
Взирает с неба солнце безмятежно,
Тебе и птице улыбаясь нежно.

Идешь ты молчаливо, чуть сурово,
С большим кувшином молока сырого,
Ты принесла из-под родного крова
То, что дала тебе, как дар, корова,
Не ведая о выгоде торговой.

П О Р А Ж Е Н И Е

Сияющая ночь

Мрак, словно чадор, сбрасывает прочь.

Он падает у ног баньяна,

Там, где поток струится неустанно.

При ярком свете дня скупой цветок

Благоухание в душе своей берег.

А ночью нет сомнений и преград,

И аромат свой всем дарить он рад.

С лесной опушки

Приносит ветер пение кукушки.

И мнится: хочет выразить она

Все, чем душа ее полна.

И я подумал: не удержишь слова,

Что рвется из-под темного покрова;

Сегодня узник, из своей темницы

Освободясь, умчится.

Когда пришла она,

В окно струила свет луна

Сквозь ветви дерева густые.

Подумал: отыщу слова простые.

Скажу: «Взгляни в глаза и позови

Безмолвным зовом истинной любви!

Еще молитвы не читали люди,

И нет еще святой воды в сосуде;

Сегодня мы с тобой

Навеки будем связаны судьбой...»

РАЗЛИЧИЕ

Различие есть между мной и тобой, —
Я знаю, я понимаю.

Но сердцем разрыва не принимаю.
Дремали мы под одною луной,
Будила нас песня птицы одной,
Мы вместе дышали одною весной,
Зову ее внимая.

Бывает — твой взгляд в окно устремлен;
А я — отвернусь беспричинно.
Но все ж наши чувства и мысли едины.
Взволнованной юности бурный поток
Двум душам смятенным сродниться помог,
В мгновение ока обоих увлек
В одну и ту же пучину.

Твоя красота поражает глаза,
Сиянье в ней золотое.
Я — скромн и тих, обделен красотой.
Но ветер безжалостный душу потряс,
И рядом с тобою сижу я сейчас,
И стерта черта, разделявшая нас,
Зари рукой молодую.

Р О Б К А Я

Робкая, зачем горишь ты любовным жаром?
Отчего дрожишь, словно под ударом?
Сердцем радости не веря,
Стоя у закрытой двери,
Дни теряешь даром.

Неуверенность в себе, вечное смятенье,
Держат сердце твое в заточенье.
Перед малою преградой
Отступаешь ты с досадой,
Терпишь поражение.

Не давай полночной тьме над собою власти,
Вновь и вновь слыша зов страсти.
Страх, что мучит слепотою,
Не сломить, на месте стоя, —
Поборись за счастье.

Силу духа обрети, не томись напрасно,
И страданье в любви прекрасно.
Не пугайся трудной доли,
Верь — душа твоя от боли
Разгорится ясно.

Пусть осыплется цветок наземь лепестками,
Пусть в лампаде навек гаснет пламя.
День придет — все станет прахом.
Жизнь продлишь не жалким страхом —
Добрыми делами.

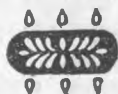
Неужели обмануть хочешь ты природу?
Юность потерять робости в угоду?
Так не будь в любви скупой!
Смело жертвуя собою —
Обрешь свободу!

СОМНЕНИЕ

Большому чувству никакой
Не надобен наряд, —
Украсит счастьем и тоской
Того, кто им богат.
Его наряд — зеленый луг,
Веселый щебет птиц-подруг,
Немолчный шум лесной.
Такому чувству тесен дом,
Увянет сорванным цветком
За каменной стеной.

Она сандаловой водой
Умылась неспроста.
Глаза подведены сурьмой,
Подкрашены уста.
Пучок ее волос — в цветах,
Блестят браслеты на руках,
Богат ее наряд,
Но в нежном сердце страх... Она
Лишь для того наряжена,
Чтоб тронуть чей-то взгляд.

Из книги

«ПОСЛЕДНЯЯ ОКТАВА»

(«Шесть шопток»)

1935

* * *

Прерывая разговор обычный,
Ты какой-то дивною улыбкой
Юность сердца моего тревожно
Взволновала.
Промелькнул вдруг на твоём лице
Упоительный какой-то отблеск
И пропал бесследно.
Море так игрою волн из глубины
Чудную жемчужину выносит,
Редкость средь бесчисленных явлений.

В миг такой вливается мне в грудь
Трепет непонятого мгновенья
Через открытое окно души —
Откликом бродячей песни
У опушки дальней.

И невидимые пальцы тайны
Пробуждают звук разлуки
В струнах сердца.
В одиночестве под шум потоков ливня
Вдруг невидимое что-то дуновением душистым
Прикоснется мимолетно,
Словно легкой накидкой.

Я нередко вспоминаю
То далекое мгновенье изумления и грусти,
Почему — и сам не знаю.
Вспоминаю днем порой холодной,
Видя, как в полях пустынных бродят
По жнивью коровы. Вспоминаю
Одинок в сумерках, услышав
С берега заката солнца
Плач беззвучной вины.

* * *

От юности остался
Прощальный блеск закатного багрянца —
Пусть не влечет меня к нему.
Пусть ясно видят
Мои глаза, от сна освободясь.
Пусть дымка радостей и горестей моих,
Расцветенная памятью о прошлом,
Как облачко вечернее рассеясь,
Исчезнет незаметно.

Вдыхаю запахи цветов опавших,
Над ними грезы-пчелы,
Жужжа, летают,
Невидимое что-то их влечет.
Из сумрачной ограды этой тени
Пусть вырвется моя душа
К простору ясного сиянья.
Пусть пристальный мой взор увидит
Безмолвный и безбольный океан
Свободы созиданья.
Пойду бродить бесцельно
И буду просто созерцать явленья,
Услышу звуки, голоса
Средь шума, гама
Сменяющихся дней, ночей.

Я растворюсь
В просторах отрешенности полей
Осенних, сжатых,
Сосредоточу размышленья,
На шаловое дерево смотря, —
В нем за мельканием мгновений
Скопилась жизнь тысячелетья.

Ворона каркает на ветке тамаринда,
Исчезнул коршун в светло-синей выси,
В болотистой воде
Рыбак на лодке ловит рыбу.
Вдали едва виднеется деревня.
По небосклону —
Лиловая кайма.
Кругами чайка
Летает над рыбацкой сетью.
На шест бамбуковый сел зимородок,
Недвижной тенью отразься в воде,
Густ влажный запах водяных растений.

Так бытие
Течет извиристо и днем и ночью,
Несет обломки древней жизни
Его теченье, —
Над постоянной сменой
Людских творений, разрушений
Течет поток предвечный бытия.

Проживши беспокойную весну,
Сегодня я, душой усталый,
По горло погружусь в глубь этого потока.
Пусть плещет он о грудь мою, сливаясь
С биеньем сердца и теченьем крови,
И пусть в игре его теней и света
Плывет мое сознание
К слиянью с океаном смерти,
К свободе от тревог, раздоров и оков.

* * *

Сыплется благостный дождь на равнину!
Тучи, спустившись, касаются пальм,
Зыблются трепетно темные воды.
Душу мою тоже дождь освежает,
Если приходит по зову.

Был я в краях чужеземных.
Месяц срабон там не время дождей,
С зовом души моей он не согласен.
Он не свершил омовенья
В сердце моем.

Там я не видел круговорота
Синих туч, приносящих влагу.
Засуха там истощала землю.
Только ведь влага приносит деревьям
Силу могучего роста.
Каждый год постоянно
Роспись от капель дождя на стволах
остается,

Радость дождя ежегодно
Также в мою сердцевину
Свежие соки вливает.
Так ежегодно
Новый слой краски ложится
На дерево жизни.

* * *

Я видел и постиг
Свершения веков далеких прошлых.
Вдали от шумной суетной молвы
Подвижники их создавали.

Вдали от любопытных взглядов,
В пещере, даже солнцу недоступной,
На труднопроходимых горных тропах
Творцы свои рисунки
На камне начертали, —
Так на холсте из темноты
Создатель написал картину мира.
Известностью они пренебрегли,
Не протянули руку за наградой,
Имен своих не начертали.

О безымянные творцы искусства,
Вам кланяюсь я низко, —
Созданья ваши, пережив века,
Нас учат презирать тщеславье!

Во мраке скрыты ваши имена,
Стремленье ваше стало бескорыстным.
Величье этой темноты
Я чту сегодня.
Беззвучно ваше слово
Звучит в пещере:

«Бессмысленно тщеславье,
А слава в будущих веках —
Лишь пища призраков бесплотных,
Живые ей не могут насладиться.
Так не гонись за ней
И принимай смиренно
Дары от Аннапурны дней текущих!»

Сегодня у порога моего
Стоит безлистый шоджне,
На ветках
Зазеленел пушок.
Теперь паром весны до середины
Потока чойтро месяца доплыл.
В полуденном горячем ветре
Качаются деревья.
Пыль покрывает синеву небес
Налетом серым.
Напевы птиц
Еще не зазвучали стройным хором.

В потоке вечном мчится быстротечно
Волнение самозабвенной жизни,
И с ним колышется моя душа,
Как листья кришноколи.
Я и сейчас в избытке получаю
Дары от пробегающих мгновений, —
Их правда несомненна.
В тот день, когда слагаю песню,
Я чувствую в моей душе
Такое ж колыханье листьев,
Волненье ветра,
Поток лучей
И сладостную боль созданья.
Ведь и ко мне пришел гость безымянный,
Явился странник неизвестный,
И правда вся, что он принес,
В тот миг открылась до конца, —
Не станет правда больше оттого,
Что оседлает чье-то имя.
Но если в будущем, от глаз сокрытом

За небосклоном настоящих дней,
В мелькании бесчисленных явлений,
В шумливой толкотне
Средь сотен тысяч суетных имен
Случайно промелькнет, как тень,
Мое бесплотное и призрачное имя, —
Позор миражу жалкого тщеславья!
На склоне дней моих
Пусть радость, что весь мир объемлет,
Даст мне свободу от гордыни!

Да чтится скрытый в темноте
Создатель безымянный
Картин чудесных мира,
Дарящий людям радость!

Госпоже Рани Девы

1

Свое жилище я переменил,
Теперь в двух комнатках я приютился.
Такие комнатки мне по душе, —
Вот почему:

Большая комната всегда кичлива,
Но подлинный простор ей недоступен,
А комнатки мои малы, скромны
И не дерзнут тягаться с безграничным,
Как глупый сын богатого отца.

Свою любовь к небесному простору
Не в комнате хочу я утолять,
А там, наружи, под открытым небом.

Здесь хорошо.
Далекое ко мне подходит близко,
И думаю я, сидя у окна,
Что мы далекое зовем красивым,
В красивом же далекое находим.
Красивое заключено в обычном,
Но все границы преодолевает,
Оно в необходимости свободно
И в преходящем остается вечным.

Я помню, как однажды в паланкине
Меня несли чрез поле в жар полдневный.
Среди носильщиков — их было восемь —
Запомнил хорошо я одного.
Из камня черного, как бог, изваян,
Он гордо шел, позор свой попирая, —
Летит так птица вдаль с оборванной
цепочкой.

Далекого жила в нем красота.

Ведь близость неба чувствуют все люди.
Его не видно при окне закрытом.
Корыстный мир стеной нас окружает,
Стремится близким душу нам опутать.
И, разгораясь, страсть глушит любовь,
Как сорняки — хороший урожай.

Пишу стихи, картины,
И в них игра моя с далеким.
Даль обряжаю в разные наряды;
Ведь и Поэт вселенной украшает
Край неба при восходе и закате.

Делами занимаюсь без корысти,
Но в них свою не вкладываю душу,
А если дело связано с далеким,
То мир души моей в нем отражен.
И вижу я прекрасный образ Смерти —
Спокойный океан, что жизнь объемлет,
Его свобода — в красоте сияет.

2

Об этом после.
Скажу сначала — чай твой получил.
Не слал тебе известий, ведь обычно
Пишу я письма, как стихи, картины.
Письмо мое — не вестник о событье,
В нем сообщенье о самом себе.

Как в мире образы, явясь, уходят,
Так образ каждой из моих картин
Идет к дверям познания от незнания,
И он — неповторим.
И смена разрушений, созиданий
В душе моей воспламеняет чувства;
И это выражается в искусстве.
Силками слов ловил я мимолетность.

Тогда душа прислушивалась к небу,
Стремилась выразить себя в созвучьях.
Теперь моя душа свой взор открыла,
Постичь весь мир стремится в созерцанье
И говорит безмолвно: «Вижу».

Мир — шествие великое явлений,
Пред вечным созерцателем проходит,
Он говорит безмолвно: «Вижу».
Когда-то пред подмостками вселенной
Был подан знак, чтоб занавес поднять.
Поднялся занавес из пара,
Явились образы, как танцовщицы.
Бог Индра тысячею глаз смотрел,
И созерцанье стало созиданьем,
Ведь он творец, художник.
Великий праздник — это созерцанье.

3

Так времени ладья плывет по небу,
И очертанья — путники на ней,
Мелькает танец образов во тьме.
Речь бесконечного невыразима
На языке конечного в намеках.

От бесконечной радости частицу
Конечное несет в своей корзине —
Оно не чувство, и не мысль, не слово,
А только образ, созданный из света.

Сегодня изначальный звук творенья
Достиг моей души,
Раздвинул он завесу вечной ночи
И мне сказал: «Смотри».

До этих пор в своем уединеньи
Все, что я говорил, то сам и слушал.
Теперь в уединении ином
Все, что творю, то сам и созерцаю.
Всевышний, сидя, мир весь созерцает,
Я на скамеечке для ног его
Присел и в созерцании творю.

Господину Шудхиндронатху Дотто

1

Теперь я к рисованью пристрастился.
Стихи ведь — как богатые невесты,
У них приданое — богатство смысла,
Им нужно разговором угождать.
Рисунки же скромны и молчаливы,
И с ними я могу таким же быть.
Как из цветов рождаются плоды —
Словами только можно описать,
А пляску света и теней в лесу —
Изобразить возможно лишь в рисунке.
Там стелются сухие листья,
Порхают бабочки,
Мерцают ночью светлячки,
Их очертанья на лесных подмостках
Мелькают в легкокрылом танце.
Никто ни перед кем там не в ответе...
Правленье слова властно и сурово,
Рисунки ж не грозят перстом,
Мне улыбаются, когда рисую.

Забросил я дела, теряю письма.
Чуть улучу минуту, я спешу
Сосредоточиться, порисовать.

Таилась эта страсть на дне души,
А вот теперь окрепла, осмелела,
Рисует, не считаясь с мнением мира,
Не внемлет похвалам и порицаньям.

2

Душа моя довольна.
Перо, которым я рисую,
Не взнуздано желаньем славы,
И не хозяйничает имя
Над вольным творчеством моим.
Свой коврик на груди моих картин
Оно не расстелило и не село,
И не подталкивает, и не говорит:
«Меня ты прославляй».
Хотя само напыщенное имя
И не работает и не творит,
Но хочет все себе оно присвоить,
Рассыльных славы держит у ворот.
Оно из тысячи заказов разных
Для прославления себя престол
Пред самым творчеством воздвигло.
Пока еще не появилось имя,
Я рисовать могу свободно,
Самозабвенно, вольно, как весна.

* * *

Тогда я был юнцом зеленым.
Как часто я в мечтах воображал,
Что всадником на диком скакуне
Скачу я без седла и без уздечки
Через поля разбойничьих налетов
Порой вечерней.
Из-под копыт коня взлетает пыль.
Земля зовет назад, взмахнув зарей.
А в небе первая звезда
Над краем поля заблестала;
И в чьем-то доме дальний огонек
Меня манит в бессонном ожиданье.

В моей душе витал
Неясный призрак
Того, что в будущем должно свершиться,
Так кукованье утренней кукушки
Предвещает появление солнца.

Тогда был мир передо мной открыт
Наполовину.
И небосклон моей души
Был ярко озарен необычайным.
В любовных грезах
Все невозможное могло свершиться,
И с образом любви в душе сливалась
Отвага подвигов
Сказаний древних.

Теперь я многое узнал о мире,
И понял я: часть мира состоит
Из прописных ходячих истин.
Из восприятия моей души
Стремленье к тайнам сказочным исчезло.
Не подтверждает жизненный мой опыт,
Что невозможного любовь достигнет,
Что средь обычного так много тайн,
Что сказочность есть в сказанных словах.
Забыл я, что любимая, как в сказке,
Красавицей спит за семью морями,
Что пробудить ее от сна возможно
Лишь палочкой волшебной золотой.

* * *

В тот день под открытым небом
Собрались мы в круг, как обычно,
На красной земле у дороги
Уселись все на траве.
На юге ряд шаловых старых деревьев,
Высоких и стройных,
Стоял, не колеблясь
Под чарами ночи светлой.
На дереве дальнем еще куковала кукушка,
Стояло оно, как Нанди у входа в урочище
Шивы,
И было сурово и мощно.

Сказали мне на собрание:
«Читай нам, певец, учитель,
Ведь ночь наступает».
Открыл я книгу.
Чем дальше читаю,
Тем больше смущаюсь.
Ведь песни мои нежны,
Чуть тронут, они свернутся.
Звучат голоса их
Так тихо и робко.

Они словно женщины в доме,
На лицах их алое покрывало
С каймою цветистой
Из нитей парчовых.

У них лебяжья походка,
Ступать по земле им трудно.
В сказаниях древних такая робость
Была у стыдливых и чистых красавиц.
Такие затворницы чтятся высоко,
Бубенчики ног их звенят
Сквозь шелк занавески;
Стеснительны пути уменя.

На это собранье у края дороги
Достоин прийти
Лишь тот, кто сбросил мирские узы,
Кто с рук своих скинул браслеты
И киноварь смыл с пробора,
Кто может покинуть свой дом
И в силах идти неустанно,
В одежде, серой от пыли,
Как путник-паломник,
Свой путь проверяя по звездам,
Кто сбросил тяжелое бремя
Забот постоянных,
Чей голос во тьме полуночной
И в зной раскаленного дня
Находит созвучный отклик
В неведомых горных ущельях,
В безлюдных полях,
В лесах непроходимых.
Таких нельзя привести на аркаше
Похвал иль упреков.

Я встал, чтоб уйти.
Спросили: «Куда ты уходишь, невец?»
И я им ответил:
«Отправлюсь я в путь многотрудный,
суровый,
Вернусь к вам я с песней возвышенной,
новой».

* * *

Смотрю я сегодня при свете осеннем,
И кажется мне, что впервые я вижу,
Как будто прозрел.
Увидел все то, что прежде не видел
Усталый мой взор повседневный.

Мне чудится —
Я, из грядущего века
Паломник,
Приплыл, увлекаем заклатьем,
В потоке мечтаний сквозь время
И вышел в это мгновенье
На пристань другого столетья.
Смотрю я вокруг с любопытством,
Себе я кажусь незнакомцем,
Пришельцем из века другого,
Знакомлюсь с самим собою,
Себя самого постигаю.
На что я ни гляну,
Мой взор ко всему приникает,
Как шмель к медоносным цветам.

Душой обнаженной я погружаюсь
Во все чудотворно.
Сегодня на ней нет одежды потертой,
Нет грязных лохмотьев презренья,

Нет пятен молвы суетливой,
Свободною стала душа.
Пред нею открылась вся жизнь полноценно.
Сказалось чем-то невыразимым
Немое, еще не обретшее речи,
Безмерность непознанной части вселенной
Открылась мне в недвижимом молчанье, —
Вот так на рассвете огромной ночи
Возникло впервые живое слово.

В привычном мне прежде мире
Брожу я, как странник далекий.
В разрывах явлений
Открылась мне вечная тайна.
Сжигая себя на костре,
Вдова, вероятно, так видит
Сквозь огненный занавес смерти
По-новому ясно
Бессмертную сущность предвечной жизни.

* * *

Цветы из цветника сегодня
Я связывать не стану,
Я не возьму тесьму
Из нитей золотых.

Мне домочадцы говорят:
«Но если ты цветов не свяжешь,
То как мы их возьмем
И как в сосуд с водой поставим?»

Я отвечаю:
«Цветы сегодня, словно танцовщицы,
На празднике своем.
Беспечное веселье в их движениях,
Их хоровод средь бокулов резвится
В лучах полуденных весенних.
Любуйтесь их игрой привольной
И слушайте их нежный шорох
И будьте тем довольны».

Мой друг сказал с упреком:
«Пришли мы в дом к тебе,
Чтоб жажду утолить из чаши полной,
А ты нам говоришь,
Что сам разбил
Размера песенного чашу.»

Зачем закон гостеприимства
Ты нарушаешь?»

Ответил я: «К источнику пойдем,
Смотрите, как ручей течет свободво,
То узкой, то широкою струей,
Он прыгает с уступа на уступ,
Скрывается в пещере.
Вот грузный камень
Встает, как варвар, на его пути,
А там древесный корень
Простер, как нищий, скрюченные пальцы,—
Иль серебро струи схватить он хочет?»

Собравшиеся люди мне сказали:
«Что ж ты слова не спел в стихотворенье.
Куда ушла помощница твоя?»
Ответил я: «Ее вам не узнать,
Ведь у нее померкло ожерелье,
Рубины на браслете не сверкают».
Сказали люди: «Что ж нам ждать напрасно?
Что мы получим от нее?»
«Получите все, что дают цветы
На стебельках и на ветвях,
Среди листвы зеленой
Их краски радужно блестят,
А запах веет в дуновенье ветра
И опьяняет свежий воздух.
Цветы не для того, чтоб рвать в охапку,
А для того, чтоб мы их красоту
Ценили бескорыстно
Там, где они растут».

* * *

Смотрю я в небесный
Простор бесконечный,
Там в слитности времени и пространства
Звезды ведут разговор безмолвный,
Мигание их лучей
Волнует раздумье отшельницы-тишины.

На душе моей тяжкое бремя.
Суета пазойливых мелких забот
Дробит простор бесконечный,
Они неотступно
Шумят беспокойно.

В их толкотне мой голос невнятен,
Не выразить истину тусклой речью,
Ценность теряют слова
В обиходе вседневном,
Стираются, как монеты,
И речь моя
Походит на пасмурный день
В холодном тумане.
Голос мой приглушен,
Не может моя душа,
Поднявшись, как ясное утро, молвить:
«Люблю».

Я смущен нищетой моей речи.

К тебе, о дерево,
Прихожу я и утром и вечером,
Хочу под тенью твоей обрести простую речь.
Я вижу, как ты зеленой листвою
Без усилий преодолело
Запутанность полчища ветвей,
Отвоевав простор воздушный,
И дыханье твое свободно струится
Ввысь к величью
Восхода солнца.
От него в потоке южного ветра
Мантра, молитва вечной жизни,
Нисходит в сердце твоих побегов,
Мантра, слово вселенной:
«Люблю».

Радость уносит меня в бесконечность,
И все мгновенья
Растворяет вечность.
Как будто глаза из другого мира,
Из жизни иной
Глядят на меня,
Увлекая мое сознание
В простор беспредельный.
Из высших сфер до меня долетает
Вечное слово созиданья:
«Люблю».

На заре нового века
Посланец света — луч
Разнес предвечное это слово
По небесам.
Уже в первый миг векового творенья
В разливе великом моря жизни
На волнах колыхались слова этой мантры.

Это слово день за днем создавало
В золотом сиянье желанный образ —
На небесах моей скорбной разлуки,
На побережье пустынном закатного моря.

Пусть сегодня в сумерках, на исходе дня,
Все мысли мои, все муки, тревоги
Сольются, сгущаясь, в одно сознание
И, подобно вечерней звезде одинокой,
Засияют радостным словом жизни:
«Люблю».

* * *

При встрече
Мы с ней переглянулись.
Я был так молод,
Она меня спросила:
«Кого ты ищешь?»

Я ей ответил:
«Поэт вселенной из своей поэмы бесконечной
Одну строку зачем-то вырвал
И плыть ее пустил
В поток земного ветра,
Где аромат цветов плывет
И звуки флейты.
Строка кружит, ища строку созвучную другую,
И поисков безмолвное жужжанье
Звучит в ее пчелиных крыльях».

Она молчала,
Смотрела в сторону куда-то.
Мне стало грустно,
И я спросил: «О чем ты думаешь?»

И, обрывая лепестки, она сказала:
«А как узнаешь ты — нашел иль нет
Среди бесчисленных мельканий
Ее созвучную одну?»

Я ей ответил:
«То, что иду
В раздвоенной неполной жизни —
Большая тайна,
Она откроется сама собой,
Откликнувшись необычайно,
И тайну я узнаю —
Созвучие с душой другого».

Она молчала.
На смуглой нежной шее
Блеснуло тоненькое ожерелье,
Как будто облачка слегка коснулся
Осенний бледный луч.
В ее глазах мелькала
Какая-то растерянность, боязнь,
Что кто-то навсегда уйдет, ей не
открывшись.

Она стояла неподвижно
В тревоге — и не знала,
На что решиться.

Я встретился с ней на краю дороги
В широкий мир,
Я ждал
Желанной встречи...
Она ушла.

* * *

Мердал светильник медный на подставке,
Фитиль соломинкой в нем подправляли.
Узорный светлый пол блестел,
Как будто сделан из слоновой кости,
А на полу расстелены циновки.
Мы, дети, кучкой собрались в углу
При тусклом свете.

Вошел старик Мохон Шордар,
Лицо его с дубленой темной кожей,
Окрашенные волосы завиты,
Навыкате глаза.
От дряхлости все тело дряблым стало,
И ноги, руки — длинные костяшки,
А голос или зычный, или тихий.
Мы любим страшные его рассказы.
Вот он садится между нами
И начипает свой рассказ о Рогхо.
Мы слушаем, оцепенев, чуть дышим,
И все у нас колышется в душе,
Как ветви джхау в южном ветре.

Перед окном открытым в переулке
Столб с газовым зажженным фонарем
Стоял, как одноглазый призрак,
С угла на темной улице раздался
Певучий выкрик продавца жасминов.

А рядом во дворе
Залаяла собака.
Пробили в колокол у входа — девять.
Мы тихо слушаем рассказ о Рогхо.

У сына Тотторотно в доме праздник —
Ему давали шнур священный;
И Рогхо передал с гонцом:
«Одним «Прими поклон» не обойдешься,
Не думай о расходах.
И Рогхо написал, чтобы правитель
Пять тысяч руний выдал на расходы.
Вдова налог радже не уплатила,
И дом ее к продаже был назначен.
К правителю в дом заявился Рогхо,
Сполна за долг вдовы с ним рассчитался,
Сказал: «Ты грабил многих бедняков,
Так пусть им хоть немного станет легче».

Однажды в полночь
С добычей Рогхо возвращался,
Шел к узкой длинной лодке
В тени смоковницы на берегу.
Тут он услышал —
В деревне, в доме том, где свадьба, — плач.
Жених повздорил и невесту бросил,
К ногам его отца упал с мольбой
Отец невесты, — в этот миг с дороги
Из зарослей бамбуковых густых
Раздался клич: «Ре-ре.. ре-ре.. ре-ре...» —
И звезды в небе
Как будто вздрогнули.
Все знают, это грозно кличет
Разбойник Рогхо.
И с женихом богатый паланкин
Носильщики в испуге уронили.
Тут прибежала мать невесты
И с плачем умоляла в темноте:
«Сынок, спаси честь дочери моей!»

Встал Рогхо, как посланец бога Ямы,
Из паланкина вытряс жениха,
Отцу его отвесил оплеуху,
И тот упал на землю оглушенный.

Вновь в доме раковина заиграла,
И женщины встречают жениха.
Вот Рогхо сам с разбойничьею шайкой;
Как привиденья в ночь женитьбы Шивы
Тела умащены, полуобнажены,
А лица в саже.
Сыграли свадьбу,
Кончалась третья стража ночи.
Разбойник, уходя, сказал невесте:
«Сестра моя,
Коль вновь тебя обидят,
То вспомни Рогху».

Пришло столетье, новое, иное,
И детвора теперь
При свете электрическом читает
В газетах сообщенья о разбоях.
А вечера прослушиванья сказок
Ушли из мира
С воспоминаньем нашим
И со светильником погасшим.

* * *

Приказ падишахом дан —
И войска привели Афра Сахиб Хан, Музаффар Хан,
Мухаммед Амин Хан,
А с ними раджа Гопал Синг Бхадауря,
Удаит Синг Бундела.

Окружили моголы Гурудаспур.
Защищает крепость сикхов отряд,
Бонда Синг — их сардар.
А в крепость нельзя еду пронести,
Отрезаны все пути.
Только ядра пушек
Через стену летят,
Все небо от света факелов
Кроваво алеет во мраке.

Истошился запас ячменя, пшеницы,
Ни зернышка, ни крупички;
Не хватает дров;
С голоду мясо сырое едят,
Даже срезая с бедер своих,
Кору и зелень побегов толкут,
Из них лепешки пекут.

Восемь месяцев длились муки,
Наконец попала моголам в руки
Крепость Гурудаспур.
Место казней стало болотом крови,
Пленники перед смертью кричат:
«Славься, гуру!»
С утра до вечера
Падают головы сикхов, отсечены...

Нехал Сингх — еще отрок.
Прекрасно его молодое лицо,
Изнутри озаренное светом.
В глазах его словно застыла
Утренней песней радость.
Его блестящее юное тело
Создал божественный ваятель
Рездом молнии.
Юноша восемнадцати лет.
Как шалового дерева ветку,
Его в расцвете
Нежно колышет южный ветер.
В теле и душе
Юноши —
Избыток жизни.

Связанный, он стоит,
Все на него глядят
С изумленьем и состраданьем.
Даже меч в руках палача
На мгновенье замер...
Тут прибыл гонец из столицы
С грамотой, что помилован отрок,
Подписано — Саид Абдулла Хан.
Развязали юноше руки.
Он спросил: «За что мне такая милость?»
Сказали, что мать-вдова сообщила,
Что он, ее сын, по вере не сикх,
Что сикхи насильно держали
Его в плену.

Покраснев от стыда и гнева,
Воскликнул юноша громко:
«Не хочу я свободы, купленной ложью,
Только в правде — моя свобода,
Я — сикх!»

*Обошел я и землю и небо
И пришел к первородной амрите.*

Из «Атхарваеды»

* * *

Мудрец-поэт сказал,
Что обошел и землю он и небо,
И что пришел в конце пути
К истоку первородному — амрите.

Что это за источник первородный
И как его назвать?
Хотя амриту называют «юной»,
Она предвечна.

О, сколько увяданий и смертей
Она пережила, —
Из их тумана
Вновь возрождаясь.
И утро каждое в сиянье
Звучала речь ее:
«Бессмертия источник — я, амрита!»

Проходят дни,
Зной раскаляет воздух,
Пыль застилает небо,
И шум многоголосый мира,
Как волны в море,
Несется вдаль.
Подходит день к пределу,
Жара спадает,

Пыль ложится,
Стихает шум многоголосый,
Завеса света исчезает
За краем неба.

Тогда из бесконечности вселенной
Из тьмы полночной
Вновь возникает слово:
«Бессмертия источник — я, амрита!»

Столетье за столетьем
Себя провозглашает
Деяньями людскими,
Но и деянья
Подвижников не вечны,
И гаснет жертвенный огонь,
Звучит бессмысленно премудрость мантры
Покров изношенных стремлений
Умершее столетье покрывает.

Тогда к воротам
Прощального заката
Беззвучными шагами подступает
Ночь смены века
И в темноте читает мантру
Покоя вечного над мертвецом,
А утро века нового встает
Над высью золотой горы Восхода.

И ясно видно,
Что унесен потоком темноты
Весь мусор мертвого столетья,
Что смыло милосердые
Позорные следы
Кровавых преступлений,
Что расстелила коврик голубой
Бессмертная амрита.
Я в детстве радостно
На все вокруг смотрел —
На зелень и цветы земли,
На синеву небес.

Мелькали дни.
Катилась колесница жизни
То по одной, то по другой дороге.
Горячее дыхание души
Сухие листья уносило вдаль.
От быстрого вращения колес
Взлетала пыль, отяжеляя воздух.
Воображение витало в небе,
Гналось за облаками.
Ненасытимое желанье
В полдневном зное
Скиталось вольно
По нивам и садам
И званым и незваным гостем.

Окончились все странствия мои
По небу и земле
И по дорогам и по бездорожью.

Теперь и я пришел
К источнику бессмертия — амрите.

* * *

Мой нрав подвижен,
Пусть не как облако, —
Как горная река.
Во мне веселый звонкий смех
Еще не замер.
Спустившись с возвышенья,
Сажусь в толпе, слагаю песню,
Как приказал мне Повелитель танца, —
Пишу стихами песню,
В ее строках, причудливых извивах,
Звучит веселый молодой задор,
И звуков, полных и огня и чувства,
Доныне песня не стыдится.

Ведь я наперсник
Забав веселых старого творца.
Забыл сказать он новой молодежи,
Что стар он стал,
И строже, и суровей,
Безудержным весельем молодым
Он увлечен.
Он пляску молодости в мире
Все отбивает дробно на мриданге,
Гремит раскатами из темных туч дождливых,

И в зарослях травы высокой
Он веселится шумно
Волненьем радости осенней.
Он не стремится старым угождать,
Не ищет уваженья у премудрых.
Он не заваливает черным камнем
Источник резвый.
Он позволяет морю
Играть по-детски
С песчаной хрупкой кромкой.

Меня он тянет в круг своих друзей,
Тюрбан мой, старости подарок,
Он вдруг сорвал
И бросил в пыль
И пляшет на тюрбане,
Уходит прочь, как музыкант бродячий.
Его халат — в заплатках пестрых,
Меня ж одели в платье дорогое
Те, что хотят поднять мне цену;
А он взглянул на платье
И хохочет —
Такое одеяние непрочное,
Небрежные его не носят долго.

Меня он пригласил
На свой медресе открытый,
И я подумал пред уходом,
Что мне отличья не нужны,
И стер я знак со лба,
И весело пошел,
Со мной идите,
Не гордые друзья!

Тарелками звените,
И если ноги пыльные у вас,
То не смущайтесь!

* * *

Пусть дом моих дней последних
Построен будет из глины,
И зваться он Шамоли будет.
Когда же дом рухнет,
Покажется, будто прилег он уснуть,
Смешается глина с землей,
И дом не поднимет обломки столбов,
Как будто на землю жалуясь небу,
Не даст он средь ребер
Разрушенных стен
Приюта для призраков дней отошедших.

На этой земле я сложу
Основу последнего дома,
И пусть забвение всех страданий,
Прощение всех поношений,
Ошибок, обид, издевательств
Покроется порослью мягкой дурбы.
Пусть рев кровожадный
Всех хищных столетий
В нем смолкнет навеки!

Я буду под кровом той же земли,
Что в детстве мне сыпала каждое утро
В завязанный чадор
Пригоршню цветов — и жасмин, и чампак,

И манго цветы, что еще до весны
По южному ветру
Во мгlistую даль уносили
Призывы юности пылкой.

Я с детства люблю
Бенгальских женщин,
Их обликом я зачарован.
Сурьмой в них темнеет родная земля,
Пушится нежная поросль риса,
В их добрых глазах я увидел
Сиянье вечерней зари
На краю небосклона
Над синим далеким лесом.

Земля будет каждое утро
Пред домом моим просыпаться,
Когда прикоснется к ней нежно
Рассвет золотой.
А вечером в сумраке синем
Ей будет светло улыбаться
Бессонный
Весенний месяц.

Земля увлекала меня
В дремучие заросли джхау,
На берег обрывистый Падмы,
Где в дуплах — тысячи птичьих гнезд,
К двуцветным полям горчицы и льна,
К извилистым тропкам в деревню,
На берег пруда.
Чаруя мой взор,
Земля зазывала меня
И в полдень холодный
Туда, где у красной дороги
Слетались, воркуя, голуби,
Туда, где по желтой пожухлой траве
Лениво бродили коровы,
Сгоняя хвостом
Пазойливых мух со спины,

Туда, где гнезвился
На пальме высокой
Отшельник-коршун.

Сегодня на склоне дней
Услышал я зов твой, земля,
Принал к твоему материнскому лону,
Где некогда ты сохраняла Ахалью,
Покуда ее не коснулись
Стопы ног смуглых и мягких,
Как дурба-трава, и проснулась
Ахалья для новой жизни.

Из книги
«ДОРОГА»
(«Битхика»)

1935

ЗЕМЛЯ

Забором бамбуковым ограждена,
Стала моею судьбою она,
Я взад и вперед ее исходил
И собственным «я» оградил.
Мое настоящее и бывшее
Корнями срослось с землею.
Я связан с землею узлами столетий,
Словно деревья древние эти,
И ливень, несущий им радость и благо,
Дарит и меня упоительной влагой.
И кажется мне, что деревья — мои,
Мои эти звезды, травы, ручьи,

Игры мои, заботы мои, мои недуги, мое здоровье —
Всё на земле. Я прикован к ней моей душою, моею кровью.

И когда просынается твердь ночная
И Семь Мудрецов выходят, блистая, —

Вдруг возникает в воображенье
Путников вечных передвиженье.
Сколько идет их! Прошло как много..

Бесконечна дорога...

Столетиями путники эти шли,
Жили, как я, на клочке земли,

На ней рождались и умирали,
Забором бамбуковым окружали,
Эту землю считая своей...

Сколько их, этих безвестных людей?

Арии есть, и не арии есть —

Всех и в целую вечность не счесть.

Одни из них масло на жертвенник лили,

Другие в жертву людей приносили.

Спящие ждали зари — и заря

Их пробудила, победно горя.

Потом они исчезали далече —

Гасли во мгле племена и наречья.

И новые люди селились тут,

И в землю, как в глиняный старый сосуд,

Вливали заботы свои и печали —

Потом без следа исчезали.

Бесконечно круженье племен и времен.

Вечен движенья закон.

Ночи сменяются днями.

Но небо бессменно над нами.

И тучу, как древле, лучи зажигают,

И тенью играют.

Рождаясь, я гостем являлся сюда,

В потоке времен исчезал без следа,

Забвеньем зачеркнута подпись моя,

Ни черточки не сохранила земля.

Увы! Землей я владел величаво,

И строил забор, и выпалывал травы —

Но травы останутся здесь на века —

Их связь с неизбывной землею крепка.

Расстанется с этой землей мое «я»,

Останется здесь — земля,

Д В О Е

На горизонте зажегся закат.
Двое в небо глядят.
Небо их влечет огневое,
К горнему слову тянутся двое.
Безмолвно взволнованы их уста.
В глазах — пылающая высота.

Их сердца запели однажды,
Полные небывалой жажды.
Неизъяснимого счастья миг
Соединяет их.
Безгранично это мгновенье,
Это таинственное стремленье.
Страх в нем нет и сомненья нет —
Лишь беспредельный свет.
Это мгновенье — как флейты пенье.
Вечность — в бескрайнем этом мгновенье.
Всем одарит тебя этот миг,
Словно счастья родник.
Лишь солнце такое богатство дает,
Лишь танца стремительного полет.
Извечно шумящие пенные волны
Этим мгновением полны...
Но иссякает мгновений поток,
Слаб его голос и так далек...
Но там, где он шепчет, вдали заблудясь,
Гремит океана глас,

Там, в необъятной державе времен,
Возвышается трон.
Там встречаются горе и счастье —
Двудипства всесильного части.
Там, на горе, где восход и закат
Попеременно царят,
Где солнца лучи и почные тени
Родятся в причудливом переплетенье, —
Двое безмолвно сидят сейчас,
Взорами в высь погружаясь.
И не могут они понять,
Отчего опять и опять
Глаза, очарованные небесами,
Застылаются вдруг слезами...
На дне их сознания — тайный приют,
Где грезы гнездо незримое вьют.
Обоих безмолвные речи томят...
А в небе волшебные буквы горят:
Они свиданье двух душ предвещают,
О миге их единенья вещают.
Но заметят ли эти двое
Буквы, начертанные судьбою?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ЮНОСТИ

О дорогая!
Темною чащею жизни моей
Шла ты в сплетенье теней и лучей,
 День предвещая.
Всюду мне чудился зов и намек,
Мнилось: я вижу мелькание ног.
 Запах волос твоих ты подарила
 Ветру, бегущему вслед за тобой —
И призывал этот запах хмельной
 С неодолимою силой.

Утро вставало.
Смутная даль озарилась светло.
Солнце росинки на почках сожгло.
 В роще чета голубей ворковала.
Тени скользили, прозрачно легки.
Вышла ты к берегу полной реки.
 Шумом нас пристань встречала.
Молвил тебе я: «Скорее идем.
Волны сверкают под юным лучом.
 Лодка нас ждет у причала...»

Лодку уносит течение.
Мерно колеблясь, несется она,
Воспоминаньями нагружена.

Радость, забота, мученье —
Все здесь вместилось... Ты следом за мной
С первой ношей души молодой
В лодку ступила несмело.
Слушали вместе мы рокот воды.
Что-то внезапно шептала мне ты,
Так же неожиданно немела...

Время отлива.
Берег неведомый... Челн пристает,
Серою мглою одет небосвод.
Входишь во тьму молчаливо.
Скрылась... И вдруг — появилась опять.
Вновь начинаешь, как встарь, опьянять,
Снова цветами пленяешь...
И начинается бурный прилив.
И, узнавания знак подарив,
Вновь ты со мной отплываешь,

Снова ты рядом.
Облик твой вечный — по-новому он
В сердце мне входит... Я вновь восхищен
Этим таинственным взглядом...
Денно и ночью приносишь ты в дар
Новых мелодий и образов жар.
Утром звезда твоя звуки рождает,
Грустью наполнив их, нежный закат
Их повторяет, восторгом объят,
В золото переплавляет,

Знаю тебя — и не знаю.
Бренного мира касаешься ты,
Но не причастна ты миру тщеты,
Здесьняя — и неземная.
Но коль завеса тщеты упадет,
Образ твой вечный над миром взойдет,
Мука великой извечной разлуки
Встанет над грудой бед и побед —
В сердце мужском ей забвения нет,
Этой губительной муке.

Милая, молви, откуда
Ты на порог мой, в мое бытие
Женское сердце приносишь свое —
Вечное женское чудо?
В речи твоей — беспредельности зов,
Музыка дальних немых берегов...
Ты появилась с корзиной бесценной
И, неземною улыбкой маня,
Райской гирляндой венчаешь меня
И возвеличиваешь несравненно.

ПОКЛОННИЦА

Бешеный ветер тучи несет.
Кричат павлины. Сер небосвод.
 Утро, но я не встаю,
Не одеваюсь, хоть свет за окном,
И на неприбранном ложе ночном
 Книгу читаю твою.

Поэт мой, пускай никогда
Тебя я не видела — ты предо мной,
В строках возникает твой образ земной,
 Живой, как в былые года.
Ненастная дымка, дождя пелена
Какою-то нежной печалью полна,
 И слезы струятся, едва
 В сердце струятся слова.

Некогда сам ты в горькой тоске
Жил от любимой своей вдалеке.
 Кто же она? Какова?
В песнях твоих я ее узнаю,
Создал, как Индра, ты Сачи свою
 Силою волшебства.

Поэт мой, ты всюду со мной.
В груди моей бьется твой трепетный стих,
Свой образ я в образах вижу твоих,
 С моею встречаюсь судьбой.

P. Tarop
(1926)

Ведь там, где струится Джамуны поток,
Слагаешь ты вечную музыку строк,
Любимой напев посвятив!
Как сердце волнует мотив!

Как ее звали? Пусть никогда
Я не видала ее — не беда:
Нынче мы с нею вдвоем.
Тот, кто не знает подруги твоей,
В песнях твоих познакомится с ней,
В воображенье своем.

Поэт мой, прошел твой фальгун,
Прошли серебристые ночи его,
Но хмель в моем сердце, весны торжество,
Цветы и мерцание лун.
Ты знал свою милую, но не проник
В какой-то ее сокровенный тайник.
Я — то, что постичь ты не смог.
Надел на меня ты венок.

Вечер срабона. Как пахнет венок!
Он на челе твоей милой промок
Под непрерывным дождем.
Запахи, как дуновенье мечты;
Кажется: благоухают цветы
В существованье ином.

Поэт мой, тебе невдомек,
Как сладко слова твои в сердце звучат,
Какою печалью овеян мой сад,
Где стих твой течет, как поток.
Чувств этих в жизни теперешней нет,
Были, возможно, да стерся их след.
Но слово хмельное твое
Сердцу несет забытьё.

П Р И Г Л А Ш Е Н И Е

Вспоминаю: однажды стихами простыми
Я воспел тебя, милой назвал я мою.
До тех пор у тебя, как у всех, было имя, —
Я пишу, а назвать твое имя не смею.

Ты велишь мне писать изощренные строки,
Но моей простодушной поэмы страницы
У дверей твоих просят, отбросив упреки,
Чтоб твои — хоть на миг — задрожали ресницы,

Лишь одно мне достаточно вымолвить слово, —
Ты приходишь и смотришь внимательным взглядом.
Если даже уйдешь, — возвратишься ты снова,
Знаю, сядешь со мною, мечта моя, рядом.

В сари — чайную розу — ты бедра закутай,
Приоткрой свои локоны передо мною,
Ты обрадуй меня долгожданной минутой
И откинь от щеки сари с узкой каймою.

Непокорные кудри трепещут лукаво
И ложатся на лоб все нежней и нежнее,
А движение черного локона справа
Совпадает с изгибом сверкающей шеи.

Днем сплетенный из ютки венок благовонный
Расцветет ввечеру от тепла твоей кожи.
В этом запахе весточку слышит влюбленный, —
Ту, что сердцу милее всего и дороже.

Все же я упрекну тебя: серьги-рубины,
Что похожи на жаркие капельки крови,
Мой подарок, — ты несколько дней, без причины,
Забываешь надеть... Ты не хмурь свои брови,

Я скажу и другие слова, — не в обиду,
Не для рифм, и на музыку их не положим.
С виду это пустяк, но пустяк только с виду,
Пренебречь пустяками такими не можем.

В наше время не внемлют рифмованным стонам, —
Что нам древний светильник и вина поэта?
Лучше ты принеси на подносе плетеном
Манго — эти плоды цвета солнца и лета.

Прозаический пир мы сегодня устроим,
Не нужна нам теперь со стихами тетрадка.
И писателю тоже приятно, не скроем,
Чтоб во рту у него было вкусно и сладко.

Речь груба? В духе времени грубость такая,
А иной выражается даже почище!
Только неба посланец, крылами сверкая, —
В этом ты мне поверь, — не нуждается в пище!

То, что я говорю, — не порок и не шутка,
Это — веское, в сердце рожденное слово.
Надо прямо сказать: наполненье желудка
Есть и нашей духовной отрады основа.

Наслаждения большего нет мне на свете,
Чем смотреть, как прелестные руки проворно
Преподносят отменные кушанья эти —
Рыбный плов или шондеш, полезный бесспорно.

Тот же самый поэт написал тебе снова.
Вечер в доме пустом. На стене перед взором
Возникает картина из теней былого.
Тишина. Лишь часы занялись разговором.

Вот полрупики в ящике дальнем забыты;
Вот листочек из книги расходов... Не знаю,
Где тебя отыскать, где следы твои скрыты,
Но письмо-приглашенье тебе сочиняю.

Помню: шерсти клубок у тебя на коленях.
Ты сидишь у окна. Ждешь кого-то. Надежда
Засветилась в глазах твоих юных, весенних,
И на землю свободно спустилась одежда.

Загорелись лучи на другой половине,
А на первой — на крыше — сгущаются тени.
Тонко чамели пахнут в китайском кувшине,
Все полно аромата цветов и растений.

В ящик это письмо положу и ответа
Ждать не буду, но только из мира забвенья
Подойди ко мне сзади, и, вместо привета,
Ты глаза мне руками закрой на мгновенье.

Я хочу, чтоб твои зазвенели запястья,
Чтоб волос твоих запах я чувствовал снова.
Подари ты мне ночь сновиденья и счастья,
Подари ты мне день созерцанья живого!

Никогда не разрушится связь между нами, —
Не проникнет в нее, не поймет посторонний,
Что мы связаны светом, волшебными днями
И ладонью, в моей трепетавшей ладони.

НА ПИСАННОЕ НА ДОСУГЕ

Стихи мои, мой берег одинокий,
В безбрежный океан глядящий молчаливо,
Пускай окатит вас прибой высокий,
И жемчугом воздаст спокойный час отлива.
Стихи мои, вам скромность не помеха,
Не блещут пестротой ваши одеянья,
Вы у толпы не сыщете успеха
И в доме знатока вам не снискать признанья.
Стихи мои, я мысленно рисую
В тишайшей тишине ваш образ одинокий —
Не девушку, но девочку босую,
Сидящую в дверях, поджав худые ноги.
Она себя еще не понимает,
Беспечен взгляд ее, и голос беззаботен,
Над ней на крыльях время пролетает,
И утро пьет росу и переходит в полдень.
А если хочешь знать ее — то просто
В распахнутых дверях постой со мною рядом,
Ей не ответить на твои вопросы
Ни словом вычурным, ни молчаливым взглядом,
Пока играет ветер волосами,
Она сидит в пыли, качая головою,
И голубыми детскими глазами
Доверчиво глядит на небо голубое.
Шум леса, словно музыка, струится,
Река дымится от полуденного жара,

И над водой неведомая птица,
 Качаясь вверх и вниз, поет на ветке джхау,
И под прохладным ветром неустанно
 Качается джарул, усыпанный цветами,
И камини цветут благоуханно,
 И опадают в тень сырыми лепестками,
И запах тулси льется над землею,
 И аромат земли в каморке обитает,
И медленно пчела над головою
 Кружится и, жужжа, куда-то улетает.
А девочка, она ушла с урока,
 Она идет в себя и целый мир находит,
И в этом мире бродит одиноко,
 И среди бела дня каракули выводит.
Пускай ее природа окружает,
 Как разноцветный сад, светло и откровенно:
Журчит вода, и травы полыхают,
 И веет от лугов медовый запах сена.
От добрых глаз я девочку не прячу,
 Без хитрости на вас глядит она с порога.
А если вы посмотрите иначе —
 Ну что ж — нехороша, худа и босонога.

О П У С Т Е В Н Ы Й Д О М

Ты предо мною расцвела.
Пронзила сердце радости стрела.
И с той поры ты постоянно
Мне желанна.

Бывало, ты сидишь под деревом ашот,
Внизу вода прозрачная течет,
Одежд касаются то тень, то отблески живые,
И мнится мне, что предо мною ты впервые.
В рассветный час, когда еще не пробудилась ты,
Я в спальню приношу душистые цветы.
И каждый вечер с тайною любовью
Письмо я прячу в изголовье.
На небе свет в те дни не гас —
Его зажгло сиянье черных глаз.
Струились волосы твои, благоухая,
И веяло от них дыханьем рая.

Прошло, кто знает, сколько дней —
И притупилась боль в душе моей.
И память, покорясь судьбы велению,
За черною чертой забвенья
Не воскресит ни образов былых, ни тех картин.
Лишь в сердце, в глубине глубин,
Предвестником несчастья возникает снова
Тех дней умолкнувшее слово.
И стертый образ твой
Теперь уж не нарушит мой покой.

День нынешний тебя не знает
И гонит прочь и, как чужую, избегает.
И прошлое — пустой забытый дом
С давно остывшим очагом,
Где в комнатах, под пылью плотной,
Навеки поселился страх бесплотный.
В саду уже давно зарос твой след,
И во дворе — лишь кактуса скелет.
Везде печать проклятья, запах тлена,
Тоска слезами омывает стены...

ТВОЙ ПОРТРЕТ

Вот твой портрет. Порою полуденной
Сидишь в лесу, одетом в полумглу.
Жасмин, в пучок волос твоих вплетенный,
Дыханьем сладким приманил пчелу.
Перед тобой — песок, от солнца белый,
Речной поток струится, обмелелый;
И трепетная тень скользит несмело
По твоему челу.

Твои глаза, исполненные ласки,
Притенены, как лес, где тут и там
Рой мотыльков в неутомимой пляске
Расплескивает краски по цветам.
Весенний ветер, теплою вея,
Срывает лепестки рукой своею
И этот скромный дар, благоговая,
Кладет к твоим ногам.

Звучит не умолкая птичье пенье
На дереве, у полусонных вод.
Пригоршни света на твои колени
Бросает лучезарный небосвод.
Проходит путник. Песнь его простая
Волнует сердце, горестно рыдая.
Кружится над тобой созвучий стая —
И тихо вдалеке плывет,

ПРИВЕТСТВИЕ

Горé восхода в песне я шлю привет,
Горе, над которой рождается свет.
Закат прихлынул, как волны прилива,
На мой берег. Но радостно мне сознавать,
Что коснулась меня благодать
У истоков жизни счастливой.

С той поры, как забил первого дня родник,
Я земли неоплатный должник,
Оплатил ли я долг хоть немного?
Вступая в ночь, прощальное слово шепчу,
Подобно радостному лучу,
Ложится оно у порога.

Я полюбил просторы этой земли,
Что пред моими глазами цвели,
В дни цветенья я пел вдохновенно;
В этих песнях — торжество бытия,
В этих песнях останусь я.
Только то уходит, что бrenно.

В ясные дни и в ненастье
Услаждали игры мои и печаль и счастье,
Скоро кончится эта игра;
Голодный и жаждущий, получал я в дар
Благословенный нектар.
Прими мой привет, о восхода гора.

Год кончается, и рождается новый год,
Все богатства мои — этот поток унесет
В бесконечном своем движенье.
Созидапья закон жесток:
Старый плод — это новой жизни росток,
Неразрывны смерть и рождение.

Чаша жизни моей до краев полна,
Таит ее глубина
Ароматные воды.
Знаю, разобьется чаша моя на куски,
Неумолимые дни близки,
Но шлю я привет горе восхода.

Иногда обрывалась струна,
И в хоре была не слышна
Песня, которую пел я устало;
Услышав фальгуна месяца зов,
Распускались почки в чаще лесов,
В месяце чойтро листва облетала.

Созидая, много лет подряд
И я свершал разрушенья обряд.
В ломке последней справедлива природа.
Я поделился всем, что было дано.
Если это напрасно, то все равно,
Уходя, прославляю гору восхода.

СКУПАЯ ДОБРОТА

В твоих глазах я вижу попережку
То нежность, то лукавую усмешку.
Я слышу песнь в молчании твоём.
В моей душе смешались свет и тени,
И радости и горе — в вечной смене.
Мы так близки и далеки вдвоём.

Порой меня ты подвергаешь пыткам,
Но, сжалившись, божественным напитком
По капле мне даруешь доброту...
Все, что даешь, ты отберешь, быть может,
В твоём пиру мне сердце голод гложет —
Как от него спасенье обрету?

О моллика! О нежный цвет фальгуна!
Твое вино — в дыханье ночи луиной.
Тебе, скажи, не южный ветер друг?
Богатством он наполнил лес пустынный
И запахов незримой паутиной
Окутал мир, простершийся вокруг.

А я сейчас — как дуновенье стужи.
Твержу мольбу, всегда одну и ту же.
С сухих ветвей осыпалась листва.
Мой взор туманят слезы, закипая;
И доброта мне жертвует скупая
Два-три цветка, раскрывшихся едва.

Все то, о чем душа моя мечтала,
Безжалостная буря разметала.

Пускай навек останусь одинок —
Рукой судьбы мне послана награда:
Два-три цветка всего. Им сердце радо,
Но мало их, чтобы сплести венок.

ДЕОДАР

Деодар, раздается твой голос в тиши,
Мантрой жизни звучит он в безмолвье души.
Эта жизнь в продолжение тысяч веков
Не могла сокрушить каменистых оков,
Где-то в мертвой твердыне таилась.

В час, когда твоя жизнь зародилась,
Торжество покоренного ею огня
Приоткрыло страницу грядущего дня —
Столкновений и войн бесконечный черед,
Повседневную битву житейских забот.

Разгорается страстный огонь бытия,
И в груди извивается, будто змея,
Этот жгучий язык разгоранья —
Истерзавшие душу желанья.

Неподвижен зеленый твой лик;

И в покое своем ты велик.

Что за роль ты играешь в театре времен?

Кровью сердца живого внесен

В величайшее действие твой образ нетленный.
Жизнь и смерть — лицедеи на сцене вселенной, —
И бесстрашь в дороге, лишаящей сил.

Кто мог знать, что без усталы ты возносил

Стяг, отважно стремящийся в бой,

Стяг, одетый красивой и нежной листвою?

Кто мог знать, что впервые звучанью тех слов,
За рожденье которых отдать я готов
Жизнь свою, добывая их день изо дня, —
В ветре прошлых веков научил ты меня,
Одаря безмолвною мантрою их,
Что таится в шуршании веток твоих?
Ты — владыка в короне зеленой,
И к тебе обращаю поклоны.

С Т О Л К Н О В Е Н И Е

Как искажены твои черты
В час, когда вишишь все в мире ты
И вещаешь всем — в который раз! —
Что в грехах ужасных мир погряз!
Но узнай, что возмущенья пыл
Лишь огнем твоей гордыни был.
Испокон веков добро и зло
В самой гуще жизни бой вело.
Если бы тот бой на миг утих,
То добру б не знать побед своих.

Даже в муках смертного конца
Понапрасну не кори творца.
Знай: ценою смерти будет взято
То, что так бесценно и так свято,
То, чему не причинить вреда.
Всех к себе создатель ждет всегда,
Одаряя добротой строгой
Странствующих жизненной дорогой.

Где судеб толпа со всех сторон,
В этом мире я и был рожден.
В нем несовершенства образ скрыт.
И кусками нити боль и стыд
Связаны в нем в сложное сплетенье.
Стройность мира — в вечном нарушении.

Так предстал передо мною он;
Я услышал мира вечный стон.
Я увидел: движет мир душа,
Вековым страданием дыша.
Этого не задержать движенья.

Вижу в угнетенном пробужденье,
Дивного величья торжество,
Радостно приветствую его.
Всяк его по-своему зовет.
Под его ногами гибнет гнет.
С ним грядет великий перелом.
Кровью сердца говорю о нем.

МАТЬ

Сетка тумана

Весь мир застилает утром рано.
Не знаю, что таится под пеленой,
Так и я незнакома себе самой.
Я живу в мечте, где все зыбко, неясно.
Что-то происходит во мне ежечасно.
Искра плененного света во мне жива,
Ко мне долетает дыханье еще не пришедшего
божества.
Завязь плода, скрытая в тайных глубинах бутона,
Жемчужина материнского лона,
Ты придешь в солнечный утренний час,
Радость моя превзойдет ожиданье в тысячу раз,
И вселенная станет нищей и темной
По сравнению с радостью этой огромной.

Жизни тайный родник

В молчаливых недрах возник.
Теперь он вырвался в мир просторный
Из темницы черной:
Маленькое существо в пути,
Далеко и долго ему идти.
Та радость, что текла в моих венах,
Стремится на волю из глубин сокровенных,
Мое сердце — гостеприимный дом,
Зажжены светильники в нем.

Мой ребенок! Скоро тебя позовет дорога.

В доме моем отдохни немного.

О люди, идущие в путь, путь без конца!

Песни, танцы, перезвон бубенца —

Все звуки вашей мелодии необъятной

Мне поведал ребенка лепет невнятный.

Мой ребенок так близок и так далек —

Он от плоти моей, но весь мир между нами

лег,

Не удержишь его за семью замками:

Уйдет, и радость его станет моими слезами.

Не мою ли кровью его наполнены вены?

Материнские слезы да будут благословенны!

Они величайшее счастье земли

Не для себя — для других сберегли.

БЕЛОЧКА

Прячет двух бельчат под сари, —
Радуются двое,
Чувствуя ее касанье
Теплое, живое.
Я смотрел, — и сердце было
Ласкою согрето,
И запомнилась, как песня,
Мне картинка эта.
Сквозь листву звезда на землю
Светит одиноко;
И волшебен плеск речного
Звонкого потока.
На краю деревни слышно
Мягкое журчанье,
У реки людей не видно,
Над рекой — молчанье.
Пробужденные впервые
На ветвях лимона,
Распустившиеся почки
Дышат благовонно.
Не хотят замолкнуть птицы,
Песню распевая,
Только от меня их скрыла
Тень листвы густая.

Долог путь, но, очарован
Красотою чудной,
Забываю на мгновенье
О дороге трудной.
Внемля счастью в сердце старом,
Внемля укоризне,
Я иду, и вдруг в затишье,
На закате жизни,
Повседневности завеса
Стала раскрываться...
Да, из ожерелья Лакшми,
Чтоб с землей смешаться,
Дорогих таких жемчужин
Выпало немало:
Мне одна из них сегодня
Ярко заблестала.

ДЕВУШКА ИЗ ПЛЕМЕНИ САНТАЛОВ

Девушка-санталка проходит мимо меня
По каменистой дороге утром, в полдень и на склоне дня.
Груботканое сари облегает гибкое тело.

Рассеянный мастер, создавая смело
Черную птицу из молний месяца срабон,
Был работой своей увлечен
И не заметил, как из туч и света
Возникла женщина эта.

Вот скользит она плавно мимо,
Расправляются крылья незримо,
Не то летит, не то ступает легко.
На сильных руках — белые, как молоко,
Браслеты из отвердевшего древесного сока,
Проплывает высоко
Корзина, наполненная землей.

Снова и снова проходит девушка в сари с алой каймой.
Кажется, дерево полаш своими цветами
Зажигает в небе жаркое пламя.

Поуш, месяц зимы, завершил свой круг,
Весенним теплом повеяло вдруг.
Солнечный свет в эти дни впервые
Ветви деревьев сухие
С зеленой листвой обручил.

В светло-синем небе промелькнула птица чил.
Упали на землю плоды мироболана,
У этих деревьев толпится детвора постоянно.

На лесных извилистых тропах пляшут тени и свет,
Опавшие листья засыпают след,
Повинуясь ветра порыву.
За кустом пугливо
Ящерица замирает в траве.
Проходит мимо девушка с корзиной на голове.

Мне строили дом из глины,
Рабочие клали стены, подставляя спины
Первым лучам весны,
Струящимся из голубизны.

Так проходили недели.
Где-то за горизонтом колокольчики слабо звенели.
Издалека

Довносился голос паровозного гудка.

Я о девушке думал много,
И в сердце моем возрастали стыд и тревога —
Где тот дом, в который войдет она, как жена?

Она заботлива, ласкова и нежна,
Расцвела, как цветок, лепестки раскрыла,
Готовность к жертве — вот ее сила.

Почему она строит дом не себе, а мне?

Купил я товар по дешевой цене,
И не купил, а украл при помощи денег, отмычки
жалкой...

Снова и снова с корзиной земли проходит
девушка-санталка.

ПУТЬ К СОЕДИНЕНИЮ

Из молельни доносится запах сандала.
На дворе, вдоль ограды, поникнув устало,
Как бы в жертву себя принося целиком,
Густо шиули нежным цветут цветником.
Вот выносят хозяйку-покойницу с плачем.
Внешний двор оглашается горем горячим.

Утро. Сад утопает осенний
В золотой светотени.
Наступила ашшина пора,
Светотени игра.

Краски осени вольно, легко засверкали
На умершей, на скорбном ее покрывале.

Перед смертью Джайлакшми, хозяйка-вдова,
Старшей дочери эти сказала слова:

«Дорогая,
В мир иной, в заповедную землю вступая,
Сквозь врата, что огнем негасимым горят, —
Вновь надену я свадебный яркий наряд.
В красный шелк, как невесту, одень меня
с лаской,
По пробору волос проведи красной краской».

Одеяньем нарядным блистая,
В дом когда-то невестка вошла молодая.
Перед нею теперь
Открывают опять ту же самую дверь.

Дверь все та же, что прежде,
И она, в шестьдесят, в той же самой одежде,
Но уже никогда не вернется туда,
Где хозяйкой была, — никогда, никогда!
Жезл правления должен бессильно упасть.
Где ее над семьей безграничная власть?
Какова ее жизни цена?
Меньше значит она,
Чем то место, где долгие годы, бывало,
Госпожа восседала.

В день, когда она с миром рассталась земным,
Чтобы встретиться с мужем покойным своим,
Чтоб навеки почить в тишине, —
День другой вспоминается мне.

Осень. Месяц ашшин. Оживленье вокруг.

Дом наполнился говором слуг,

Будут праздновать ныне

Праздник Дурги — богини.

На каникулы Онукул прибыл домой.

Младший сын, статный, стройный студент молодой.

И не только в честь Дурги прекрасной —

Совершать здесь готовы двойного веселья обряд:

Дома юношу боготворят.

В дом однажды хозяин привел сироту.

Шестилетнюю девочку ту

Звали Промита, — горе пришло к ней нечаянно.

Был покойный отец ее другом хозяина.

В этом доме сиротка росла, как родная,

Ни нужды, ни сиротства не зная.

Только Онукул, братец ее, озорник,

Обижать ее в детстве привык.

Сколько слез было девочкой пролито!

И чем больше уступит мучителю Промита,

Тем сильнее становится гнет.

То, когда она кудри в пучок соберет,

Он распустит их; то, к ней приблизясь украдкой,

Он ее завладеет тетрадкой
И при помощи карандаша,
 Не спеша,
Он ее пристыдит за ошибки.
Госпожа, не скрывая улыбки,
Любовалась детьми, — их забавами, спорами,
Примиреньями скорыми.

Годы шли за годами счастливыми вслед,
Восемнадцать исполнилось Промите лет.

Вот слуга как-то раз
Передал госпоже в тихий утренний час
 На бумаге цветной письмецо, —
 И ударила кровь ей в лицо.
Это Онукул Промите сердце и руку
Предлагал, — и хозяйка извела муку.
Он писал: «Знаю, мать нам согласья не даст.
В этом доме священные обычаи каст,
Между кастами здесь вековечны различия, —
Так сотрем их, пойдем против силы обычая!
 Если, Проми, даешь ты мне слово,
 Если жить по-иному готова, —
Убежим и поженимся тайно с тобой,
Будем связаны общей судьбой».

Госпожа,
В сильном гневе дрожа,
Кликнув домоправителя, так приказала:
«Этой Промите жить среди нас не пристало»,

Так над Онукулом разразилась беда.
Он вбежал и воскликнул с горячностью смелой:
 «Мать, ошибки не делай,
Не виновна ни в чем пред тобою она,
 Лишь на мне вся вина,
И согласия мне не дала еще Проми.
 Ты — глава в этом доме,
Почему же сиротку лишаешь ты крова?
 Права нет у тебя никакого!

В этом доме отец дал ей место; и вот
Здесь она по такому же праву живет,
Что и ты.

Разве, матушка, нет у тебя доброты?
Неужель воспротивишься чувству живому,
Неужели ты выгонишь Промы из дому?»

Но со злобой ответила мать:

«Я обязана эту девчонку прогнать,
Что становится дерзко меж мною и сыном,
Что, найдя милосердие в доме старинном,
Подожгла молодыми руками наш дом.

Да, вина ее в том,

Что мой сын полюбил ее: эта вина
Тяжела и страшна.

Долг велит мне, — и спорить со мною не
смей, —

Дело с этой девчонкой решить поскорей.

Все мое здесь: и деньги, и дом, и семья,
Власть моя — и всецело моя,
И закон — мой приказ,
Это я докажу ей сейчас».

Сборы кончены: Промыта с домом
расстанется.

Груботканое сари надела изгнанница,
Украшенья сняла и браслеты,

И чудесные серьги, что в уши ее были вдеты,—
Этот дар берегла она свято:

Подарил их покойный хозяин когда-то.

На постели оставила серьги в футляре,
И закрыла стыдливо лицо краем сари.

Но едва только вышла из дома, — пред ней,
Всех на свете родней,
Вырос Онукул вдруг!

Любопытные слуги столпились вокруг.

Он сказал им: «Сейчас мы стоим на пороге.
Наконец-то открылось начало дороги.

Чтобы с Промытой соединиться,
Мы навеки должны с этим домом проститься.
Больше мы никогда, никогда не придем
В этот дом!»

ХОЗЯИН ЛЕСА

Древнее дерево, в старости ты
Юности вдруг обретаешь черты.
Вечно какая-то тайная власть
Дряхлости повелевает упасть.
Вижу в твоём каждодневном обличье
Жизни нетленной красу и величье.
Словно морскую извечную гладь,
Утренний луч не устанет ласкать
Зелень твою в непрерывной игре.
Путники тихо идут по жаре,
Тень твою может на миг им помочь —
Молча уходят усталые в ночь.
Путь их окончился, их не вернуть.
В новых побегах — недвижимый твой путь.
В новых цветах, расцветающих в срок.
Сменой недвижимостей — жизни поток
Дали безмерной дарует любовь.
Ты повторяешь теперь вновь и вновь,
Словно лесной обитатель — аскет,

Гимны из вед.

Павшей на землю листвою
Долг возвращаешь ты свой,
Данный землею на время.
Смерти бесценное бремя
Смерти себя отдает —
Радостен листьев полет.

Новый побег в этот миг
К свету победно приник,
К солнцу в небесном просторе.
В свете, не знаящем горя —
Первое слово созданья,
Взявшее от мирозданья
Вечно струящийся дар —
Пляски бессмертный нектар.

СУМЕРКИ

На нижнем этаже, с утра и допоздна,
Не разгибая стана,
Хлопочешь ты по дому неустанно.
Ты с множеством людей делами сплетена
Узлом незримых нитей —
И не найти хозяйки домовитей.
Но день скрывается за далью золотой,
Путь уступая ночи.
Во все углы вползают мрака клочья.
Ворона спряталась под свод листвы густой,
Даль огласилась карком.
Река блестит в сиянии неярком.
Опутан ближний лес вечерней темнотой;
И в веянье прохлады
Вливается немолчный звон цикады.

Когда умолкнет мир под покрывалом тьмы,
Твой шаг я слышу —
Ты тихо поднимаешься на крышу...
Не знаю, как тебя зовут, — чужие мы.
Но в этот час безмолвный
Гляжу я на тебя, волненьем полный.
Тебе подругою — далекая звезда.

Все узы расторгая,
Стоишь — уже не ты, совсем другая.
Потом спускаешься ты вниз — и, как всегда,
Свет зажигаешь дома.
И снова все привычно и знакомо.

Р. Тагор на острове Ява
(1927)

ПУТНИК

Ты сидишь на пороге своем,
Весь твой мир — этот маленький дом.
Взгляд души твоей в дали проник, —
Возвратился назад через миг.
Беспредельных пространств глубина
Непонятым звучаньем полна.
Тень тоски на глаза опустилась,
Ты, вздохнув, тихо в дом возвратилась.

По земле моей странствую я,
На небесные глядя края.
С тенью дома встречается путь,
Эта тень проникает мне в грудь.
И в какую бы даль ни уйти,
Зов жилища я слышу в пути.
Дом манит, и безудержна тяга,
Но, вздохнув, не замедлю я шага.

Видя в небе мой вольный полет,
На земле твое сердце взгрустнет.
Ты хотела бы воли такой,
Даже двери коснулась рукой.
Но в крепчайшем сплетении уз
С домом твой неразрывен союз.
И с высот моего небосвода
Вижу в нем красоту и свободу.

ДОЖДЛИВАЯ НОЧЬ

(Песня)

Давно в груди моей печаль хранится,
Ты знаешь, друг, ее не превозмочь.
Испуганная вспышками зарницы,
Трепещет ночь.

То зашумит, то прекратится ливень,
И ветер завывает, заунывен...
Ничто не исцеляет мой недуг, —
Ты знаешь отчего, мой друг.

Мой друг, о мой далекий друг,
Росток, тобой посаженный в аллее,
Слезами ветерок поил, лелея;
И вырос малоти — и распустился вдруг.
Ты знаешь отчего, мой друг.

В моих объятиях рыдает безутешно
Твоя мелодия... И дождь, и мрак кромешный,
И ни души вокруг.
Неужто ты забыл об этой вине?
Она твоей осталась и поныне,
Мой друг, о мой далекий друг.

ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ

Вновь осенние дни на руках принесли
Солнце, бога-младенца, в зеленую хижину нашей земли,
Вновь я молча мечтаю.

Когда в небе над временным миром звенит
песнопение рая
Мелодией флейты-земли, а извечное строит свой дом

На дворе преходящего, — я, упоенный трудом,

В этом слитном, певучем потоке

Для стихов своих черпаю соки,

И в сосудах-словах эти капли звучанья

Уношу я на берег созданья,

Где молчанье и слово

В мире грез растворяются снова.

Небеса и земля, обрета в золотом и зеленом слиянье,
В уголках наших глаз оставляют волшебное очарованье,

И поэтому в радости и огорченье,

Что несет нам ответное прикосновенье

Взгляда тех, кто нам дорог, есть сладкая капелька чуда.

Эту сладкую тайну я вижу повсюду.

Она светится мне

В поле рисовом, в нежной его глубине,

В голубых очертаниях леса вдали, —

Он за полем пустынным, как будто у края земли, —

В шумной радости свежей и нежной листвы.

В юных, первых побегах травы.

Спал полуденный зной.

Парус красно-коричневый вдруг промелькнул над рекой:
Вдоль ее берегов светло-желтых, слегка наклонясь,
Словно молния, чья-то ладья пронеслась.
Чувствую: в этом наклоне все та же загадка таится.
Вот проворная певчая птица,
Черно-белым своим опереньем сверкая в зеленой листве,
Вдруг уносится ввысь, к синеве,
На вершину цветущего дерева словно влечет ее что-то...
Ту же тайну я чувствую в этой внезапности взлета.

И в глазах моих, что любовались тобой,
О любимая, в жизни земной —
Не одно лишь твое отраженье:
Тот, кто сердцу вселенной любезен, зажег в них
свеченье,
И зрачки моих глаз красоту, словно камень волшебный,
таят —
Ею создан мой взгляд!
В моем знанье, незнанье, стремлении глубже взглянуть,
В беспокойстве и жажде — живет твоя суть.
Добиваясь слиянья земли и небесного света,
Столько раз обращался к тебе я, творенья поэта
Я тебе посвящал и дарил,
Я творил,
Чтобы стали творенья подарком красе этой милой земли,
В чьей священной пыли,
Осеняемой ласкою райского благословенья,
Свила сердце гнездо себе в уединенье.

ОДИНОЧЕСТВО

Одинокий, бредешь, ничему не рад,
По дороге бросаешь искоса взгляд
На весеннюю рощу, на тех, двоих:

Этот мир — для них.

Весь мир вокруг — как живой упрек

В том, что ты — одинок,

И даже роща шумит листвою:

Уйди, чужой!

Едва коснется ветвей ветерок,

Как осыпает цветы ашок,

Он ни минуты не отдохнет,

Цветы рассыпая, все ткет и ткет

Для танца ковер цветной —

Не для тебя, чужой!

Стихи и песни весны

Для радости рождены.

Из века в век на земле весна,

Как сладостный дар нужна.

В подарке Камалы для всех людей

Не будет доли твоей!

В мире, где бьет через край красота,

Сердце твое сосет пустота.

Ты одинок, и тебе всегда

Идти, не зная куда!

Идешь — и гнетет пустота души,

Идешь — и ветер поет: «Спеши!» —

Звенит в стороне любой:

Уйди, чужой!

Но помни, путник, есть у людей

Беды, страшной твоей!

Помни: двоим, одиноким вдвоем,

Было б легче на месте твоём.

Как ты, они с горем наедине,

Но одиноки вдвоем — и вдвойне,

Полна, как водой, слезами двоих

Дырявая лодка юности их.

Твоему одиночеству нет препон,

Свободен души твоей небосклон,

И место найдется там

Вобравшим лучи и росу облакам,

Что, словно мечтаний прекрасный и призрачный ряд,

Плывут, беззаботные, к морю, туда, где закат.

Взгляни: двое — рядом, и все равно

Жить порознь им суждено.

Меж ними навеки разрыв, разлука,

И бесконечна мука...

Ведь небо и лес, и весенняя ветка —

Все это для них, словно клетка

С захлопнутой дверцей. Все давит, теснит,

Ничто безграничностью не удивит.

Две жизни свои, словно в пригоршню, двое сложить

захотели —

И мир, что дарован двоим, убегает меж пальцами

в щели.

В МЕСЯЦЕ АШШИН

Небо сегодня так ясно и сине.

Утро, как чампак в цвету, золотисто.

В этом, быть может, последнем ашшине

Сердце овеяно радостью чистой.

В ветре трепещутся, плещутся листья.

Грустно вздыхает цветок облетелый.

В роще жасминовой — все голосистей —

Птицы поют, отвлекая от дела.

В пору такую осеннюю в сказке

Юный царевич уходит из дома.

Он отправляется, чуждый опаски,

В путь неизведанный, в путь незнакомый.

Передо мною мелькают виденья

Мира, где небыль мешается с былью.

Дали бескрайние светом и тенью

Полный смятенья мой дух затопили.

И говорю я: «О друг мой желанный!

В путь отправляюсь, печалью объятый.

Переплыву я моря-океаны,

Клад отыщу в стороне тридевятой».

Тихо весна, отодвинув засовы,

В двери вошла — и ушла неприметно.

Пусто в жилище моем — и на зовы

Лишь откликается бокул приветно.

С ясного неба, сияньем одеты,
Мысли нисходят — лазурной тропюю.
«Друг мой, навеки потерянный, где ты?
Час наступил — я иду за тобою».

П Р О Б У Ж Д Е Н И Е

Когда тело мое, тяжелея, наполнится сном,
То проснется сознание в мире ином.
Мир всего, что не спит, остается вовне —
Он ничто. Он растаял во мне.
А во сне заполняют ничто, пустоту
Грезы, небыль, — но я ведь их правдой сочту!
Когда рухнет все то, что построено сном,
Я проснусь снова в мире ином,
И скажу: только здесь моя правда живет,
Сновидения яркость в ничто уплывет...

И я думаю: если мгновенные сны,
Грезы-майя, и правда — в одно сплетены,
И, ударами смерти разбуженный вдруг,
Рухнет мир, что сегодня я вижу вокруг,
И зажжется во всем новый смысл, новый свет,
То сознание правдою это сочтет или нет?
И возникнет ли чувство, и будет ли вспомнить дано:
Эту новую правду душа моя знала давно?

Из книги
«ЧАША ЛИСТЬЕВ»
(«Потропуг»)

1936

* * *

В беспорядочной толкотне
Печалей и радостей жизни,
В памяти вдруг возникает кратчайший,
В себе самом завершённый миг, —
Словно средь гальки дороги горной
Нежданно найденный драгоценный алмаз.
Много раз я думал его нанизать
На нить ожерелья Сарасвати,
Но колебался:
Где взять красноречья?
Боялся: страсть к воплощению в слове
Не оскорбит ли границ простоты?

В те годы я жил в Дарджилинге,
В переулке укромном, от главной улицы книзу.
Соседи-друзья размечтались
— Ночь провести в горах, на Шинчоле.

Не надеялись мы на безлюдный двор
Саньяси, властителя гор, —
Много приятных вещей
Нагрузили на плечи носильщикам, —
Захватили эсрадж, свертки со всякою снедью.
Были мы юноши, кипела веселость ключом.
Один сел на пони — нескладный был человек,
Все ожидали, что с ним приключится смешное.
По всей дороге извилистой
Изливался наш звонкий смех.
Нашей гурьбе и гульбе
В пору заполнить хоромы скалистых вершин, —
Мы ли не вправе вовлечь их в молодость нашу?
Вот и конец подъему.
Завечерело.
Думали: смех не смолкнет,
Шум без запрета, словно вино забродившее,
Вспенит ночь.

Взошли на вершину. Вольное небо.
Солнце скатилось за оком.
В пространной долине
Нескольких рек серебрилась сеть.
На дворе, где играет божественный мальчик,
Разбился сосуд с золотым напитком небесным,
И оньянела земля.

Юноши вдруг умолкли,
Оцепенели.
Рядом лежит замеревший эсрадж,
Земля — безмолвна, беззвучна,
Замерла и она, ждет...

Увы, я не сын тех времен, когда сочинялись
мантры,
Когда, нисходя и всходя,
Звучали напевы божественных гимнов.
Я оглянулся. О миг незабвенный!
В лицо мне сияла луна, —
Свет, как смех неожиданный друга,

Свет, как сложенный тут же
Загадочный стих

Певца при дворе небожителей...

Что ни день, музыкант прикасается к вине,

Но лишь раз, когда он один,

На струнах ее золотых и серебряных

Родится мелодия,

Какой не слыхивал мир...

В тот день возникшая музыка

Канула с тем же днем вечерующим

В беспредельную тишину:

Музыкант, должно быть, разбил свою вину.

В тот день, при звуках неведомой музыки,

Я почувствовал: существую!

Я мог произнести:

Жизнь — прекрасна!

* * *

Время настало, прими поклоненье мое, Земля,
В день мой последний, в мой час закатный.
Сильная ты и достойные сильных,
Нежна и сурова,
Мужское и женское смешались в тебе.

Вседневно, всечасно жизнь человека в борьбе.
Правой рукой в сосуд наливаешь небесную влагу,
Левой — дробишь сосуд.
На поприще игр бытия ты хохочешь насмешливо,
Обрекаешь на тяжкую жизнь достойного славы,
Дорого платит герой за свои вожделенья.

Ты безжалостна к жаждущим жалости.
В дереве каждом — ежеминутная битва
Ради плода.
На суше борьба и в водах борьба, и нет снисхожденья,
Но с губ у смерти слетает жизни победный клич.

Цивилизации триумфальную арку
Воздвигло твое бессердечье,
За ошибку платя разрушеньем.

Поначалу была необорна первобытная сила, —
Мрачное, злое, тупое чудовище,
С неискусными пальцами, грубыми.

Под ударами палицы горы и воды смешались,
Небо окутывал бред тумана и пламени,
Жизнью без жизни правила сила слепая
И ненавидела жизнь.

В веке, пришедшем на смену, явилось в мир божество.
Мантру произнесло — и смирилось чудовище.
Была обессилена силы незрячей гордыня.
Повивальная бабка жизни
Зеленый ковер расстелила.

Над восточной вершиной встала заря
С сосудом мира на темени.
А на побережья заката
Вечер сошел с сосудом покоя на темени.
В цепях затихло чудовище,
Но вцепился в твое бытие тот дикарь первобытный —
И строй нестройностью стал.
Из недр твоих черных ползет он, кольца свивая,
И поныше в крови у тебя змеинного бешенства яд.
Хоть в небе, в воздухе, в рощах звучит от зорь и до зорь
Та священная мантра, —
Из преисподних твоих то и дело вытягивается
Змеинная голова,
И вот ты бьешь, язвишь своих же детей,
Разрушаешь тобой сотворенное.
Приношу твоему престолу, созданию добра и зла,
Красоте твоей величавой и страшной
Приветствие жизни моей израненной.
Чувствую всем существом, как в недрах твоих трепещет
Жизни величие, величие смерти.
За тысячи тысяч лет
Сколько в прахе ее — живших, истленных, забвенных!
Стану скоро я пригоршней праха —
Предел и награда всех радостей, всех скорбей!
В безмолвствующей пыли
Исчезнет имя, и тело, и все, чем я жил на земле.

О Земля! Неподвижная крепость, устремленная в облака!
Земля созерцаний, с безмолвием горных хребтов,
С безбрежностью шумной океанов лазоревых!

Прекрасна щедрость твоя, ужасна скудость твоя.

Вот в роскошестве свежем рис колосится,
И раннее солнце, как полотенцем, стирает со знаков
Капли росы.

Заходит солнце — и морем колосьев, не говоря, говорит:
О вечер счастливый!

А там — от ужаса бледная пустыня, сушь, зной,
Коней и верблюдов остовы и призрачный танец миража.

Помню бурю в бойшакхе — сокол чернокрылатый
Захватил оком, пронзенный молнии клювом.
Львом со вздыбленной гривой небо взревело —
И в прах повергнут гигант зеленый
Взмахом его хвоста.

Дом разрушен. Сорвана кровля, и мчится,
Словно разбойник, порвавший цепь.

Но весной, едва лишь теплом повеет твой южный ветер,
Чуть внятный слышал я шепот любви и нежной разлуки
В благоухании зацветающих манго.
За край выливалась пена амриты,
Переполнив чашу луны.

Прикосновенья навязчивой бури истощили терпенье леса,
И трепет его — раскатом радости стал.

Суровая-нежная, старая-юная,
Зажглась ты когда-то от пламени первотворенья.
Тот алтарь позабыт, то утро в беспамятство кануло.
На дорогах паломничества ты разбросала
Годов и деяний мелкие иверни.
Не пожалела плоды раскидать
Своего же творения
По ступеням забвения, без начала и без конца.

Нянчишь нас и растишь
В клеточках тесных твоего расчлененного времени,
А в них — пределы всех игр твоих,
И подвигов всех итог.
Я уже не во власти очарованья.

За то, что денно и ночью вязи цветов сплетал,
На пороге твоём не стану молить о бессмертье.

В тысячах тысяч круговращений

Вечно мигают очи твои,

И если в миге малейшем великого Мига

Постиг я возвышенность блага,

И ежели я, исходив дороги страдания,

Мгновенья достиг плодотворного,

Каплей глины багряной лоб мой отметь.

Исчезнет знак

Той ночью, когда в неизвестном все знаки сольются.

О чуждая чувства!

Пока я тобой позабыт не всецело,

Головою склоняюсь

К холодным твоим стопам.

* * *

Давно влачишь ты, плоть моя,
Груз гнева, злобы и забот ненужных,
Всех вожелений прах,
Личиной истины лик истины скрывая,
Свое подобие творишь из глины смерти,
Но, знаки смерти в ней приметив,
Тоскуешь горько.

Играет плоть, в игре забыться хочет
И не зовет игру — игрой
И ревностно готовит дар для Смерти.

Средь накипи похвал и осуждений
Кружится, плача и смеясь.
Взвивается из груди столп ракеты,
Но с неба сыплется зола, —
Плоть день за днем навалы пепла копит.

Поўтру мир — в божественном обличье,
Оно еще свежо и чисто,
Как в первый день творенья.
И, утру вслед, я суть свою ищу.
Запутанное в сеть годов, часов, мгновений,
Я от сознания отделяю тело, —
Пусть отойдет туда, где копошатся
Раздутые бессонницею мысли,
Все, что писалось и хранилось втуне.

Все это — зовы, чей утрачен смысл,
Чему нет больше отклика...
Мне вспоминается молитва
Отшельника-поэта, слово к солнцу.
Он говорил: «О солнце!
Ты скрыло истину в сосуде золотом, —
Сними же крышку!»

И я вседневно с пробуждением утра,
В лучах восхода растворяясь,
Взываю: «Солнце!
Плоть отжени мою, сними покров, —
Ведь эту плоть из искорок мельчайших
Твой создал свет.
Таится в ней твоя благая сущность, —
О, пусть ее увидит взор мой чистый!»

Души моей глубиннейшая правда
С землей, еще бесформенною, купно
Поглощены тобою были, —
Твоей великой правдой.
В недвижимом центре твоего сиянья
В какие-то мгновенья человек
Суть постигал величья своего:
Среди песков, где Нил могучий льется,
На берегах Персидского залива,
На склонах Гималайского хребта.
И человек сказал: да, мы — сыны бессмертья,
Мы увидали, как из тьмы возник
Великий человек в обличье солнца.

* * *

Я вечером сидел у переправы.
Последнюю ступеньку
Скрывала потемневшая вода
И мне бесшумно заливала ноги.
О сколько же осталось позади
Объедков от стола минувшей жизни!
Как часто я к блаженству рвался тщетно!
Бывало, есть и деньги на руках,
Да не открыт базар.
А то пристанешь с лодкою груженой, —
А час уж прѣбил,
Торговцы и народ, все разошлись.
Кукушка вешняя не вовремя запела.
Я брал ситару, струны я настраивал,
Рождалась песня.
А та, кому я пел, прическу завершала
И желтым сари облекала грудь...
День гас.
Звучал напев усталостью печальной,
Сменялся сумрак ржавчиною ночи,
И песня, как светильник малый
На детском плотике, тонула в чьем-то сердце.
То был лишь вздох глубокий.
Но вспыхнуть огонек не мог...

Теперь — не сожалею.
Черна разлуки жадная пещера,
Но из нее и день и ночь струится
Тоскующей мелодии ручей,
Играет радуга с фатою танцевальной,
Рожденная при солнце дня:
В потоке тьмы журчащей
Ночная песнь свой обретает ритм.
Из скудного полудня моего
Звонит мелодия бенгальского саренга.
Жизнь, полную лишений, я теперь
Не назову напрасной. Беды жизни —
Все в жертвенном сосуде Смерти;
Дары ее — на алтаре времен.

Себя всечасно ищет
На жизненных дорогах человек.
В моей душе поющий поселился,
Но жертвующий жизнью не жил в ней.

Что видел я? — лишь образ одинокий
Своей души, неаявственную тень,
Тишайшую, как озеро подгорное,
В него с ветвей прибрежных упадают
Последние весенние цветы.
Кораблики пускают дети в озеро,
Подходят девушки
Налить кувшины звонкой влагой.
Порой дождей громада темноты
В нем обретает трепетного друга.
В бойшакхе буря бьет крылом
По глади вод, по берегам недвижным.
Ей кажется, — то водопад безумный
Здесь, укрощенный, лег немою гладью
У ног горы, о буйстве позабыв.
Нет, озеро мое границ не преступало,
К неведомому меж камней не мчалось.
Его не ждало за извивом каждым
Безвестное, и громового рева
Не издавало скованное слово,
Ввысь не рвалось из глубины.

Нет, жизнь моя — не жизнь героя.
Нет сил во мне, чтоб из оков у смерти
Живое вырвать.
Я слаб и хил, я уношу из жизни
Стыд нерасцветшего цветка.

Там, за пределом ужасов и терний,
Познания богиня ждет во мраке.
До неба вознеслась тюрьма земная,
Надменной чернокаменной вершиной
Путь преградила солнцу.
За веком век багрила кровь восстаний
Израненные руки — алый след
Поныне на воротах тюремных.
Сокровища Вершителя судеб
Дух зла укрыл в своей твердыне.
Но клич гремит Вождя небесных воинств:
Приди, о Сокрушитель смерти!..
Рог протрубил, —
Но воин страстный не проснулся
В моем покое и застое.

Не разорвал я вражьего кольца,
Не встал я рядом с воинством бессмертных,
Во сне лишь слушал барабанный бой,
Лишь издали на бой идущих поступь
С биеньем сердца моего сливалась.

Сияние того, чья мощь пылает,
Кострами всесожженья,
В моей унылой сути потускнела,
И мне осталось лишь поклон отвесить
Живущему в душе у человека
Герою, что страну богов
Здесь создает ценою смерти
И лучезарностью страданий.

* * *

О девушка!

То время было давно, и оно
Тоже новым временем было,
И волновал его ветер весны.

Я — человек тех лет —

К вам, в ваше новое время,
Пришел по стертой, чуть видной дороге,
Путь мне указывало благоуханье лесов.

Можешь — другом меня назови.

Что я могу? — лишь песню свою принести,

Песню свиданий полночных,
Которую пел я в далекой бессонной юности.

Услышишь — поймешь: и минувшее ново;

Полюбишь этот напев,

В нем узнаешь себя

На побережье Прошедшего,

Где еще не была ты — собою.

Это — напев тех дней,

Переливы свирельные той весны отлетевшей.

Прими мою песню на ресницы глаз полусомкнутых,

В свой вздох глубокий прими.

Пусть песня провет в ветре новой твоей весны

Запахом нежным цветов опадающих.

Давняя горечь в груди твоей

Отзвук найдет беспричинный.

Ты постигнешь: в те дни, еще не живя, ты жила,
Незрима за занавесом
На сцене извечных смен.
О вечная!

Моя свирель говорит тебе:
Угаснешь, — но в песне моей
Тебе обеспечена жизнь.

Под именем новым былое свое узнаю.
О девушка!

Можешь — другом меня назови,
Другом из века другого.

* * *

Неприкасаемые... Не дозволено им и молиться, —
Священнослужитель у дверей — таких не допустит
В дом божества.

Бога ищет везде и повсюду находит их светлая,
Простодушная вера:
За оградами сел,
В звездах небесных,
В лесу, на цветущей прогалине,
В глубокой печали

Встреч и разлук, всех любимых и любящих...

Не для отверженных общенье с божественным,
Установленное, обусловленное,

В четырех стенах, за наглухо замкнутой дверью.

Не раз бывал я свидетелем

Молений их одиноких

При восходящем солнце,

Над водами Падмы, готовой размыть не колеблясь

Древние камни святилища.

Видел: с виной бредут они, вослед за своим напевом,

Ищут братьев по духу на пустынных путях.

Я — поэт, я — их касты.

Я — отверженный, мантры — не для меня.

Тому, что несу божеству моему,

Вход запрещен в его тюрьму.

Вот вышел из храма служитель бога,
Ухмыляется мне:
«Бога увидел?»
А я в ответ: «Нет...»
Удивляется: «Или не знаешь дороги?»
«Нет...»
«И ни к какой не причастен касте?»
«Нет...»

Годы прошли.
И вот размышляю:
«В кого же я верую?
Молюсь — кому?..»

В того, быть может, чье имя
Слышал в сторонних устах,
Вычитывал в книгах священных,
Разноязычных и разноплеменных?
Оправдать свой выбор упорствовал
Святыми молитвами, —

Но жизнью не смог оправдать.

Я — отверженный, я мантр не шепчу.
Мантра моя от замкнутой двери святилища
К земному ушла окоему,
За любые ограды,
К звездам небесным,
В лес, к цветущим прогалинам,
По терниям скорбной дороги
Встреч и разлук, всех любимых и любящих.

Был я ребенком, когда впервые
Затрепетала грудь

Мантрой земли в ее первом цветенье,
Мантрой, полною света.

В саду

Взорам явилась моим кокосовых пальм бахрома,
Когда я сидел одиноко

На стене развалившейся, мхом приодетой.

Излилась, горяча, из предвечного жизни ключа
Света струя, крови моей

Даровала биенье божественной тайны,
Чуть внятная шевельнулась память
О сроках, отошедших в неведомое.

То было мерцание существа моего, еще не обретшего
плоти,
Растворенного в жаре прадревнего солнца.
На осеннее жнивье любуюсь,
В круговращении собственной крови
Я улавливал света бесшумную поступь, —
Задолго до дня воплощения
Следовал он за мной.

Изумленно ширилась мысль в беспредельном потоке,
Сознавая,
Что ныне в свете творенья,
В том самом свете я пробужден,
Где лет и веков миллиарды
Дремала мне предстоящая жизнь.

Каждодневно моление само собой завершалось
В радости бодрствования моего.
Я — отверженный, мантр не шепчу,
Не знаю, к кому несется, куда
Молитва моя, от святых обрядов отрекшаяся.

Ребенком я жил без друзей.
Одинокие дни мои
Устремлялись взорами вдаль.
В семье распорядка строгого не было.
Ни присмотра за мной, ни заботы.
Обыденная жизнь текла, не зная запретов.
Крепкой оградой обнесены соседей дома,
Ладно построены, кишат людьми,
А я поглядывал издали,
Как всякий народ дорогой торной бредет.
Я — отрешенный, к касте я не
причастен.

Они же законы блюдут, для них я — не человек.
Привольно мне было играть на всех перекрестках, —
А те обходили ребенка,
Краем одежды лицо прикрывали,
Для своего божества наилучшие брали цветы,
Согласно с законом,
Моему божеству оставляя
Лишь те — иные, простые,
Что солнцем одним лишь признаны,

Я отвержен людьми.
Но жажду я — человека,
Того, в чьей прихожей
Нет стражей, нет стен.

Вне скопищ людских моему одиночеству
Обрел я попутчиков.

Они внесли в величайший век
Свет, меч, мысль.

Подвижники, страха не знающие, одолевающие смерть.
Эти — свои, каста моя — их каста, мой род — их род.

Их чистотой дух мой предвечный очищен.

Стезя их — правды стезя, их моления — свету,
Бессмертье — их достояние.

Замкнутый в круг, утратил я человека,
Снова обрел, круг разорвав.

Я — ладонь к ладони — сказал:

«О ты, человек человеков, вечности чадо!
Избавь нас от гордости

В круге замкнувшихся, с кастовым знаком на лбу.
О человек! Я тебя увидал на другом берегу
С берега мрака.

Я — благословенный,

Отверженный я, непричастный к кастам».

И явилась в лесную пустыню мою
Женщина — сладостный образ самой любви!

Песню мою одарила напевом,

Ритмом — танец,

Упоила амритой грезу.

Хмельна и вольна, хлынула в сердце волна, —
Затоплен паводком голос души,
Уста опемели.

А женщина из-под сени древесной
Наблюдала смущенное, удрученное
Мое лицо.

Приблизилась быстро, рядом со мною присела,

В обе ладони руки мои заключила, сказала:

«Не знаешь, кто я, не знаю, кто ты.

Дивно:

Как по сей день мы друг друга не знали?»

Я ответил: «Построим же мост
Меж двоими, друг друга не знающими!
То воля сердца вселенной».

Я полюбил.

Два потока любви заструились:
Один опоясал любимую нежностью, —

Так омывает деревню

Мелководная, всем знакомая с детства

Текущая тихо река, —

Спокойные воды

В берегах невысоких

Моей повседневной любви.

В засушливую пору мелела,

Становясь говорливой, когда наступали дожди.

Порой в волнах колыхала она

Образ женщины самой обычной,

Тускнеющей под покрывалом забот и сует.

А порой бывала насмешлива

И обидеть могла.

Теченье другое моей любви

Вело к океану.

Там, из глубин морских,

Величавая выплыла женщина,

Воплощенье моих созерцаний,

Которым нет предела,

По край наполнила душу мою и слово мое;

Затешила в недрах моего одиночества

Вечной разлуки светильник.

Я созерцал сияющий лик Красоты

В паводке вешних цветов,

В листве древесной трепещущей,

Струящейся искрами света,

Внимал рокотанью ее ситары,

Любовался пляскою света и тени

На сцене годичных смен,

В смене их покрывал разноцветных.

Я видел ее, где слагается летопись мира,

Рядом с творцом, по левую руку его.

Видел, как смрадным прикосновением

Красоту оскорбляет измененность зверя,

Струился тогда
У Рудрани из третьего ока
Огонь разрушительный,
Испепеляя приют потаенный зла.
В песне моей, что ни день, накоплялась
Первая тайна творения — света от света,
И последняя тайна творения — бессмертье любви.
Я — отверженный, я мантр не шепчу.
Ныне моление вне стен храмовых
Завершено.
Оно зародилось в мире богов,
Ныне отдано — миру людей,
Душе, сияющей в высях небесных,
Брату по духу — в радости духа.

* * *

В тот древний, иступленный век,
Когда творец хулил свое творенье
И созданное рушил,
В тот день, когда утратил он терпенье,
Своею дланью грозный Океан
Тебя отторг, о Африка, от груди
Земли восточной.
Густого леса бдительная стража
Твою темницу стерегла.
Ты на досуге одиноком
Копила тайны чаш непроходимых,
Читала письма воды, земли и неба, —
И волшебство природы
В душе незрячей мантру пробудило.
Ты, заслонив лицо уродливой личиной,
Над ужасом смеялась,
И, страх стремясь преодолеть,
Ожесточала дух величественным бредом,
Обрядом-пляской разрушенья
Под барабанный гром.

Тенистая! За черным покрывалом
Не видел человеческого лица
Презренья мутный взор.
С колодками, с цепями ворвались
Ловцы людей, чьи когти крепче волчьих,

Чье низкое высокомерье глуше
Твоих для солнца недоступных джунглей.
В наряде городском белесый варвар,
Как зверь, бесстыдно алчность обнажил.
Плыл по тропам лесным беззвучный голос горя,
Пыль впитывала кровь твою и слезы.
Навеки мерзкой грязи комья
Из-под сапог бандитских — оскорбленьем
Запечатлели летопись твою.

А за морем, в их городах и селах,
Воскресный звон колоколов
Предвечному добру гудел хваленья,
Младенцы прыгали в руках у матерей,
И славили поэты Красоту.

Сейчас, когда в закатном небе
За горло схвачен бурей вечер тихий,
И из пещер повылезло зверье,
Конец всему предвозвещая воем,
Явись, поэт, на рубеже веков
И, подойдя к порогу оскорбленной,
Скажи: «Прости!»
Пусть этим чистым словом разрешится
Твой, варвар, бред!

* * *

Забил барабан. Война!
Их шеи нагнулись, кровью глаза налились,
Зубы скрежещут.
Строй за строем
Идут принести на трапезу мертвого пира
Свежего мяса людского.
Сперва в храм доброго Будды вошли:
«Благослови, Всеблагой!»
Захлебнулась ревом труба,
Земля содрогнулась.
Куренья затеплились, колокола зазвонили,
Воздымились к небу молитвы...
Всесострадающий!
Исполни просьбу молящих:
Жаждут они вопль пробудить, раздирающий душу и небо,
Под кровлями тихими узы любви разорвать,
Взвить свои флаги над тленом разгромленных сел,
В прах обратить чертоги науки,
В шебень — храм Красоты.
Вот и взыскуют благословенья доброго Будды!
Захлебнулась ревом труба,
Земля содрогнулась...
Подсчитают, сколько поляжет убитых,
Сколько тел живых изуродуют.

Каждую тысячу павших будут приветствовать
 Барабанною дробью,
 Хохотать — о чудовища злобы! —
Над кровавыми клочьями младенцев и матерей.
Просят, чтоб слух человеческий принял
 Молитву их лживую,
Чтоб могли отравить они ядом
 Дыхание мира.
 Вот зачем они ждут
Благословения доброго, щедрого Будды.
 Захлебнулась ревом труба,
 Земля содрогнулась.

Но я тебя не кликну.
Моя душа распалась на частицы,
Как дым тумана в глубине безлунной,
Как облако, расплывшееся в небе,
После дождей.

Моя любовь —
Она, как насыпь в поле,
Опавшая, оползшая. И пахарь
Давно ее забросил и ушел.
А вечно равнодушная природа
Ее в свои владения включила,
И насыпь, незаметно для себя,
Покрылась первозданною травой,
И обросла побегами деревьев,
И с ближним лесом ветками сплелась.
Моя любовь — она сейчас похожа
На утреннюю бледную звезду,
Что растворяет в светлости рассвета
Погасшее сияние свое.

Нет у моей души границ сегодня.
Возможно, ты меня не так поймешь.
Все вехи сняты, все отметки стертые.
Собрать меня, вернуть былую цельность?
Ты уз таких на свете не найдешь,

ВЕЧНЫЙ ПУТНИК

Они, столпившись, вышли из сумрачного прошлого.
Они, в труде и поиске,
Шли через главный вход
Далеких предвремен.
Ворота эти выглядели
Как буква непонятная
Из азбуки забытого
Праязыка.

Они — дорогой воинво шагающие путники.
Ко дню ненаступившему — их вечный путь.
Война не прекращается.
Бьет вечность в барабан.
От топота эпох
Планета содрогается,
Грудь чаще дышит в полночь,
В душе — одно бесстрашие,
Становятся ничтожными сокровища и почести,
И вожделенной — смерть.
Те самые, в чьих жилах кипел порыв неистовый,
Что вышли без оглядки и пролагали путь —
Они, борясь со смертью, идут и в наши дни.
А те, что оставались, держась за свои хижины,
Они — живые трупы, безмолвны их селения
В песках немого моря на мертвом берегу.

Кто ж будет среди призраков
На этом смрадном кладбище
Дом возводить себе?
Кто все невзгоды вытерпит
И там навек останется жить до заката глаз?

В еще пещерном прошлом досталось человеку
На перекрестке встать
Среди дорог земли.
Его дорожный скарб был в нем самом, в мечтаниях,
В самой дороге был его дорожный скарб.
Но только на песке рисунок дома вычертил
И здание сложил из прочных кирпичей,
И поднял крышу вверх —
На следующий день
Надежная стена уже зияла дырами.
Плотину он сложил —
Ее снесла вода.
Он напролет всю ночь свое добро подсчитывал,
К утру подвел итог — он разорен вконец.
На семи рынках он приобретал имущество —
Добро пожрал пожар.
Желание иметь
В своем жару обуглилось.
Его обряд, уклад, законы, клетка, цепи
Погребены на кладбище
Исчезнувшей поры.
Однажды он дремал, в своем жилище запертый,
На мягком тюфяке, светильник погасив.
Вдруг, в темноте, с кустов,
Как кровожадный зверь,
Виденье безобразное
На человека прыгнуло,
Вцепилось в грудь его и начало душить.
Со стоном он вскочил,
На горле когти чувствуя.
Разбил сосуд с вином и в ярости неистовой
Гирлянду из цветов на ключья изорвал.

И снова, и опять, по чашам непроторенным,
По скользким топям крови, опережая век,

С бесчисленными ямами, в пространство
бездорожное,

В просторы стран неизвестных

Он движется вперед.

И барабанят в сердце

Слова — вперед толкающие:

«С борьбой — иди вперед,

С борьбой — иди вперед!»

О вечный путник! Временной

Не обольщайся славой,

Не льсти себя надеждой прийти к концу забот.

О сын того, кто бросил

Свой ненадежный дом!

На том пути, где мчится

Вдаль колесница времени —

Ликующие, пьяные победой победители —

Не раз опять лежали, разбитые, в пыли,

В сем мире, разрушающем творения людей.

Он, человек, отправился к пределам завоеванным

Воздвигнуть стены власти

В черте чужих границ —

И что же? Из времен

Неисчислимой давности

Опять, как прежде, вышли отряды разрушителей

Оград и стен, ломая

Границы и гранит, —

Через отроги горные.

И барабанит вечность:

«С борьбой — иди вперед,

С борьбой — иди вперед!»

ЦВЕТОК ТАМАРИНДА

Нет, я немного накопил сокровищ
За эту жизнь.
Они мне редко доставались.
Потерь я больше ведал, чем находок.
С протянутой рукою не стоял.
А в этом самом мире —
Оно цвело, сокровище, подобно
Красавице, простушке деревенской,
Закрыв лицо, презрев к себе презренье, —
Спокойный тамариновый цветок.

Земля бедна, и дерево не в силах
Подняться в полный рост.
Его одетые листвою ветви
К земле приникли. Можно ли подумать,
Что к старости приблизилось оно?
Вблизи расцвел лимон. Нарядно рядом
Осыпан чампак множеством цветов.
Канчон цветет в углу. И посвященный
Цветам благоуханным курчи
Сарасвати обет свой соблюдает.
Мне ясен их язык. Не раз для разговора
Я позван ими был.
А только что мой слух
Почувствовал неясный шепот, слышный
Из-под опущенного покрывала. Вижу —

Из хижинки, на ветке тамаринда,
Глядит нераспустившийся цветок,
И нежно светится,
И нежно пахнет,
И выются письма по лепесткам.

Уже давно живет при нашем доме
Старинный тамаринд, знакомый с детства.
Как божество стоит он, как хранитель
Северо-западного края неба.
Он — как слуга, прижившийся в семье.
Он сверстник прадедов,
Свидетель многих
Рождений и поминок в этом доме,
Ученый брахман нашего семейства.
Кто им владел в прошедших поколениях?
Пожалуй, было больше
Имен опавших, чем опавших листьев.
О многих — память
Такая ж тень, как тень под тамариндом.
Здесь, у его корней, была конюшня,
Где стук копыт тревожил помещенье
Под черепичной крышей.
Но век езды на лошадях давно уж
С покрикиванием конюхов остался
На берегу былого, вдалеке.
Умолкло ржание.
Картины века
Уже сверкают красками иными,
А борода, расчесанная гордо
Сардаром-гучером, с его походкой важной,
Со всею пышной роскошью тех дней,
Навеки удалилась за кулисы,
Где декораций свалено старье.

В лучистом солнце, утром, к десяти
Ждала коляска здесь, у тамаринда,
И отправлялась в школу каждый день
С бессильной неохотой мальчугана,
Сквозь уличную шумную толпу.

И мальчуган теперь уже не тот —
Лицом, душой и положеньем в мире.
А тамаринд все тот же. Он молчит,
В себя ушедший, в самосозерцанье,
Не поводя и бровью на людей
С их вечно переменчивой судьбою.

Мне вспомнился один из дней.
Шел дождь
От сумерек всю ночь, не затихая.
А утром — мутно,
Как в глазах безумца.
Ослепшая, без цели, бьется буря
Огромной птицей в клетке мирозданья
Крылами о невидимые прутья.
Вся улица заполнена водою.
Двор затопило.
Стоя на веранде,
Я вижу — с гневом смотрит в небо
Верхушка тамаринда, как отшельник,
Руками веток небо обличая.
Молчат дома, они остолбенели,
У них нет речи, чтоб ответить словом
На злодеяния небес.
И только
В движеньях листьев тамаринда было
Разгневанное восклицанье, было
Проклятье дерзкое — среди оцепеневших
Кирпичных стен, он представлял один
На кругозоре, бледном от дождя,
Великий лес.

Сменялись весны веснами иными —
В почете были бокул и ашок.
Казалось мне, что тамаринд — привратник
Наружных врат весны — царя времен.
И кто бы мог в то время догадаться,
Что под корою грубой великана
Таится нежность красоты?
Все помнят,

Как он надменен в пышном тронном зале
Дворца весны.
В его цветах сегодня мне представлен
Гандхарва Читраратха — колесничий,
Что Арджуну, сражаясь, победил.
Теперь один, вполголоса и втайне,
Поет он песню в райских кущах Индры.
О, если б я, поэт, тогда — подросток,
Постигнуть мог в какое-то мгновенье,
Как этот старец молодостью пьян, —
Я, может быть,
Однажды, юным утром,
Встревоженным жужжаньем пчелы,
Сорвал бы грозди нежные цветов
И пальцами дрожащими подвесил.
На радостно зардевшееся ухо,
Ты знаешь — чье.
И если б ты «Как звать цветок?» — спросила,
Я бы ответил:
«Теплый отблеск солища
Сейчас упал тебе на подбородок.
Найди ему какое-нибудь имя —
Я назову тем именем цветок».

СОН НЕ ВОВРЕМЯ

Незванно, неожиданно,
Так просто, шутки ради я
Хозяйку молодую решил застать врасплах
В ее домашних хлопотах,
Край сари своего
Заткнувшую за пояс.

Переступил порог
И вижу — разметавшийся на половицах комнаты
Не вовремя
Ее застигший сон.

На улице окраинной справляют свадьбу в доме,
Звучат санай, саренг.
Минула стража первая —
А тут в изнеможении
От жжения жары,
Сложив ладони под щекой,
Наутро после праздника уснула хлопотунья
У краешка своих незавершенных дел.

Застыл поток забот, безволен и без воли.
Усталость ее тела
Подобна водной кромке во время летней засухи
У берега реки.

Полузакрытый рот
Похож на сладкий отдых уснувшего цветка.
На бледный лоб упала
Тень дремлющих ресниц.

Проходит мир на цыпочках
Шаг в шаг — с ее дыханьем
Перед ее окном.
На уголке стола
Часы немолчно тикают.
В беззвучной тихой комнате
На стенке чуть колыхнется от ветра календарь.
Идущие мгновения
Остановились перед ее застывшей мыслью.
В мгновенье немигающее мгновения слились.
Оно крылом прикрыло
Ее глубокий сон.

И прелесть расprostертого беспомощного тела
Напомнила луну во время полнолуния,
Ленивую, усталую, не спавшую всю ночь
И на рассвете
Приникшую к земле.

Вдруг кошка ей напомнила о блюде с молоком,
Над ухом замяукав.
Ты вздрогнула, проснулась,
Обиженно вздохнула: «Почему же ты
Меня не разбудил?»
Но я не мог как следует ответить — почему?
И тут же мне подумалось:
Я сам не знаю полностью
И тех, кого давно так близко знаю я.
Когда слова смолкают,
Когда в душе не движется дыханье бытия,
Что возникает в недрах
Невысказанной тайны?
Что означает эта
Неясная печаль?
Что за вопрос без слов,
С ответом, убегающим
И прячущимся в кровь?

Что за разлука странная
Вне яви, вне событий?
Что за шаги во сне,
Под флейты зов неведомый,
Незнаемым путем?
Под чистым небом сна перед безмолвной тайною
Ее я молча спрашивал:
«Кто ты?
В каком же мире полностью познаю я тебя?»

Напротив дома этого
Таблицу умножения твердили громко школьники.
Арба с тюками джута
Терзала скрипом воздух.
Соседи приколачивали
К стропилам дома кровлю.
В саду, перед окном,
Под деревом чалота
Над манговой косточкой
Возилася ворона.
Теперь на это падают
Волшебные лучи далекого и прошлого,
Затерянного в жизни
Сияющего полдня
С его истомой сонной,
И освещают чувство
Испытанного чуда:
Увиденный — не вовремя
Ее постигший сон.

ФЛЕЙТИСТ

«О флейтист!
Поиграй на флейте своей,
Дай услышать мне новое имя мое!»
Так тебе я писала в первом письме.
Помнишь ли ты?

Я твоей Бенгалии дочь.
Неудобно было Творцу
Завершить человека во мне,
Привести свое дело к концу.
Нет гармонии между тем, что вне,
И тем, что во мне,
Между прошлым и нынешним днем,
Между мыслью и чувством моим,
Между силой моей и мечтой.
Лодки не дал Творец, чтоб направить меня
В новый век,
И оставил меня на песке,
На другом берегу.
Лишь оттуда мне виден в ярких лучах
Дальний мир, затуманенный мир;
Беспричинно волнуясь, страдает душа,
Я руками тянусь к нему,
Но в ладонях — одна пустота.

Так безрадостно время течет,
Я сижу, я люблюсь приливной волной,
Где к свободному берегу лодка спешит,
Где проходит богатый корабль,
Где текущего времени тени и свет.
И тогда твоя флейта вступает. Она
Песней жизни звучит.
В жилы мертвого дня
Возвращается снова биенье души.

Что за песню играешь ты?
Мне не понять —
В чьей душе — что за чувство рождает она?
Но мне кажется:
Это на радостный лад
Ветра южного песня тобой рождена.
Песню слушаю, слушаю — и вот какой
Начинаю казаться себе:

Под горою небыстрая речка текла.
В ночь срабона, в месяц дождей
Туча ливня сгустилась над ней.
Просыпаешься утром — берег размыт,
И ворочает глыбы на каменном дне,
И толкает их яростный водоворот.
Твоя песня несет в мою кровь
Наводнения, огня, урагана призыв,
В ребра мертвого моря
Гремящий призыв,
В дверь бесстрастья стучащийся ветра призыв.
Так вторгается с криком
Разбойный поток
В ложе русла пустынного.
Вот-вот умчит!
И воронками кружится в теле моем
Стоишь чащобы лесной,
Сокрушаемой вихрем ветра грозы.

Крыльев мне от Творца не досталось.
Но ты
Своей песней помог сумасшедшей мечте
В небо взмыть и нестись в облаках грозных.

Я спокойной и занятой в доме кажусь.
Говорят: «Хорошо».
Видят — сил не хватает желаньям моим.
Страсть страшится ответа. И если ко лбу
Моему прикасается ветра порыв —
Голова моя падает в пыль.
Я страшусь оттолкнуть от себя
Непреклонный запрет.
Не умею я сильно любить.
Плакать только умею.
Меня
Научили к ногам припадать.

Но, когда
Приближаешь ты флейту к губам —
Тянет песня меня в пескончаемый мир,
Где сияет, туман разорвав,
Солнце юное — жизнь моя.
Там с достоинством, с гордою верой в себя,
Подымаю я голову высоко.
Там, пылание крыльев свободно раскрыв,
Сбросив цепи запретов, желанье мое
Мчится ввысь, в неизвестность,
Куда захочу,
Словно мучимый голодом Гаруда, — вдаль!
И, очнувшись от сна, бунтовщица встает
На трусливых людишек с двойною душой,
Что дрожащей толпой окружают ее,
Презирающим взглядом косится она.

О флейтист!
Может, ты захотел бы увидеть меня?
Где — не знаю.
Не знаю — когда.
Как меня распознаешь в толпе?
Знай, в пустынную летнюю ночь,
Оглашенную звоном цикад, —
В жаркий месяц ашарх,
Невидимкой, к тебе
Я не раз приходила по тайной тропе.

И не раз, по весне
Незнакомке на плечи набрасывал ты
Свой цветущий венок из звучаний.
И знай —
Не увянут цветы.
Твой услышав призыв,
Как-то раз —
Не познавшая жизни в домашней тюрьме,
Осмелевшая девочка вышла к тебе
Покрывало откинувшей женщиной.
Ты —
Удивился ей сам, будто спели тебе
Стих Вальмики, по-новому, как никогда.
И с подмостков поющих она не сойдет,
Будет слать тебе письма,
Сама
Оставаясь в звучащей тени, чтобы ты,
Где стоит ее дом, никогда не узнал.

О флейтист! От тебя до нее
Расстоянье звучания флейты твоей.

ШАМОЛИ

О Шамоли!
В срабон, в дождливый месяц,
Твой подведенный черным взор подобен
Раздумью на ресницах молчаливой
Бенгальской девушки.

Твоя земля сегодня
Стихи травы слагает
Зеленой речью
В ответ на дождевую речь небес.
Твой лес оделся в облака листвы,
Взывают к облакам деревья, руки подняв:
«О, вы,
Взнуздавшие восточный ветер,
Помедлите, о, вы!»

Под придорожным деревом твое жилище,
О Шамоли,
Кочевница, отвергнутая всеми.
Разрушив свой шалаш, ты в беззаботный путь
Выходишь налегке, мгновенно обеднев.
Влюбленного в тебя
Не связываешь ты — пола с полою брачной.
И, выходя из спальни первой ночи,
Он даже не оглянется на дверь.

Я хижину для нас слепил из глины,
С надеждой быть с тобой наедине
За слабой, ненадежною оградой.
В то утро пели птицы.
Они не строят клеток.
Гнездо — что вить, что покидать — легко им.
Весною — здесь, порой дождей — в лесу.

Недавно, на рассвете вместе с ветром
Захлопали в ладоши листья леса.
Сегодня — пляска,
Завтра — в пыль листвою.
Они на то не жалуются даже.
Они — глашатаи в весеннем царстве.
Сегодня — трудятся, а завтра — прочь!

Все эти дни шел разговор с тобою
Лицом к лицу.
С глазу на глаз сегодня ты сказала:
«Пора! Бросай жилье и уходи!»
А я не создал прочных стен.
Я — камнем
Не выложил своей мольбы у входа.
На зыбкой почве хижину поставил,
На оползне, размытом половодьем,
Ее совсем разрушит вскоре месяц
Дождей — срабон.
И я уйду.
День расставания меня не ранит,
И будет петь, хвостом качая, птица дронго
Над хижиной разрушенной моей.
О Шамоли! Одну и ту же песню
Выводит твоя флейта,
Что в первый, что в последний день.

И з к н и г и

«**КОНЕЧНОЕ**»

(«Прантик»)

1937

* * *

Темнотою сокрыт поглотившей сияние мира,
Вошел стопою неслышимой смерти посланец,
Оцетом мук он омыл окоем бытия, —
Под грузом дремы тяжелой творил очищение.
И вдруг на земле, на сцене Вершителя танцев
Занавес взвился, и света перст указующий
Коснулся громадности мрака, трепет лучей
Молнией дрогнул на глыбах глубокого сна
И дрему разрушил. Неудержимым потоком
По омелевшему, зном спаленному руслу
Пляска разлива на грудь иссохшую хлынула.
Словно ручьи, по глубинным артериям тьмы
Заструилось сияние. Свет с темнотою смешались
И в небе души сочетались в неясном борении.
Но утихала борьба. Былое беспамятство,
Стен тюремных глухое кольцо, туман отошедшего —

Сгнуло все. Улыбнулось привольное утро,
И в просветлении новая жизнь родилась.
Тело мое, со всеми завалами прошлого,
Заслонявшее горной громадой своей гордыни
Грядущее дальнее, служа лишь близкому дню, —
Вижу — облаком легким над окоемом истаяло.
Себя я обрел: телесных не чувствую пут,
По духовному небу чрез Млечный Путь переправился
И там растворился паломником к вечному свету.

* * *

Следом бредешь, неудачливый спутник мой, прошлое.
Сонмы теней с пепелища бесплодных желаний
Вечно со мною, и тянут, и тянут назад.
Темным напевом звучит ситара твоя полувнятная,
Словно жужжанье пчелы одинокой в лесу,
Где облетели цветы. Вперед, на дорогу,
Тенью ложишься, подобно горе на закате
В свете неясвенно-желтом зари беспредельной.
Грез тенета порви, освободи мою душу,
Ты, у Смерти укравший алмазы страдания
И снов несбывшихся радуги. Ныне верши их
Смерти. В осеннем безоблачном небе, смотрящем
Вдаль, прозвучала свирель — это вечный скиталец
К дому идет палатке, — за ним я последую.

* * *

Просто в простое вернуться — вот подлинная свобода.
Не в отречение она, не в мучительстве, не в изнуренье
Духа. Из пустоты своей мир созерцать и видеть
Призраки — это ль не знак непочтения

к Лакшми-вселенной?

Вот стоит предо мной совершенный образ свободы:
В свете прозрачном осеннего утра — стройное дерево
Ввысь простерло свои, познания жадные, ветви
И трепетанием легкой листвы прикоснулось к Незримому.
А в сердцевине древесной великая радость таится,
Радость, разлитая в мире земном и во всех мирах,
В небе разветренная и по цветам, готовым расцвести,
Излетающая из гортаней птиц голосистых.
Желтой трухой под дерном тлеет одежда саньяси
В перегное огромном, где всяческий мусор и хлам.
Растворились в жужжанье пчелином молитвы и мантры.
Ныне познано мною иное подвижничество,
Бурлящее соками жизни, протягивающее в небе
И на земле благодатный сосуд, всечастно берущее,
Всечасно дающее, — им преисполнилось сердце мое.
Тело, ум и душа — растворились в безмолвье полей,
Где и тень, и трава, и прохлада, где жвачку неторопливо
В лени беспечной коровы жуют. Покой их, довольство
Ныне восторгом трепещут в глубине моего существа.

Доносят лучи послание неба к пестреющим крыльям
Бабочек, на ухо шепчут цветам благовонным шефали.
Сегодня в крови у меня от нежного их прикасання
Волненье неведомое по каждой жилке струится. О мир!
Хоть раз еще надо мною ты сжался в час мой закатный,
Нищим я да не буду, отверженным не покидай меня,
Жизни моей до края налеи прощальную чашу.
Так, принося последнюю жертву вечернюю, полнит
Облака сложенные ладони щедрый закат
Богатством несметным тысяч и тысяч своих лучей
Пред тем, как мир известить о разбойном нашествии
мрака.

* * *

Один за другим погасают на сцене огни.
Зала — как сон, чьи видения стерлись;
Пусто, темно. Знак подала тишина
Строгим перстом. Спокойна душа; и наряд мой,
Перед началом спектакля казавшийся сутью
Образа, в зале пустом бессмысленным стал.
Красками, блестками, всяческой мишурою
Приукрашал я себя, толпе угождая.
Сразу стерлись они — и меня поразила
Вся полнота невидимой сути моей.
Так очертанья земли при skonчании дня
Смутно сливаются в час погребенья заката,
И открывается небо, прозрачное небо
В звездном сиянье, собою самим изумленное.

* * *

Птице пора улетать. Роща уже не поет.
Скоро с ветвей и гнездо ветра порыв стряхнет.
Скоро завянет цветок и опадет лепесток.
Скоро и я улечу на рассвете в путь без дорог,
На побережье другое закатного моря. Немало
Эта земля благодушно, как гостя, меня принимала.
Благоуханием манго манил меня щедрый фальгун,
Ждал нерасцветший ашок моих услаждающих струн.
Песни земле я дарил, любви струился в них сок.
Бури бойшакха порой взвивали горячий песок...
Крылья тогда поникали... Но я благодарен земному.
Скоро — скиталец усталый — причалю к притину иному
Там обернусь и отвещу глубокий поклон уважения
Богу, который мое предрешил земное рождение.

* * *

В тот день, когда из недр исчезновежья
Мое сознание вырвалось, я бурей
Был поражен, очнулся в дымном пекле
У кратера вулкана. Ревом, свистом
Он оскорблял несчастный род людской.
Гром, жар и смрад... Самоубийство века!
Век прокаженный! Пьяный бред бесстыдства,
А рядом скряга-робость прижимает
Скарб осторожности к иссохшей груди.
Вдруг заревет — и тут же тихим визгом
Уже спешит покорность изъяснить.
Хозяева могучих государств
По кабинетам издают приказы
Сквозь зубы, нехотя. А птицы зла
Слетаются с побережий Вайтарани,
Железных крыльев рев терзает небо.
Упиться кровью жаждут. О судья,
Кому престолом вечность, дай мне сил,
Чтоб молниями слов сразить я смог
Женоубийц, детоубийц — и пусть
Навек мое проклятье бьется в пульсе
Самих себя стыдящихся преданий,
Когда наш век, ничтожный пленник страха,
Испустит дух, задохшись под золою
От своего же смертного костра.

* * *

**Змеи ползут отовсюду, в дыханье змеином — яд.
Сладкие речи о мире насмешкой глупой звучат.**

И я, пока еще живу,

Всех, всех зову

На борьбу с сатанинским злом.

Вооружится пусть каждый дом.

И з к н и г и
«ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ»
(«Шенджуги»)

1938

БЕССМЕРТНОЕ

Я к небу не стремлюсь в мечтании пустом, —
Здесь, на земле, мой настоящий дом,
Где ветер южный, набежав,
Читает мантры над раздольем трав.
Под небом пламенным, топча траву густую,
Я вместе с Шивой танцую.
А бокула цветы поют, благоухая.
В размахе птичьих крыл — к полету страсть слепая,
Волн колыхание по жилам пронеслось, —
И это страсти вихрь, летящий в царство грез.
Душа покинула уже свой тесный дворик,
Что был хорош, и плох, и сладостен, и горек.
Ей надо вдаль идти
По зову флейты, сокращающей пути.
Жизнь через собственный предел перелилась, —
Я с миром обрываю связь,

Осталась только чувства беспредельность,
Сиянье вечности, любовь, единство, цельность,
Осталось то, о чем лишь в песнях говорят,

Что выражает вешний аромат,
О чем напевы прозвучали
В настороженной дали.

То тело, что в себе всех зорь вместило свет,
И возлюбило все, чего на свете нет,

И воплощается единый,
В ком совершенства все, и тайны, и глубины,
Кто, смерть преодолев, со мною будет вновь —
Как свет и музыка, как радость и любовь.

ВЕЧНО ДВИЖУЩИЙСЯ

Движенья вечного неудержимый челн
Не даст замедлить бег планетам.
О Ганга, и твоих теченье волн
И день, и ночь в стремленье этом.
Движенье вечное вселенной
Игрою кажется великой, вдохновенной.
Грядущим и былым благословенно
Движенье жизни мировой.
И волн проносятся стремительные тени.
Суровый этот мир — лишь отраженье,
Единого потока два теченья —
Стремительность, покой...

Был прежде молод мир, — играя и шутя,
Возник поток из молодости вечной
И продолжает, как дитя,
И день, и ночь играть беспечно.
Порой с пути сбивается, играя,
Его движенью нет законов, меры, края,
И зря стена сторожевая
Воздвигнута на вольных берегах.
Чтобы свободно плыть и веселиться,
Он вырвется из каменной десницы,
И городов угрюмые темницы
Потонут в дымных облаках.

В движенье бурное — амриты благодать, —
Покой и тишина струятся.
Вот жребий мира, — вечно исчезать
И все-таки собою оставаться.
Кто стены здесь воздвиг? Холодные сердца
Не поняли мечты причудливой Творца.
Вся вечность вольная, которой нет конца —
Лишь ярмарка бесчисленных столетий.
Врата побед, — что может быть прочней?
Но все они падут под тяжестью своей,
Чтоб новые века обломками камней
Могли играть, как маленькие дети.

Мой вольный дух, страшись цепей,
Оставь сомнений путь бесплодный, —
В просторах мира на ладье своей
Плыви беспечно и свободно.
Пусть пронеслось блаженства волшебство —
Все забывай, не помни ничего.
Грядущего ты знать не должен своего —
Так радостней, так лучше...
Все обрывай, — любую нить,
Чтоб новым кровью воспламенить,
И слушай тот напев, что призван замесить
Уже умолкшее созвучье.
Не требуй большего, не жди иных щедрот, —
Они приносят только горе.
Бери немного, что жизнь тебе дает,
И тут же оставляй, не споря.
Узнай же: даже вечность — и она
Движением своим опьянена.
Плывет земля и неба глубина
Сквозь ясный день и ночью черной.
Зачем тебе вступить в неравный бой?
Уже никто призыв не слышит твой.
Плыви, как все, дорогой вековой —
Движенью общему покорный.

ПАМЯТЬ

Когда душа моя от тела отлетит, —
Пусть шаловых лесов уединенье
Друзья, которыми не буду позабыт,
Однажды посетят порой весенней.

Там птицы на ветвях нашли приют
Под кровом свежей тени,
Они не помнят обо мне, свистят, поют, —
И что для них мое исчезновенье?
Пусть кто-то в лес пришел, пускай уйдет,
Мгновений пролетают вереницы, —
Бесследна жизнь — и всё не в счет...
И времени не замечают птицы.

Их ветер тот принес, что старше всех начал,
Веков, творений,

Он и меня в лесу бродить призвал
И ритм его — в моем сердцебиенье.
И я, от доли удалясь почетной,
Блуждал задумчиво, не ведая путей,
И все, что в мире мимолетно,
С мечтою встретилось моей.

Как облака, в неведомые дали
Летели мысли. Знойный небосвод
Мечтал о красоте, и краски воплощали
Все мимолетное, что навсегда уйдет.

И то, что создал я тогда, мечтой томим, —
Я не отметил именем моим.

Писал, зачеркивал... Мой труд велик иль

мал —

Я не оценивал. И ветер все умчал.

В том дне затерян я, — безвестною тропею,
Что не хранит следов, придете в мой предел.
Уже уходит день, но мира красотою
Корзин своих никто наполнить не успел.

Порою вечности я слышал зовы

И шел на зов, но уходил назад.

Так дети, наигравшись, снова
Домой спешат.

Я ничего не спрячу, не присвою —
Ни бед, ни радостей не унесу с собою.

Мир для меня на миг простер

Из вешних лепестков ковер.

Встречаются друзья, но их живая речь,
Как дым, развеется — ее нельзя сберечь.

Людей, которые толпе не по нутру, —

Не встретишь никогда на праздничном пиру.

Меня вы помните, — я был самым собою,

С немой природой чувствовал родство,

Я не замечен был толпою,

Я должником не сделал никого,

И не был сам в долгу. Для памяти моей

Не надо ни торжеств, ни сборищ, ни речей, —

И только в шаловом лесу, в уединенье —

Пусть вспомнят обо мне порой весенней.

БХАГИРАТХИ

О Ганга, донеслось к стопам твоим когда-то
Рыданье Бхагиратха.
Он гор перевозмогал нагроможденья,
Чтобы свершилось чудо возрожденья.
Он смерти узников принес тебе призыв:
«Спаси, из праха воскресив!»
Сказал: «Ты жизнь хранишь в себе живую,
И край одежд твоих коричневых целую.
Пустыням травы дай — пусть все цветет в природе,
Плодами одари бесплодь!»
Лианам дай цветы,
И землю исцели от вечной немоты».
Ты — образ бытия, о Ганга, Джахну дочь,
Дремоту отгоняя прочь,
Потоки волн твоих перевозмогли
Извечное беспамятство земли.
И в мира хмурый двор уже ворвалось пенье,
Страхнул прибрежный лес оцепененье,
Возникли города, где ревностно хранят
Даров земли бесценный клад.

От страха смерти гибнет человек.
О если б этот страх он, как змею, рассек,
О если б перевозмог!..

И созерцает он, как вечный твой поток
Амритою струится в наш предел
С волос бессмертного, что смерть преодолел.
На берегу твоих священных вод
Спасенья смертный ждет.

Страх этот призрачный скорей сотри и смой, --
Ту смерти черноту, что вымышлена мной,
Чтобы спокойный смерти лик
Под песнь отплытия торжественно возник
На дальнем берегу грядущего рожденья.
Да будет путнику твое прикосновенье,
Как благодать святых щедрот.
И пусть он в новый путь лишь новое берет.
И пусть в последний миг в безвестном океане --
Он слышит песнь твою про вечное свиданье,

ДВИЖУЩИЕСЯ КАРТИНЫ

Деревню дальнюю не различить в тумане:
Неясны контуры, неведомо название.
В пыли бреду я стороной, и на мгновенье
Потоки образов улавливает зренья.

Вот у дороги торг в разгаре,
Вот в разноцветном сари
С кувшином девушка идет не торопясь,
Вот женщина, не отрывая глаз,
Сквозь двери, приоткрытые немного,
Глядит на пыльную дорогу.
А под смоковницей, вечернею порой,
Селяне карточной увлечены игрой.
Взглянул — и вдаль спешу, и вновь заволокло
Туманом неизвестное село.

Здесь неизменно в свой черед
И встанет солнце и зайдет.
Во всем — в заботах дня многообразных,
В полночных сновидениях бессвязных,
В домах и на лугу, в извилинах дорог,
Ведущих к берегу, и в отпечатках ног,
И в пенье первых птиц, в рассветах, зорях, чашах,
В вечернем сумраке, в светильниках горящих, —
Скорбей и радостей во всем отлив, прибой,
Незримый иногда и видимый порой.

О если б слово им! Как ярко бы пылали
На небе огненные, грозные скрижали!
О если б скорбь души, безмерность тайных мук —
Бессилье немоты преодолела вдруг!

Из всех сердец, что плачут и скорбят,
Вдруг хлынул бы гремящий водопад,
И к морю рвался бы, ревя, танцуя, воя,
В объятьях вечности, все унося с собою.
Рыданье с хохотом слилось бы и смешалось,
И путник бы смотрел на этот хаос,
Как ныне, может быть, глядят
На Ниагарский водопад.

Война в Испании! О кто посмел?
Братоубийство! Ливень страшных стрел!
Домчалась злая весть до всех широт и стран,
Повсюду проносясь, как ураган...
Как Вишну огневая колесница,
Она дорогой солнца мчится.
Но есть иные, — нет, — не львиный рев
В звучанье их печальных голосов.
Есть миллионы белых и цветных, —
Сегодня помнят ли о них?

Тех жизнью океан мятежен и суров,
Но потонул и он в бездонности веков.
И, даже пребывая в самой гуще
Стихии этой вездесущей,
Ее волнений мы не ощущаем.
Скрывает занавес тяжел, непроницаем,
Великую трагедию земли.
Сердца свой огонек неяркий сберегли,
Но при убогом, немощном мерцанье
Невидим образ мирозданья.

За гранями земли увидел взор ученых,
Как пламя бурное зачатий раскаленных
Лобзает на поверхности миров
Пространства бесконечного покров.
Но боли жертвенный огонь томит глубины
Души всеобщей и единой, —
При свете солнца и впотьмах,
В любой стране, во всех домах.

Вращается и свет его, и пламя
Вкруг центра вечного, не видимого нами.
Он безмятежен, недвижим
Для взоров, что следят за ним,
Как недвижим для них и звезд далеких свет,
И вихрь безудержный планет.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

О скольких взоров сеть опутала меня!
О как убийственна приветствий трескотня!
 Побыть хотя бы день один
С людьми, которые не помнят годовщин,
 Чья дружба тихая легка,
 Как трепет лепестка.

Толпа — темница для меня. Все дни подряд
 Постылой славы кандалы звенят.
Любой по-своему меня разрисовал,
 На площадной я поднят пьедестал.
Зеваки пальцами указывать готовы, —
Укрыться некуда: все сорваны покровы.

Скорей туда, где нежен свет,
Тенисты заросли, где слов ненужных нет,
Где, тесноты оград не зная окаянной,
Для игр младенца двор простерся первозданный.

Когда моя ладья, при щебетанье птиц,
Достигла в первый раз невидимых границ —
 Свобода золотом лучей
 Коснулась наготы моей,
Как паруса касалась и весла
И ветви той, что только зацвела.

То был свободы пир в час утра легкий, ранний,
И расцвели цветы, которым нет названий,
А ветви бокула вдруг жертвенно зажглись,
И крыльев золото весна простерла ввысь.

И я познал себя, и пели о свободе

Потоки праздничных мелодий.

Когда скорблю теперь о дне, пропавшем где-то, —
Вдруг восплаляется прозрачный полдень лета.
Сегодня и листву, и трав ковер косматый —
Пометил яркий луч той незабвенной датой.

Я слышу Падмы зов, я вижу мир вокруг —
Свет утренней звезды, трепещущий бамбук.

Дохнуло ветром влажным и мятежным —

И тени туч скользят по зарослям прибрежным.

А девушка тропинкой вдалеке,
Звеня кувшинами, спускается к реке.

Поля горчичные и синий лен

Двухцветной музыкой ласкают небосклон.

Я вижу мир в огне заката,

И я люблю его торжественно и свято.

Моя любовь меня переживет.

Пусть подвиги мои — мираж, пускай не в счет,

И пусть забыт навеки буду —

Любви моей пылать всегда, повсюду.

О СЕБЕ

Однажды к причалу
Ладью мою ветром весенним примчало,
И голос окликнул меня молодой:
«А кто ты такой?
Далеко ль плывешь или нет?»
«Кто знает!» — сказал я в ответ.

Вдруг волны вскипели и лодку мою закачали,
И песню запел я о юности, скорби, печали.
Услышав, как песню пою,
Какие-то девушки, юноши в лодку мою
Бросали цветок за цветком:
«Мы друга в тебе узнаем!»
О ласка души человечьей!
О первые встречи!

Потом успокоился бурный прилив,
И волны уснули, застыв.
Кукушка запела устало, —
Быть может, о дне отлетевшем она вспоминала...
Уже по течению вниз
Цветы золотистые вдаль унеслись,
Качаясь па волнах реки,
Как будто клочки,
Обрывки ненужных уже приглашений
На пиршество ночи весенней.

С могучим отливом не споря,
Уносится лодка в безбрежное море.

И новое время, и юность иная

Спросили меня, окликаая:

«Кто это по зеркалу вод

Стремительно к звездам вечерним плывет?»

И снова, ударив по струнам,

Пою незнакомым и юным:

«Что имя мое? Только звук.

Я просто ваш друг».

Бессильны названья и речи...

Последние встречи!

ПАРУСНАЯ ЛОДКА

На лодке плыву по течению, раскрыв паруса.

Дома и деревья, поселки, леса,

Прибрежные травы —

Мелькают и слева и справа.

За пристанью пристань проносится, — не удержать ничего.

Магический сон, колдовство...

Купается кто-то, — но всё, как мираж...

Внезапно возникнув, уже исчезает пейзаж.

Как будто несет меня вечности челн, и на свете

Я вижу все ту же игру, из столетья в столетье.

Мгновенная встреча, завязка, разрыв...

Запомнить хотел, но утратил, уже позабыв.

Явилось — исчезло. Едва получил — и отдам.

И, боль подавляя, все к новым плыву берегам.

Беру, чтоб терять, ничего не храня, —

Но эти утраты тревожат меня.

И радость, и горечь — как жизнь бесконечно щедра!

И как по душе мне волшебная эта игра!

Приподнял — и снова отбросил:

Так жизни ладью разгоняют ударами весел,

Но быстро сгущается ночь, и недвижно весло,

Паломников мрака в кромешную даль унесло.

И лодку уносит, а море безбрежно, бездонно, —

В него погружаясь, созвездье горит Ориона.

Из книги
«НЕБЕСНЫЙ СВЕТИЛЬНИК»

(«Акаш продип»)

1939

НЕВЕСТА

Я вспоминаю: бабушка не раз
Мне напевала древний сказ.
«Под тенью манго, — пелось в той былине, —
Невеста едет в паланкине.
Браслеты на ногах, на шее ожерелье,
В глазах — веселье».

С тех пор старинный сказ в душе моей живет, —
Он возвестил мне женщины приход,
Любви полубезумное начало,
И сердце мальчика сильнее застучало...
Когда природа в сумерки одета,
Когда сливаются в боренье тьмы и света
И явь, и вымысел, и ночь, и день,
Мне женщины видна таинственная тень.

«Невеста едет», — песнь звенит, и сердце бьется,
А в сердце кровь, как путь невесты, вьется,
В конце пути — томление свирели,
Стремление к какой-то смутной цели.
Отбросив здравый смысл и с вымыслом дружа,
То замирая, то дрожа,
Не молкнет сердце, слившись воедино
С носильщиками паланкина:
Путь долог, и нельзя им отдохнуть,
И никогда не кончится их путь.

Так время шло, и о невесте
Повсюду слышались мне вести:
То красноватая листва ашока
О ней мне шелестела издалика,
То в месяце срабон шумел мне дождь о ней,
То пел о ней, блуждая много дней,
Усталый путник, жаждущий участия, —
Звенели на ногах ее запястья
На рубеже мечты, и так была нежна
Та музыка, и я вставал от сна.
Я видел в полуяви, в полусказке
Восход: полоски краски
У женщины прекрасной на ногах,
Ко мне спешившей в красных облаках.
Она ко мне из вымысла взывала,
Мне ласковые имена давала.
Я вздрагивал. Она иль не она?
Однажды вся душа была потрясена:
В одно волшебное мгновенье
Я чье-то ощутил прикосновенье.
Спросил я, — и слова затрепетали:
«Скажи мне, ты не та ли,
Которая сюда, где жизнь шумна, светла,
Из мрака вымысла пришла?»
«Я ею послана, — услышал я ответ, —
Она осталась там, где видимого нет,
Она к тебе стремится постоянно.
И там, где в глубине полночного тумана
Далеких звезд сверкают письмена, —
Там рядом ваши имена.

В былые времена, что позабыты ныне,
Отправилась к тебе невеста в паланкине.
Она блуждает много лет
Среди планет.
И у нее браслеты на ногах,
А шея в жемчугах».

СМУГЛАЯ

Смугла, — и смуглоты не видел я нежнее.
Кораллы у нее на шее.
В глазах, больших и черных, — яркий свет,
Смущенья нет.
На мир глядела, счастья не тая,
Подросток-девочка, ровесница моя.

Прошедшее встает передо мной теперь.
На южной стороне открыта в доме дверь.
Цветет миндаль; его листва густая
Стремится к небу, поутру блистая.
Кайма, по сари белому, кругами
Все тело обхватив, чернеет над ногами.
На руки пухлые надеты
Из золота браслеты.
Она страницей книги мне казалась,
И в тихий полдень книга та читалась.
Порой она звала меня отсюда
В ту область, где создателя причуда
Творила марева, и зыблилась основа
Другого мира, неземного,
И этот мир, невидимый в тумане
На берегу моих мечтаний,
Неясным трепетом дыханья своего
Мое наполнил существо.
Неуловимая была меж нами связь,
Но я робел, заговорить боясь,

А в сердце ныла боль, как музыка земли,
Звнящая вдали, вдали, —
Быть может, где-то там, где расцветал сирус,
Чьи ветви, что над миром вознеслись,
Свой запах льют в тиши
На дно души.

Однажды был я приглашен
На свадьбу куклы. Оглушен
Весельем, резвостью гостей —
Играющих детей, —
Стыдливый мальчик, я стоял в сторонке,
Страдая и смущаясь... Говор звонкий
И смех не молкли до заката дня.
Чем угощали на пиру меня?
Не помню. Помню: в смуте и тревоге
Я вижу только пляшущие ноги
И черную кайму на сари белом,
Кружащуюся вместе с юным телом.
Лучом казался каждый мне браслет:
И мнилось мне: дарил он солнца свет.
И голос нежен был, и на ее устах —
Забота о гостях,
И этот голос в тишине ночной
Звенел в моих ушах, когда я шел домой.

Знакомство наше ближе становилось.
Я девочку, — однажды так случилось, —
Ласкательно по имени назвал.
Свой страх я постепенно забывал.
Мы шутками обмениваться стали.

Порой, вначале,
Придумав, что на мне какая-то вина,
Притворно гневалась она,
И словом резким, но веселым с виду,
Нередко причиняла мне обиду.
Ее несправедливые упреки
Порой бывали так жестоки;
При мне хозяйством занимаюсь,
Меня несколько не стесняясь,
Одета кое-как была подчас.

С высокомерьем женским сколько раз,
Как будто проявляя жалость,
Над глупостью моей мужскою потешалась.
Однажды, завладев рукой моею,
Сказала: «По руке гадать умею».
Решила: «Нрава твоего черты
Понятны мне, — любовью беден ты».
Я ничего ей не сказал в ответ,
Но понял, что слова ее — навет:
Что было мне наградой в то мгновенье?
Ее горячее прикосновенье.
Увы, не суждено, хотя бы близко, рядом,
Друг друга нам постичь касаньем или
взглядом.

До красоты всегда огромно расстоянье,
Хоть близко — чудится — ее сиянье,
И каждый раз утрачиваешь ты
Обманчивую близость красоты.

Уходит день за днем, ушла весна,
Что счастьем и тоской была полна.
Так жизнь прошла. И вот — ашшин. И зреет рис.
Ты слышишь, тихие напевы полились, —
То новый день играет на свирели,
И грез твоих ладья плывет, плывет без цели.

МАНГО

Она проста, она ясна,
Недвижная понятна тишина,
Обнявшая деревья манго,
В холодном месяце огрохайон.
Я только не могу понять деревья манго,
И в час, когда горит закатный небосклон,
На манго я смотрю, чья тайна
Меня влечет необычайно.

Когда дрожит листва,
В стволе, в ветвях рождаются слова.
Мне в каждом слышится листке,
Как дерево на странном языке
Тепла и света просит страстно.
Пусть для меня значение слов неясно,
Я перед манго в трепете стою,
Язык ветвей волнует кровь мою.

Моей души коснулись листья, —
Так истинный художник тонкой кистью
Касается порою полотна, —
И тайна в том намеке рождена.
Для дерева кора — как полог и шатер,
Оно с посланцем неба разговор
Ведет за пологом и по ночам, и днем,
И тайна слышится мне в нем,
Как будто
Заветную мечту подслушал чью-то,

Но для меня слова темны,
Как будто различил из-за стены
Я первой брачной ночи шепот сладкий,
Когда постель в цветах... Пусть близок я к догадке,
Я слов не разберу,
Таинственно смолкающих к утру...
Уже земля известьями полна,
Что близится фальгун, что близится весна,
Что удивленный
Заулыбался мир зеленый,
Что от корней вплоть до ветвей
Деревья расцвели и смотрят веселей,
Что почки не хотят печали и ненастья,
Что им открылась тайна счастья.

ПТИЧЬИ ПИР

Я, на заре проснувшись, вспомнить рад —
К нам птицы шалик прилетят
За рисом жареным всей стаей.
Сижу, за ними наблюдая,
Я в уголке мощеного двора.
Мила мне в свете утра их игра:
С улыбкой первой дня, что окроплен
Росою в месяце огрохайон,
Она так сочетается чудесно.
Все отложив дела, я поднебесных
Гостей встречаю. Ветерка порыв
Прохладного — и, перья распушив,
В коричневато-белом одеянье
Явились беспокойные созданья.

Вот голуби за ними собрались,
Они поспешно склевывают рис,
С особою ухваткой деловую,
Зоб выпятив, кивая головою.
Нет с первыми пришельцами у них
Различья в кастах, словно у иных.
Как равные они спешат сюда —
Позавтракать пришла их черед.
Внезапно — беспричинная тревога...
Шум крыльев — и ни птицы у порога.
Чуть скрылись из виду, и вновь назад
С доверьем беспричинным все летят,
На рис набрасываются дареный.

Последними являются вороны;
Остатки пищи с жадностью клюют.
Отскочат вдруг и снова тут как тут.
Потом, взлетев, на тамаринд садятся
И думают — остаться, не остаться?
Кто знает, где недоброе таится
И где их безопасности граница.
И вот уже былой нарушен лад.
На вещи у ворон особый взгляд.
Сектантский ум угрюмых тех творений
Навязчивых исполнен подозрений.
Гнать прочь ворон я порешил сперва,
Да устыдился — и у них права
На праздник жизни есть. Тут нет различий.
Мне в новом свете пир явился птичий.
Вороньей пляски ритм уж не гнетет.

«Где, — думал я, — источник тайный тот,
Откуда, птиц с собою увлекая,
Струя веселья бьет не умолкая?
В чем суть его, значенье, благодать?
Как мне загадку эту разгадать?»
Движенья насыщающихся птиц
Веселость источают без границ.
Не вдруг возникло празднество пернатых:
Так есть, так будет, было так когда-то.
Как ветерок мелодию простую
Поет, в отверстия свирели дую,
Так изливает времени свирель,
Через прорезы смерти, счастья хмель.
Закон веселья вечен — всюду он
Во всем живущем, сущем воплощен.
Пусть горести и не проходят мимо,
Пусть рвутся звенья — радость нерушима.
Как где-то зародившийся в далеком,
Неистошимым льющийся потоком
В различных воплощеньях прошлых лет,
Различных видов и оттенков свет,
Так в половодье жизнь, прорвав запруду,
Весельем разливается повсюду.

Из века в век, не замедляя ход,
Без усталости поток несется тот.
Извечен праздник радости и света.
Стара, как мирозданье, тайна эта.
И разве, что ни утро, не она
Мне снова раскрывается сполна
В беспечных танцах резвой птичьей стаей?
В их быстром ритме образ обретая,
Вновь радость первозданная меня
Волнует, с окружающим родня.
Но вдруг становится, как по приказу,
Гармония уродством явным сразу,
Ареной боя мирный мой приют.
И коготки и клювы в ход идут.
К моим дверям, изранены, избиты,
Льнут побежденные, ища защиты.
Вокруг я вижу злобы производ,
Насилие — гнуснейшее из зол.
Нарушен праздник. Вижу в добавленье
Тумана безобразное явление.
Клеветает он на ясность зимних дней
И зимних зорь, которых нет ясней.
Мир полон представлением обманным,
Что беспредельность сражена туманом.
Но срок пришел — и все вернулось вспять.
Разорванное связано опять.
И снова птички стайки на заре
У вечности танцуют во дворе.

БАРАБАНЯТ В БАРАБАНЫ У ЗАПРУД

Возле гхата на Бамунмара-пруду,
Под пакуром у деревни на виду,
Там, где сходится с землею небосвод,
У лилово-золотых его ворот,
Прародительница свой ковер цветной,
С необъятный шар земной величиной,
Ровно в полдень из засохших трав плетет.
Звук оттуда, гром неясный, все растет.
Он в ушах воспоминаний преломлен,
В сонных солнечных лучах таится он:
«Барабанят в барабаны у запруд,
За разбойника красотку выдают».

Страшен смысл недоброй песни прошлых лет,
От него остался только бледный след.
Боль мне в сердце не вонзает острое,
Время стерло, обесцветило ее.
По тропе любовной выйдя на разбой,
Дерзкий вор умчал красавицу с собой.
Листьев высушенных преданье то мертвей.
От давным-давно минувших черных дней
Только кратких две строки дошли до нас,
Только пепел слов — костер давно погас.
Сокол ветра налетел на них, и вот
Это мертвое бывшее вновь живет.

Взмах крыла — и он уже ворвался в лаз
Между строками, где мысль оборвалась.
Пляшут в воздухе мелодии клочки,
Всплески песни, что вместила две строки.
Явь туманом застилается, и сон
Будто дымной пеленою затенен.
Току крови вновь гремит созвучно тут:
«Барабанят в барабаны у запруд...»

Сквозь бамбук идет вразвалку старый слон,
Колокольчиков нашейных слышен звон...

Бледный свет зари вечерней льется в грудь,
Прочь уносит он раздумий грустных муть.
Вдруг кольнуло что-то в сердце, в глубине,
Неприятно с той минуты стало мне.
Боль дремоту как рукою с глаз смела.
«Где чернушка та из нашего села,
Что в корзинах приносила часто нам
Зерна жареного риса, фрукты — джам,
Манго сладкие — дешевый все товар?
Добавлял три лишних аны я ей в дар».
Тут послышался слепой старухи крик
(Выжимает масло муж ее — старик).
Внучку их увел какой-то лиходея,
Зло нанес он старикам, всех зол лютей.
Сообщил сейчас мне сторож новость ту:
«Загубил, сказал, разбойник красоту».
Вера в светлое развеяна, как пыль.
Эта сердце раздирающая быль
Заслонила старый сказ минувших лет.
Раскатилось в небесах: «Возмездья нет!»
В римфу с прошлым этот день ложится, лют:
«Барабанят в барабаны у запруд...»

Сквозь бамбук идет вразвалку старый слон.
Колокольчиков нашейных слышен звон.

ЗЕЛЕННЫЕ МАНГО

Три зеленых манго лежали под деревом
Нежным солнечным утром в месяце чойтро.
Руки мои за ними
Не потянулись в нетерпенье.
За чаем я думал:
«Переменился ветер, надувающий парус,
Туманом затянуло пристань на востоке.
Ушли те дни, когда случайно найденные
Три незрелых плода
Были ключом золотым,
Отпирающим потайную комнату счастья.
Нет сейчас того замка и ключ не нужен больше».

Я начну с начала.
Когда в наш дом впервые
Вошла невестка — девочка одних со мною лет,
Душа моя пришла в смятенье,
Как в половодье поставленная на якорь лодка,
Судьбою было щедро преумножено
Положенное мне на каждый день.
Одетые в лохмотья будни
Закончили свое существованье.
Три дня подряд и трижды в день
Играла свадебная музыка —
Дом изменил свой будничныи язык.

Свет зашумел по комнатам,
Заметались огни.
Среди обыденного
Появилось чудо.
Кто это к нам вошел в цветной одежде,
Ступая окрашенными стопами?
Мне новобрачная дала понять,
Что нет цены ей в этом мире.
Она была в тот день единственной и несравненной.
Подобное впервые предстало взору мальчика.
Есть вещи — можно видеть их, постичь нельзя.
Умолкла музыка, но чувство необычного осталось;
Пришлица осталась окруженной
Незримыми лучами изумленья.
Она дружила, ссорилась, играла — лишь с золовкой.
Смущенный, я пытался к ней приблизиться,
Терял покой, когда она забрасывала за плечо край
сари.

Нахмуренные брови говорили ясно,
Что я — не девочка, что я другой породы.
По возрасту она была чуть старше меня, а может,
чуть моложе.

Как бы то ни было, я тоже признавал,
Что мы из разного материала.
Чтоб перекинуть мост знакомства,
Решил я сделать ей подарок.
Однажды этот несчастливец
Взял где-то книжки с пестрыми картинками;
Он думал удивить ее.
Она, смеясь, сказала.

«Что мне с ними делать?»
Подобные трагедии история не сохраняет,
Пренебрегая ими.
От горького стыда
Не знал, куда деваться мальчик.
Где тот судья, кто б ценность этих книжек
Мог по достоинству определить?

Но вскоре стало ясно, что высокосидящей
Достаточно бывает легкой дани, —
Тогда она спускается на землю.

Ей нравятся незрелые плоды,
Приправленные зеленью и перцем.
Открылась маленькая дверь, ведущая к ее благоволению,
И для такого мальчика, как я.

Нам по деревьям лазать воспрещалось.
Чуть ветер налетит, сбегал я в сад
В надежде подобрать плоды
Под деревом запретным.
Они пленяли взгляд мой — красивые и гладкие,
Дар удивительный природы.
Тот жаждущий, кто их, разрезав, ест,
Их прелести не видит.

Однажды, в град, я много их собрал.
Она сказала: «Кто тебя просил?»
Ответил я: «Никто».
Оставив на земле корзину, я ушел.
Случилось — меня ужалила пчела.
«Тогда не надо собирать плоды!» — она сказала.
Я промолчал.

Мы выросли.
Однажды, с какой-то надписью на память,
Опа кольцо мне золотое подарила.
Я уронил его, купаясь в Ганге.
И найти не смог.
И до сих пор, из года в год,
Плоды на землю падают под ветром.
Но нет пути, чтоб отыскать ее.

Из книги

«НОВОРОЖДЕННЫЙ»

(«Нободжаток»)

1940

НОВОРОЖДЕННЫЙ

О пришедший в мир человек,
Тайну пути твоего разгадать
Стремится нынешний век.

Какие вести ты приготовил для бренной земли?
Какую роль тебе отвели

В спектакле жизни? Какое слово
Ты принес Божеству — Человеку
Из мира вечно живого?

Какая новая песня с тобою?
Зачем пристегнул ты колчан героя?

Какие стрелы готовишь ты
Для борьбы против злобы и нищеты?

Быть может, воздвигнув плотину мира,
Ты рекам крови закроешь пути,

И паломники будут за единением
По многим дорогам к тебе идти.

Кто разгадает, — какие тайны грядущее прячет во мгле,
Какого свершения знак горит на твоём челе?
Сегодня, не ведая даже имени,
Мы ищем тебя везде,
А завтра ты выйдешь из-за кулис
Подобный рассветной звезде.
Каждый младенец приходит на землю,
Отблеском вечных надежд озаренный, —
Солнцем свободной зари оказаться
Может всякий новорожденный!

П Р О Б У Ж Д Е Н И Е

Когда с горизонта первого века
Вставало солнце первого дня,
Земля обращалась к лесам и рекам,
О слове моля, немоту кляня.
Сегодня наш мир создается вновь,
Приди же, поэт, — и песнь приготовь.
Когда ты впервые звучанье принес
Рассвету, омытому свежестью рос,
Заря поднималась, сумрак гоня.

По-новому древнюю песнь повтори
В честь пробуждения новой зари,
Той, что, вселенную преобразая,
Идет по томления полной земле
И по чашам, синеющим в утренней мгле,
Всем на земле бесконечно чужая;
Той, что лучом изумленного света
Строки выводит в трепещущем сердце поэта
И встречу с разлукой сливает где-то
В утро тревожащих песен и аромата,
Под праздничным небом, разубранным в пурпур и злато.
Ее пробуждение пением раковин зовет богомольцев во
храм,
Ее волшебная палочка тянется к окутанным тенью лесам,
Она снимает с души земли груз грехов и
проклятий
И раскрывает корзины, полные благодати,

Она пробуждает врагов застоя:
Прекрасное, Радостное, Простое.
Так пробудись же и ты, поэт!

Вместе со всеми сегодняшней встретить рассвет,
Во дворе мироздания среди людей коврик свой расстели
И сделай так, чтобы жизнь твоя
Стала ответом на зов земли.

В И М И Д У К И М У И

Вот ты стоишь на пороге жизни
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью

И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью

И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью
И смотришь в глаза своему счастью

ИСКУПЛЕНИЕ

Вверху, на небе, молний свет,
Внизу просветов нет, —
В земной ночи, что варварски черна, —
Между голодными и сытыми
Война.

Пожар греха она раздула в подземелье
Цивилизации, куда упрятать
Награбленное хищники успели.

И вот землетрясенья рев
Взмыл из огня, круша препоны, —
Подножье арки триумфальной
Крошится, рушатся колонны,
Дворец, богатствами веков обремененный,
Повержен. Из проломов лезут змеи.
Качаются над прахом капюшоны, —
Жильцы расселин, недоступных взглядам,
Исходят злобою и ядом.

Но хоть страданий в мире много,
Не проклинай напрасно бога,
Пусть разрушения безумного рука
Сметет грехи твои, —
Их груда велика.
Нарыв созрел,
Прорваться должен он,

Спасительная боль: пусть, злобен и силен,
Запустит когти в грудь земли
Орел громадный
И жрет, покуда не набьет
Желудок жадный.

Любому, кто слабей других, по праву силы
Хребет ломает людоед и тянет жилы,
Хрящи на яростных зубах
Хрустят, вползает в душу страх;
И кровь, текущая в пыли,

Корою покрывает грудь земли...
Но час настанет, — зло сметут потоки разрушенья,
Тогда возникнет новый мир, исполненный броженья
Стихийных сил.

Смири же страх, пока тебя он не смирил.

Мы слабостей полны,
Их возвращивает лень, —
Пускай испепелит скопленье хлама
Великий разрушенья день.

А там спешит толпа дрожащая во храм...
Как много

Людей словами обольстить желает бога.
Там слабодушным благодать:
Молись, не помышляй о зле, —
И мир восставишь на земле.

Монету медную сукпец жалеет на молитву дать,
Завязок сотня на его куле,
Щедрот его вовек не увидать,

Он целый мир купить готов
Ценой хитросплетенных слов, —

Живет он алчностью
И все же

Мечтает шастрами и мантрами
Купить благоволенье божье.

Но бог не вытерпит позора
Любви своекорыстно лживой,

И, если в нашем мире искры
Начала благостного живы,

Зажжется жертвенное пламя,
Простится каждая вина.
И новый светоч новой жизни,
Ликуя, примет новая страна.

Х И Н Д У С Т А Н

Стон Хиндустана

Слышу я постоянно,

С детства на запад влечет меня тихий зов:

Там судьба нашей Индии пляшет среди погребальных
костров;

Издревле во все времена
Иступленно плясала она.

Издавна в Агре и Дели

Кричали стервятники жадные и ножные браслеты звенели,

Там руки веков воздвигнуть сумели

Из камня, покрытого пеной резьбы,

Дворец до небес — насмешку судьбы.

Там по путям неудач и удач

Летят колесницы встречные вскачь;

И сложный, по пыли петляющий след

Рисует знаки счастья и бед.

Там армии новые, что ни час,

Обрывают неконченный древний рассказ

И переиначивают конец.

Там в каждую хижину, в каждый дворец

Разбойничьи банды заходят впотьмах,

Они порождают горе и страх,

Они меж собой воюют за власть

И пищу у нищих не брезгают красть.

Им от огней драгоценных кампей

Кажутся ночи светлее дней.

Хозяин и раб порадели о том,
Чтоб страна обратилась в игорный дом, —
Сегодня она от края до края —
Одна могила сплошная.

И тот, кто сразил, и тот, кто сражен,
Конец положили бесславию и славе прошедших времен.
У мощи былой переломаны ноги. Прежним мечтам и
виденьям верца,

Лежит в обмелевшей Джамуне она,

И речь ее еле слышна:

«Новые тени сгустились, закат угас,
Это ушедшего века последний час».

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Увы, земля, живут во мраке недр твоих
Слепые страсти, мы не знаем сути их.
 Под краем сари твоего всегда
 То золото, то железная руда,
Но это лишь следы от стоп посланцев Ямы.
 Лишь безделушки для игры,
 Которой тешится упрямый.

Здесь на поверхности спокойно зреет рис,
Мелодии ветров и трав переплелись,
 Цветут в любви и радости поля
 И рай нисходит на тебя, земля.
Цветок и спелый плод лежат в корзине года,
 Твой шарф тенями испестрив,
 Скользит танцовщица-природа.

Но в черной глубине запрятанное зло,
Восстав, тебя, земля, сегодня потрясло;
 И ты, свободу дав насилью,
 Безжалостно смешала с пылью
Наш мир, казавшийся незыблемей Полярной
 Звезды, ты оскорбила жизнь
 Стихийных сил рукой коварной.

Снаружи, может быть, великая гора,
Но завтра рухнет то, что вознеслось вчера.

Ведь слабость, та, что не всегда слаба,
Подрывает основание столба,
И рухнет в некий миг великое свершение
Под смех Крушителя гордынь, —
Растаяв, словно сновиденье.

Земля, из века в век десятки тысяч раз
Ты всем, кому могла, твердила свой рассказ:
Величье и Гордыня тешат взгляд,
Но изнутри их разъедает яд
Всеразрушающей неистребимой страсти:
Твой страшный нынешний пример
Иносказателен отчасти.

Для силы истинной спокойствие — кумир,
Своею добротой она пленяет мир,
Но, к сожаленью, дух ущербных сил
В твоих глубинах коврики расстелил.
Уродливый, слепой, бесчувственный, жестокий,
В себе опоры не найдя,
Он жаждет крови лить потоки,

ЧЕЛОВЕК—ПТИЦА

Выдуман дьявольский аппарат, и вот человек — птица.
Машине покорны земля, вода.
И воздух ей покорится.

Но крылья птиц — это дар богов.
Их яркость, их перьев узор радуют взор
С начала веков;

Они товарищи пестрых паломников-облаков;
Они родня ночи и дня,
Неба и ветерков.

С дыханием ветра связана их игра,
Их песни подчинены звучанию вышины —
Небесного голубого шатра.

Каждый день, едва только свет коснется лесов земли,
Птицы, забыв про сон, поют ему, чтобы он
И они воедино слиться могли.

Под небом бездонным в море покоя, разлившемся без
границ,

Чуть плещутся волны, что издавна полны
Трепетом крыльев птиц.

С начала веков по широким дорогам спокойных небес
Голос жизни они проносили, наполнены были
Их песнями горы и лес.

А ныне над миром крыла распустила
Высокомерного знания
Жестокая сила.

Творец не давал ей благословенья,
Солнцу чужая она, ее не признали луна
И ветров дуновенья.

Внося разлад, оглушительно воя,
Рвет она небосвод,
Захваченный с боя.

Сегодняшний день кровавой истории человечества
Вырвался за облака, доносится хохот издалека
В обитель небес — блаженства отечество.

Я догадываюсь, что это наступает конец света.
В руках сегодняшних смут тысячи молний, что бьют
С высоты, не зная запрета.

Пламя смерти, горящее злобой в беспомощных небесах,
Гибель суля всему, чем живет земля,
В сердцах порождает страх.

Неужто в мире нет места, где бы ты, бог,
Коврик свой мог расстелить без тревог.
Если так, я молю: «Громовержец, творец,

К последней главе истории этой
Немедля сам припиши конец
Разрушения огненной кометой.

А после услышь мольбы смятенной земли, —
Сделай так, чтоб леса и птиц голоса
Свой прежний смысл обрели».

Знаю, мир прекрасный наш —
Мая, призрачный мираж,

Если спросишь: «Где реальность?» — я скажу тебе в ответ:

«Этот мир романтик создал, и реального в нем нет».

Но я знаю путь в реальный мир,

Что оборван, голоден и сир;

Слишком много должен я ему,

Чтоб не разобратся что к чему.

Вместо дел он брать не может слов,

Я всегда спешу к нему на зов.

Там уродство, там болезни с нищетою,

Женщина у негодя под пятою.

Яркий плащ мой не для ратного труда,

Я в доспехах прихожу туда,

Пусть в самоотверженности, в горе там гремят литавры:

«Не робей!»

Пусть я стану там суровой и грубей,

Пусть прекрасное с ужасным там

Ходят друг за другом по пятам.

ВОССЛАВЛЕНИЕ

Когда последний прощальный час слов земных оттеснит
толпу,

Я последним дыханьем жизни восславлю свою судьбу

За те ликующие мгновенья,

Которые на губах оставили вкус удивленья.

От всего, что разбито, убого и лживо,

Я не спешу отвернуться торопливо;

Я признаю, что в болоте погряз,

Что ломались не раз

Мечтаний моих колесницы

И равнодушие смежало ресницы.

Печатью позора, что ныне на лбу видна,

Меня заклемили мой грех и моя вина,

Душа не однажды бывала побеждена,

И не однажды сгибалась спина.

Я видел, как мир наполнялся скверной

По милости подлости лицемерной,

Смотрел, смятенный, полный испуга,

На людей, убивавших бездушьем друг друга,

И не бросался обуздывать зло.

Прошение за это еще не пришло.

Но, видя вокруг себя день за днем

Мир, опаленный уродства огнем,

В самом смешном и нелепом обличье

Я рассмотрел Человека Величье.

Ибо, когда предо мной Гималаи,
Я целиком их воспринимаю,
Чтобы ущелья и пропастей щели
Гордых высот посрамить не посмели.
Я видел Великое Неделимое, состоящее из всего, —
И последним дыханием жизни прославляю его торжество.

Из книги

«С А Н А Й»

(«Шаной»)

1940

БУНТ

О плясунья, бряцанье браслетов твоих ворвалось
В ритмы домуру. Слышатся рокот и взрывы
Под ладонями Шивы.

Пряди твоих освобожденных волос
Разметало
Дыхание шквала.

О прекрасная, ты возмутила полночный покой
Внезапной грозой.

Ты уже сорвала украшения свои и покровы,
И мрак поглотил их багровый.

Без прикрас предо мною твой образ возник,
Но он безголос, безъязык,

Он своей наготой устрашающей ставит преграду
Любопытному взгляду.

Чары танца гирлянду сплели,
Но разорван венок, бутоны у ног, в пыли.

Юное сердце во власти
Нахлынувшей страсти,
Хлещет она через край, искриста, пьяна,
Словно пенные струи вина.

Было время, когда ты при свете лампы,
На свиданье идя, выбирала наряды.
В нынешнем бунте, в пляске жестокой, как бой,
Растоптала ты след свой былой.

Будут взывать к тебе тщетно печальные звуки свирели,
Ты спокойна, волнения перегорели.
Не безразличие и не покой забытья —
Весну твою губят презренье и ярость твоя.

Молнии взгляда косо-
Сурово

Говорят нам о том.
Смертоносным клинком

Сердце пронзают снова и снова
Молнии взгляда косо-

Поскорей же задуй былого дрожащий огонь,
Вмиг погаснет он — только дыханьем тронь.
Нет, молить о прощенье тебя я не буду, как бога,
Мне идти бесконечной тяжелой дорогой
В зной без воды,

На равнодушном песке оставляя следы.

Таинство ночи горечью ты отравляла,
Бывало,

Даже в дни, когда рядом свершали мы путь,
Любовь, словно дерево кетоки: стоит чуть-чуть
Прикоснуться — и мигом колючка вопьется,
С ароматом цветов запах крови сольется.

Ты мне в грудь
Хочешь стрелу усмешки метнуть.
Взгляд твой цель свою ищет,
Но мимо стрела просвищет

И уйдет в пустоту,
Где метеоры горят на лету,

Возникая зловещим виденьем

Перед паденьем.

О жестокая, бьет барабан, содрогнулся ночной небосклон,
Упали браслеты твои. Что предвещает их звон?

САНАЙ

Всю ночь возы ползут,
Посуды груды на возах — тут блюдо, там сосуд,
Банановые листья вместо блюд
На празднество везут.

Вот потекла со всех концов села
Толпа непрошенных гостей, смела и весела.

Сегодня неспроста
Столпотворенье, суета.

Все зарятся на лучшие места
И занимают их, не спрашивая — чьи.

Средь этой толчеи
И тут, и там

Звучит немолчный гомон, гам.

В одеждах алых сонм кичливых слуг

Без дела мечется вокруг,

И там, и тут

Тюрбаны их снуют.

Упряжки тянутся издалека,

И пыли облака.

На пурпуре одежд горя,

Встает заря.

Вздывая дымы, рисовый завод

Марают гарью небосвод.

Тлетворным духом прелого зерна

Окрестность вся напоена,

Отравлен ветерок.
Порой промчится паровоз и проплывет гудок.
Пробило два часа.

В нестройные земные голоса
Вторгается напев саная вдруг.
Несет гармонию и лад его волшебный звук
В мир беспокойства, суеты, в бесформенную тишь.
Ты сразу этого не ощутишь.
Суть неземного в звуках воплотив,
Саная заводит свой земной, свой праздничный мотив.
Как чувство звездной высоты, пронзившее сердца,
Как ощущение всего, что длится без конца,
Так бесконечно сладок этот звук,
Прозрачный, пробудивший все вокруг.
В нем — речь Сарасвати, мудрейшей из богинь,
И внемлет тихая земля, небес далеких синь.
С потоками страданья и тоски
Слились веселья ручейки.
С цветеньем бокула весне прощаться жаль,
В дыхании ее какая-то печаль,
И чампак лишь расцвел — сомненьями объят,
Трепещут ветви дерева, скорбят.
Во всем рождает музыка порыв —
Отречься от забот земных, в просторы воспарив,
Влечет она в безвестные края.

Что это значит все? — задумывался я.
Казалось, в недрах бытия возник
Журчащий созидания родник.
В саная та же музыка жива
И существо того же волшебства,
Чьи звуки, ритмы чьи
Живут во времени, в игре его струи,
Чья сила, голос чей —
Вне осязаемых вещей.
Тот голос первых дней, начала всех начал
Еще в крови не отзвучал.
Мне кажется, уничтожает он
Границы всех времен,

И вот перед глазами он простер
Грядущего неведомый простор.
Сомненья я забыл и горести свои.
Казалось, был я в забытии,
И вот в себя пришел.
В краю, где гибнет день, где мрак тяжел,
В неведомом, за тайной темноты
Белы цветы.

М Е Ч Т А

Это было в начале зимы. Помню — в лодке я жил
у причала.

Лодку качала
Падма-река.

Слева отмель тянулась, и, кроме песка,
Ничего я не видел — лишь берег пустынный.
Голос шумной стремнины

О чем-то молил тишину, а на том берегу за рекой
Свод небес голубой
Падал прямо
На кровлю храма.

В илистой пойме реки

Там и тут зеленели гороха ростки.

На горизонте лесок и деревню глаза замечали.
У пустынного берега — лодка моя на причале.

Юности давней меня захлестнула волна,
Душа моя странной печалью полна,
Вижу я образ далекий.

С незримым беседу веду, сплетая созвучные строки.

На закате, уже доживая свой срок,
Я узрел беспросветную жизнь, — был я в ней одинок,
словно бог

До дней творенья.

Призраки и виденья

Идут вдоль моих бесконечных дорог,
Слышу шуршание пог.

Бесвязным стихом я неведомое призываю,
Склоняюсь пред ним, в просторы слова посылаю.

Зимний вечер. Легла
Серая мгла
На песок ноздреватый.
Позолота заката

На глади речной зажжена.

Она

Постепенно меняет тона.

Все успел я сказать, ведь прожил на свете немало,
Но почему-то во мне снова струна зазвучала.

Песнь ожиданий несбывшихся вспять возвращает певца,
Вновь на безлюдной дороге звучит и звучит без конца.

Но куда же, куда та звезда закатилась,

Что над песней светилась,

В недрах почи дрожа, словно сердце мое?

Одинокие думы, утратив ее,

Море времени вновь одолели

Ради давней недели.

Но затонувшая память о прожитом некогда дне —

Где-то на дне,

Лишь обломки неясные слов и какие-то строки

Мелькают в потоке.

Очнусь я, когда этот свет
Ударит в глаза мои вдруг, —
Но смогу ли тебя я узнать в райском мире разлук?
Я услышал твой стук на закате моем,
Дверь моя глухо дрожит в ожиданье.
Отзовешься ли ты,
Если ее распахнет случайное наше свиданье?

ПЕРЕЕЗД

Пора мне уезжать.
Подобен полдень раненой ноге,
Завернутой в бинты.
Брожу, брожу, задумчиво стою,
Сижу, облокотясь о стол,
На лестницу гляжу.
В просторах синих стая голубей
За кругом чертит круг.
Я вижу надпись. Красный карандаш
Почти что год назад
На стенке начертал:
«Был. К сожаленью, не застал. Ушел.
Второе декабря».

Я с этой надписи всегда стирала пыль,
Сегодня же и надпись я сотру.
Вот промокательной бумаги лист,
На нем каракули, рисунки и слова,
Сложив, его кладу я в чемодан.
Не хочется мне вещи собирать,
Бездумно на полу сижу
И, опахало взяв,
Усталая, обмахиваюсь им.
Я в ящике стола
Нашла сухую розу и листья.
Гляжу и думаю. О чем?
Так, ни о чем.

Так близко Фаридпур. Там Обинаш живет.
Он предан мне,
И это очень кстати в день,
Когда мне помощь так нужна.
Его я не успела пригласить,
Он сам пришел.
Он счастлив мне помочь.
И стать носильщиком ради меня готов.
Он вмиг засучивает рукава,
Увязывает накрепко узлы.
В газету старую духи он завернул,
В чулок дырявый сунул нашатырь.
Он в чемодан кладет
Ручное зеркало, и масло для волос,
И пилку для ногтей,
И мыльницу, и щеточки, и крем.
Разбросанные сари издают
Чуть слышный аромат:
У каждого — свои и запах и судьба.
Он складывает, расправляет их,
На это он
Потратил битый час.
Он туфли оглядел
И тщательно обтер своей полой,
Подул,
Смахнул воображаемую пыль.
Картины снял с гвоздей,
И фотографию одну
Он вытер рукавом.
Вдруг я заметила, как он
В карман нагрудный положил тайком
Какое-то письмо.
И улыбнулась я, вздохнув.
Ковер, подаренный семь лет назад,
Он бережно свернул
И прислонил к стене.

На сердце камень грусти лег.
С утра не причесалась я. Зачем?
Забыла сари брошкой заколоть

И за письмом письмо
Рву на клочки.
Обрывки на полу. Их подметет
Лишь ветер жаркий месяца бойшах.
Пришел наш старый почтальон,
И новый адрес я с тоской ему пишу.
Разносчик рыбу за окном пронес,
Я вздрогнула и поняла —
Сегодня рыба ни к чему.
Автомобиль знакомо прогудел
И за угол свернул.
Одиннадцать часов.

Пустая комната.
У голых стен отсутствующий взгляд,
Глядят в ничто.
А Обинаш по лестнице сошел
С моими чемоданами к такси,
И я услышала в дверях
Его последние слова:
«Ты напиши мне как-нибудь».
И рассердилась я,
Сама не зная почему.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Сердись не сердись, напоследок скажу все равно:
Лампа есть у тебя — этой лампе светить не дано.

Красива она, но пуста.

Света жаждет мой взор, в сознание моем темнота,

Я тоскую и все же тоску берегу,

С ней расстаться никак не могу.

Я ослеп, я во мраке, и даже средь белого дня

Сны обступают меня.

Когда я шепчу, призывая тебя и моля,

Речь моя

Тебя минует, в дали уходит, к тебе, но иной —

Неземной.

Быть может, она не придет даровать благодать,

Но лик твой, окутанный тьмой, мне поможет ее

угадать.

Он тайно пришел,

Он как посол;

Все порывы мои, все желания парализует твой взгляд,

Жизни источник отравлен, уже не вода в нем, а яд.

Слабость в жилах моих, ею полнится сердце мое,

И взвалил на нее

Этот посол

Очарования ношу, а вес этой ноши тяжел.

Слабость бедна,

Недорого стоит она,

Но, заковав ее в цепи, себя обездолила ты,
Лишила себя полноты
Трепетных чувств и желаний. Эту твою пустоту
Не распознать и на ярком свету.
Ты хочешь увлечь, не любя, крохи голодному дать,
Но ведь слабое сердце мое тебе не под стать?
Пойми, что, его презирая, его не любя,
Ты сама унижаешь себя.
В том, что ты обделила меня, не твоя ли беда?
Ты сама обокрала себя навсегда.

НА ВОЛЮ

Захлопнув дверь, глядите из окон,
Кривите злобно рот.
Вот девушка идет. Отверг закон
Ее презренный род.
Вниманье уважаемых семей —
К чему ей эта честь?
Какую рвань ни постели пред ней,
Ей не зазорно сесть.
Достойнейшие жители села
Бормочут: «Срам и стыд».
В одеждах пыльных девушка прошла,
На встречных не глядит.
Никто не скажет, увидав ее:
«О, как она нежна!»

Ты, сердце полонившая мое,
Идешь совсем одна.
Случайно оказались мы вдвоем,
Дорога нас свела.
Нектар в кувшине глиняном твоём.
Где ты его взяла?
Пришла ты, зная: прост я, без причуд
И в чувствах и в словах.
Совсем не важно, дорог ли сосуд,
Важнее — в чьих руках.

Не пужен мне браслетов тонкий звон, —
Здесь пляска ни к чему.
Идешь походкой сладостной, как сон,
По сердцу моему.
Нет украшений? Это не беда.
Зачем мне блеск пустой?
Красу твою не скроет никогда
Дорожной пыли слой.
Пастушьи псы по следу твоему
Бегут через село,
Кочевницей, привычной ко всему,
Ты прыгаешь в седло.
Ты не страшишься реку перейти,
В ней замочив подол.
Забыл я, повстречав тебя в пути,
За чем, куда я шел.
Мне помнится: на ярмарку горох
В корзине ты несла
И на одной из множества дорог
Кормила им осла.
В сезон дождей ты, по полям бродя,
Густую месишь грязь.
Большим листом прикрывшись от дождя,
Потоков не страшась.
С тобой встречаюсь как бы невзначай,
Лишь выйдешь за порог.
И ты меня бестрепетно встречай,
Встань толкам поперек.
Какая-то пристойная семья
Косится? Ну и что ж!
О, милая, безродная моя,
На волю ты идешь.

О Н О Ш У А

Объедки, помойные лужи, гнилье, кожура,
Огрызков гора,

Дохлая кошка, мухи, висящие тучей
Над мусорной кучей.

Грубою бранью ночную прервав тишину,
Пьяный колотит жену.

От крика соседи вскочили с постелей
И загалдели.

Какие приличья?! Ведь здесь ни убийство,
ни взлом

Не считаются злом.

Пес побитый уснул на соломенном ложе,
Я во сне забываюсь тоже.

У верной жены, что везде о своем благочестье
вопит,

Воинственный вид.

Синдур на проборе, литые браслеты
На руки надеты.

Сари с алой каймою с макушки сползло
Как назло,

Обнаружив, что волосы тусклы и редки.

Всей округе наскучили речи о святости этой соседки.

Здесь мой дом, но родился мечтателем я:

Путь мой, ветром указанный, в дальние манит края,
В сторону юга.

Птицы, летя надо мной, меня привечают, как друга.

И пчелы над этой дорогой летят,
Их цветочный зовет аромат.
Спор пустой для поэта:
Что истина? То или это?
Я в мечтах своих создал леса,
Небеса.

Это мой дом неземной, и он мне земного любезней,
Здесь находят пристанище песни.
Месяц чойтро меня поразил наповал,
Зачаровал.
Тайная сила

В царстве времени все изменила,
И пришла героиня моя, светом сказочным озарена.

Она

Из давней эпохи, вы с ней не поставите рядом
Музу нынешних рифмоплетов, девицу с насмешливым
взглядом, —

Из тех, что зубрят экономику, а по весне
Сочинителям могут являться во сне.

Оношуа — героиню мою зовут на пракрите,
Слезы и смех вызывала она, и сегодня, внемлите,
Слышится смех молодой
Над Шипрою — шумной рекой.

Весна растревожила плоть молодую,
Пленные груди рвутся наружу, бунтуя.

Треплет черные пряди лесной ветерок,
Их запах пьянящий по чащам несет, вдоль дорог.
«Суженым» милого называла моя героиня,
Это слово прекрасно поныне,
Как ласковый звук,

К душе прикоснувшийся вдруг.
С листьями мадхоби шепчется нежная дева, колебля
Гибкие стебли.

На это тайком погляди —
И зависти пламя зажжется в груди.

В кознях хитры, в озлоблении дики
Земные владыки.

Я — поэт, я могу только нежность и страсть
Незаметно украсть,

Прячась за темною кушей.
Так пчела на поляне цветущей
Похищает нектар —
Жасмина пахучего дар,
Чтоб наполнить свои тайники этим сладостным
соком.

Дева в раздумье глубоком
Брала за цветком цветок,
Плела венок.
И сказал я: «За этот венок, дорогая,
Гирлянду из лучших созвучий тебе предлагаю».

О цветочница, ночью глухой
Ты не шла на свиданье, сжимая светильник
дрожащей рукой.
Ты в поэме едва проступала сквозь полог тумана,
А сегодня, лучом осиянна,
Тихо входишь в обитель души.
В молчанье столетий, в этой глубокой тиши
Я вижу твой взор удивленный.
Прошло с той поры отдаленной
Более тысячи лет,
И вновь произнес твое имя поэт.
Ты мне вручила гирлянду бутонов,
Листья зеленые тронув
Тонкой рукой.
Это видение мне — месяц чойтро принес колдовской.
Незримую флейту кладу я тебе на колени,
Ухожу из страны сповидений
В реальный обманчивый мир, где, исполнены вечной
тщетой,
Дни вдут чередой.

НЕВОЗМОЖНОЕ

Одиночество? — Что это значит? Проходят года,
Ты в безлюдье идешь, сам не зная зачем и куда.
Гонит месяц срабон над лесною листвою облака,
Сердце ночи разрежала молния взмахом клинка,
Слышу: плещется Варуни, мчится поток ее в ночь.
Мне душа говорит: невозможное не превозмочь.

Сколько раз непогожею ночью в объятьях моих
Засыпала любимая, слушая ливень и стих.
Лес шумел, растревоженный всхлипом небесной струи,
Тело с духом сливалось, рождались желанья мои,
Драгоценные чувства дала мне дождливая ночь.
Но душа говорит: невозможное не превозмочь.

Ухожу в темноту, по размокшей дороге бредя,
И в крови моей слышится долгая песня дождя.
Сладкий запах жасмина порывистый ветер принес,
Запах дерева малоти, запах девических кос:
В косах милой цветы эти пахли вот так же, точь-в-точь.
Но душа говорит: невозможное не превозмочь.

Погруженный в раздумье, куда-то бреду наугад,
На дороге моей чей-то дом. Вижу: окна горят.
Слышу звуки ситары, мелодию песни простой.
Это песня моя, орошенная теплой слезой,
Это слава моя, это грусть, отошедшая прочь.
Но душа говорит: невозможное не превозмочь.

Из книги
«ПРИКОВАННЫЙ К ПОСТЕЛИ»

(«Рогошоджай»),

1940

В неизменном нашем мирозданье
Мерно кружат жернова страданья,
Рассыпаются планеты, звезды.
И внезапно вспыхивают искры,
Мчатся вихрем в разные концы,
Чтоб покрылись пеленою пыли,
Поднятой ужасным разрушеньем,
Горести и боль существования.
В кузне, где куют орудья пыток,
На горящем дворике сознанья,
Дротиков и копий слышен звон;
Хлещет кровь из раны человека.
И хоть слабо тело человека —
Он не гнется под громадой боли!
Созидание и смерть пируют;
Тянет человек к ковшу вселенной
Чашу с обжигающим напитком,
Опьяняет всех Творец — зачем
Тела глиняный сосуд наполнил
Бред кровавый, весь залив слезами?

Человек большую цену платит,
Так живя и чувствуя все это.
Разве можно что-нибудь сравнить
В медленном движенье тел небесных
С даром тем, что от людей приемлет
Жертвенник телесного страдания?
Вот богатство храбрости победной!
Вот оно — отважное терпенье!
Вот оно — бесстрашие перед смертью.
Видите — пустыней раскаленной
Толп людских поход непобедимый,
Достигающий границ страданий
Вечного паломничества ради,
Вечного в пути объединенья!
Вот родник любви в огне ущелья!
Вот запас бездонный милосердья!

* * *

Плоть моя, плененная болезнью,
Скованную речь в себе несет.
Немощная речь в мерцанье света
Словно строит тусклую темницу.
Если с гор поток стремится мощный,
Чтоб победу одержать над далью,
Рев его могучий и немолчный
Отрицает тесноту ущелья,
Заявив права на все на свете.
Если же его течение тихо,
Мощь теряя в засуху бойшакха,
Глохнет и шуметь перестает,
Сам себе казаться начинает
Он тогда бессильным ручейком;
И его усталое течение
В углубленьях пропадает разных.
Так и речь моя в плену болезни
Утерjala прежнюю решимость,
Нету даже силы упрекать
Ту усталость, что во мне скопилась.
Мгла больной, в себя ушедшей жизни
Застилает этой жизни взор.

О, всходящее над миром солнце,
Озари мое ты созерцанье
Светом утренним с такою силой,

Чтоб увидел я свой ясный образ
В середине твоего сиянья;
Нищету души моей ослабшей
Золотым сокровищем своим
Уничтожь —
С позором ночи вместе!

* * *

Когда живую куклу
Небесный создает творец,
Что с нею происходит в мире —
То знаю я
Теперь, когда я стар
И жизнь идет к концу.
Моя совсем померкла слава,
И тут мои деянья не в почете.
По запрещению и по приказу
Ложусь, встаю, сижу.
«Молчите, — говорят, —
Вам много разговаривать нельзя»,
«Теперь пора поесть».
Все эти повеленья и приказы
То как упрек звучат, то как угрозы,
И кто их произносит,
Тот был еще недавно в детской.
И так же с куклой сломанной играл.
Я кое-как
Спротивляться пробую,
Затем смиряюсь
И поступаю, как они велют.
И думаю покорно про себя:
«Моя судьба-старуха отдала
Груз управления мной на время в руки
Другой судьбы, сама ж хитро смеется,

Как падишах смеялся, подготовив
Черед Абу Хассана
Незаметно».

Я восставал нередко в царстве жизни,
А в этом царстве я признал
Тот жезл,
Который стебля лотоса нежнее —
И ярче молнии
Его недвижимый перст.

* * *

Когда к выздоровленью наконец
Мне жизнь свое прислала приглашенье,
В тот незабвенный и недавний день
Она так щедро подарила мне
Способность мир по-новому узреть.
И золотом затопленное небо —
Как коврик созерцанья
Отшельника всевышнего.
И сокровенный изначальный миг,
Времен исток,
Открылся предо мной.
И я постигнул, что мое рожденье
Навизано на нить рождений прежних;
И словно солнца семицветный свет, —
Так зрелище в одном себе хранит
Поток других, невидимых творений.

* * *

Дверь раствори;
Пусть взор мой тонет в синеве небесной,
Пусть запахи цветов сюда проникнут,
А свет лучей начальных
Наполнит тело, в каждой будет жилке.
Я жив! — Пусть вновь услышу это слово
В листве, что шелестит.
А это утро
Пусть покрывалом душу мне накроет,
Как юные зеленые луга.
Я в этом небе чую
Немой язык любви,
Которая в моей царила жизни.
В ее воде свершу я омовенье.
Мне правда жизни мнится ожерельем
На беспредельной синеве
Небес.

* * *

Когда в сетях невыносимых мук
Беспомощным я вижу человека,
Я и представить даже не могу,
Что для него возможно утешенье;
Но под влияньем собственных страстей
Я корень этой муки знаю,
Хоть в этом знанье утешенья нет.
Коль мне известно,
Что истина высокая таится
За волей человеческой души,
Что радостей и мук она превыше,
Я начинаю понимать, что люди,
Той истиной питающие души, —
Цель высочайшая всего творенья.
Они — одни они,
И, кроме них, — никто.
А те другие,
Что в плену
Обыденных привязанностей тонут,
Подобны тени —
И мнимы муки их,
И радость их обманна.
А боль их ран, хоть и неумолима,
С мгновеньем каждым меркнет,
В истории следа не оставляя.

* * *

В переплетении мира лесного
Все осуждаешь ты снова и снова.
Если ты скажешь о целях природы
Высокомерно: «В грядущие годы
Засухи песня везде зазвучит», —
Лакшми лесов не запомнит обид.
Ибо живущий не может не знать
То, что, желая другим доказать,
Будто бы песня, что утром пропета,
Соком пьяня обиталище света,
Будто бы песня такая ужасна,
Будто бы песня такая злосчастлива, —
Больше потратит на это труда.
Все же пребудет таким, как всегда.
Станет вдруг слышно, как в это мгновенье
Птицы лесные, не зная сомненья,
Гимном торжественным вечной весне,
Пением радостным мир наполняя,
Вместе взлетев, запоют в вышине.

* * *

Когда тебя во сне моем не вижу,
Мне чудится, что шепчет заклинанья
Земля, чтобы исчезнуть под ногами.
И за пустое небо уцепиться,
Поднявши руки, в ужасе хочу я.
В испуге просыпаюсь я и вижу,
Как шерсть прядешь ты, низко наклонившись,
Со мною рядом неподвижно сидя,
Собой являя весь покой творенья.

Из книги
«ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ»

(«Арогго»)

1941

* * *

Сладостен рай, сладостна пыль земли,
В сердце мое росли
Эти слова полноценного бытия,
Эта великая мантра, эта молитва моя.
Каждый день приносил мне свой истинный дар,
Я вкушал этот вечный нектар,
Потому эта мантра звучит, мне пред смертью даруя
отраду,
Вопреки разрушенью, разложению, распаду.
Когда я уйду, прикоснувшись прощально к земле,
Я скажу: «На челе
Я твой знак начертал, пыль земли,
За покровом несчастий я сиянье увидел вдали.
Образ радостной истины в прахе земном воплощен.
Я познал это, пыль, и тебе приношу свой поклон».

* * *

Пусто в доме. Я хвор.
Сквозь открытую дверь
Тень косая легла на постель.
Полусонное время холодной поры
Монотонно течет под полуденным солнцем,
Как река в камышах сквозь затон.
И порой на жнивье просыпается длительный вздох
Отдаленного воспоминанья.

Вспоминается: сколько годов
Падма между крутых берегов
В светотени
Позднего праздного утра
Плыть пускает мои равнодушные думы
В пене, в пене речной.
Прикасаясь к нижнему краю небес,
Проплывает под парусом лодка рыбацья;
На окраине неба белоснежное облако отбилось от стая.
Деревенские женщины, край сари накинув на лица,
Несут на бедра сверкающие кувшины.
Болтая, идут они гибкой тропой вдоль манговой роши.
Поминутно взывает кукушка на ветке, скрытой в тени,
И колышет завесу, за которой
Таится деревенская жизнь.

На горчичном поле близ пруда
Вызревает ответный подарок лучам —
Цветы, припошенье на ступенях храма солнца.

Озираю спокойно полдневное уединенье,
Шлю безмолвное благодаренье
Солнцу, в сияющем лике которого наш пращур
У себя во дворе прозревал божество.
Мыслю: если б владел я магическим словом —
Ведической мантрой древнейших веков,
Мой гимн растворился бы в этих прозрачных лучах.
Но немею, немею.
Вижу дальнюю грань горизонта,
И молчанье мое возносится к бледному небу полудня.

* * *

Бьют часы вдалеке.
Грохот города, оглушающий небо,
Отошел от меня.
В зное месяца магха из дальних пределов памяти
Беспричинно возникло виденье.

Проселок бежит вдоль реки,
Нанизывая деревеньки.
Вековая смоковница...
Люди сидят в ожиданье парома
Рядом с товарами, что несут на базар.
Под железною крышей амбаров —
Кувшины с душистою патокой.
На запах ее бегут деревенские псы и облизывают кувшины.
Роятся мухи.
Посреди дороги носом в землю уперлась арба,
Груженная джутом.
Орут грузчики, таская кипу за кипой
В склад.
Распряженные буйволы
Пошипывают траву на зеленой обочине
И колотят себя по бокам опахалом хвоста.
Ссыпано в кучу горчичное семя,
Ожидает, когда и его упрячут в амбар.

К гхату причалил рыбацкий челнок,
Жена рыбака к бедру прижала корзину.
Распластался коршун над головой.
Челны перекупщика уткнулись в пологий берег.
Рыбак, опутан лучами солнца, на крыше плетет сеть.
Ухватившись за шею буйвола,
Крестьянин плывет через реку.
А над ближней рощей вздымается храм,
Сияющий в утреннем солнце.
По невидимой грани полей мчится поезд,
И все уменьшается, все уменьшается,
Оставляя на груди ветров черточку звука,
Дымный след волоча за собой —
Длинный стяг покорителя расстояний.

И еще невзначай вспоминаю: было это давно,
В полуночный час.
К берегу Ганги причалена лодка.
Водная гладь — в лунном свете.
По берегам черные вырезы затаившегося леса,
Меж деревьев — пламя светильников.
Я очнулся внезапно.
В молчаливый ночной небосвод
Устремляется песнь — молодой слышится голос.
Уносится стройная лодка в волнах отлива
И вдруг исчезает.
Лес, затаившийся по берегам, вдруг прохватывает ознобом.
Образ ночи, увенчанной лунной короной,
Безмолвно покоится на ковре потревоженных сновидений.

Западный берег Ганги, жилье на окраине города.
Бесконечно длинная отмель
Словно подчеркивает пустоту оголенного неба.
По сжатому просу ходят коровы;
Деревенский мальчишка
Хлыстом отгоняет козла от бахчи.
А там — крестьянка с корзиной на бедре
Собирает овощи.
Порой у кромки реки
Истомленные лодочники проходят, сгибаясь под бечевою,
И всё — и потом весь день ни души на реке и на суше.

Вблизи, в одичавшем саду, возвышается дерево чампак,
Под огромным молитвенным нимом — скамейки,
Густа и торжественна его венценосная тень.
По ночам там спят журавли.
Вода с наливного колеса
Журча убегает по желобу, —
Напоить кукурузное поле.
Женщина крутит домашнюю мельницу,
На руках ее медные браслеты.
Монотонное трение жернова наполняет звуками полдень.

Это все мимолетно увидено,
Мимоходом услышано
И находится где-то на грани сознания.
Забутые образы
Порождают в сердце боль разлучения с жизнью
Под бой отдаленных часов.

* * *

Одиноко сижу у окна, у края конечного мира,
В синеве горизонта зрение ловит звук бесконечности,
Свет переплетается с тенью,
Предлагая приятную дружбу дерева сирус.
А в душе отдается: «Недалеко, совсем недалеко!»
Лента дороги ускользает за гребень закатной горы.
Стою у входа в постоянный двор вечера.
Вспыхивает в отдаленье
Крыша храма — место последнего странствования.
От подножья его летит песнь окончания дня,
С ее восходящим и нисходящим мотивом связано все
прекрасное в этом моем пребывании,
Она прикасалась к душе в дни моих долгих скитаний,
Привнося в нее звук полноты.
В душе отдается: «Недалеко, совсем недалеко!»

* * *

В сфере необъятного творенья
На протяжении неизмеримых времен
Бушуют фейерверочные игры
Солнц и планет.
Пришел и я из вечности незримой
С мельчайшей искоркой
И занял точку во времени и протяжении.
Едва я начал уходить со сцены,
Угас светильник,
Померкла сущность звездных игр,
И обветшала обстановка пьесы,
Где представляли радость и печаль.
Я увидал: актеры и актерки,
Уйдя со сцены,
Сбрасывают пестрое тряпье.
Я увидал:
Там, за кулисами из омертвевших звезд,
Царь танца застыл в одиночестве.

* * *

Скользя по ленивому потоку времен,
Мысленный взор в пустоту устремлен.
В той пустоте, нарисованы тенью сплошной,
Толпы и толпы проходят волна за волной.
Там, в прошедшем земли,
Победители мощной стопною прошли.
Прокатились патаны одержимым потоком,
Пролетели моголы под топот
Боевых колесниц по дорогам веков
Под победною сенью пропыленных своих
бунчуков.

Я гляжу на пути пустоты.
Нет следов, не осталось черты.
Лишь извечно окрашивают небосвод
Синий рассвет и багровый заход.
И однажды по дну пустоты,
По железным путям, сквозь грохочущие мосты,
На железных колесах, в огне
Англичанин прошел по стране,
Утверждая волю свою и власть.
Но воздвигся и он, чтобы пасть.
Знаю, той же дорогой, вдали пропадая,
Удалился и он из плененного края.
Знаю, сонмища тех, кто развозит товар,
На дорогах вселенной растворятся, как пар.

Как ни гляну на землю, мимо меня,
Топоча, гомоня,
Люди, люди текут, как поток,
По истоптанным руслам дорог,
Из столетья в столетье движется неисчислимая
рать,

Чтобы жить и умирать.
И нет им числа
У плуга и у весла —
Тем, кто сеет зерно,
И тем, кто везет урожай на гумно,
Кто трудится в городах,
На поле и в садах.
Изломаны балдахины царей, смолк боевой
барабан,

Камень победных колонн не угрожает врагам,
Кровавый белок глаза, кровавый клинок в кулаке
Плавают в детской сказке, как лодочка на реке.
Люди живут в трудах —
В разных местах, в разных краях,
В Анге, Ванге, Калининге, возле рек и морей,
Они населяют Пенджаб, Гуджарат и Бомбей.

Дни и ночи бегут,
Слышен грохот и гуд.
Днем и ночью веселье с бедой
Трубят мантру свою громоподобной трубой.
Люди трудятся в поте
На обломках царств и деспотий.

* * *

Я прошел сквозь хвалу и хулу, сквозь радость и муки,
Передо мною — причал разлуки.
Верил я, что здоровое тело мне было дано.
А оно одряхлело, над собою смеется оно,
Беспорядки творит ежечасно,
Воле моей неподвластно.
И сиделки мои не знают ни ночи ни дня,
От позора беспомощности спасая меня.
Я имен их не назову,
Но я видел их наяву,
Они дали вкусить мне последнее счастье в тиши,
Помогли мне забыть поражения слабой души.
Они знают, что те, кто сильны, а не слабы,
Добиваются славы.
Но зато есть великие блага, которых
Не добьется никто, кроме слабых и хворых.
Слава требует платы за все, что она обещает,
Недоимок она не прощает.
А как нечем платить, с нами бедность делится
рубищем
В назидание всем, бесконечно любящим.

* * *

Пускай легко спадет завеса моего существа,
Пусть проникающий свет Сознания
Развеет туман
И вскроет сладостные очертания истины,
Пусть растечется в душе,
В неподвижных сферах сует
Да явится мне бестревожный образ вечности;
Да проникну я взором в смысл моего существования,
Отринув
Бесмысленные хитросплетенья жизни,
И ложные ценности, пронизавшие общество ложью,
И толпу корыстно алчущих, —
Прежде чем уйду за грань бытия.

Из книги
«ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ»
(«Джонмодине»).

1941

* * *

Этот день днем рождения был моего.
Встал я с первым приветом рассвета
И к восходу свой взор обратил,
И увидел: заря, совершив омовенье,
Бледно-алым сандалом рисует узор
На крутом, снежно-белом челе Гималаев.
Всю огромность просторов,
Простершихся в сердце вселенной,
Ощутил я, взглянув на престол Повелителя гор.
Как ревниво хранит из столетья в столетье
Безымянная глубь неподкупную тайну свою
В полумраке великого, непроходимого леса,
И какой недоступностью окружена
Эта синяя даль, уходящая ввысь,
Где светило свершает свой круг от восхода к закату!

В этот день — в день моей годовщины —
Чувство дальней дороги сгустилось в душе у меня.
И как видят полет отдаленной звезды,
Что в светящейся дымке летит
По таинственной вечной орбите,
Я себя самого увидел в недоступной дали.
Да, я — странник на вечном пути, бесконечном пути,
И сегодня с утра, в день моей годовщины,
Все яснее я странника этого слышу шаги
С побережья пустынного моря.

* * *

Много ли знаю о нашей огромной планете?
Сколько морей и пустынь, и хребтов, и потоков на свете,
Сколько открытий и подвигов, стран, городов и селений,
Сколько диковинных тварей и редких растений!
Многого в жизни не видел я. Мир так богат и
широк,—

Я охватил лишь его небольшой уголок.
И, сожалея об этом, тома путешествий листаю,
Жадно читаю,
Тысячи красочных строк — описаний далекого края —
Перебирая.
Скудны познания мои, и на каждом шагу
Их я богатством чужим пополняю, насколько могу.

Я — твой поэт, о Земля! И от звука любого
Флейта моя пробуждается снова и снова.
Если ж я чей-нибудь зов услышать не сумел —
В песнях останется вечный пробел.
Тихих и чутких минут я изведать немало.
Много догадок и дум мировая гармония мне навевала:
То ледяная вершина, блестя в голубой вышине,
Песней безмолвных снегов обращалась ко мне,
И наполняло меня на мгновенье
Невыразимое благоговенье,
То над молчанием Южного полюса, в черной ночи,
Дальней, безвестной звезды загорались лучи,

Ждали, казалось, что я на призыв их отвечу,
И устремлялся мой взор их сиянью навстречу,
То половодья далекого глухо рокочущий вал
Отзвук в глубинах души вызывал.
В эту гармонию, в плавное это течение
Разных певцов отовсюду вливается пенье,
С ними я чувствую тайную связь, —
Радость в душе родилась.
Так от Владычицы музыки дар получаю бесценный.
Слушаю песню вселенной.

В людях с трудом познается их внутреннее существо:
Меры в пространстве и времени — нет для него.
Сущность — незрима,
Только при полном духовном слиянье она постижима,
И не во всякую душу отыщется вход, —
Жизни привычный уклад между нами встает.
Пахарь за плугом идет на рассвете,
Трудится ткач, расставляет рыбак свои сети,
Разнообразны дела человека, повсюду видны их плоды, —
Двигается мир, опираясь на эти труды.
Я же сижу перед узким окном, одинок и тревожен,
Славой своей, словно узник, от всех отгорожен.
Улицей сельской иду, мимо скромных дворов прохожу —
В них заглянуть я хотел бы, да мужества не нахожу.
Жизнью хотел бы я с жизнью всеобщею слиться,
Иначе песня в поддельный товар превратится.
Тех, кто меня порицает, я должен признать правоту:
Сам я мелодии чувствую неполноту.
Славою песен моих обольщаться не буду:
Хоть и широко они разошлись, но звучат не повсюду.
Новых поэтов предвижу приход —
Тех, кто единою жизнью с простым землепашцем живет.
Слух напрягаю и жду: прозвучит над страной
Голос поэта, что накрепко связан с землею родною.
Жажду я в мире найти
То, что на праздник поэзии сам не сумел принести.
Жажду я песни правдивой,
Не ослепляющей взор красотой фальшивой.
Слава недешево нам достается — ее не крадут,
Это цена за упорнейший труд.

Так появиись, о певец трудолюбцев безвестных,
Душ бессловесных,
Людам страдания сердца открой, —
Эту страну, что томится без песни живой,
Эту равнину печали, сожженную зноем презренья,
Влагой насыть своего вдохновенья,
Свежий родник у тебя затаился в груди —
Смело его пробуди!
На музыкальном собрании, когда оно в полном разгаре,
Пусть мы услышим и тех, кто играет на скромной эктаре,
Тех, кто живет среди нас и от нас так далек,
Тех, кто о чувствах своих никогда рассказать нам не мог,
В горе и в радости молча склоняясь перед ликом вселенной.
О вдохновенный!
Голосом стань тех простых, безымянных людей,
Славу свою обретут они в славе твоей,
И перед новым поэтом
Низко склонюсь я с безмолвным приветом.

* * *

В круговороте мгновений
Майя подобна сгрудившейся пене —
Светом и мраком играя, клокочет у водораздела;
И бестелесность сгущается в тело.
В этой стремительной жизни, в потоке ее,
Сам я не знаю, откуда возникло мое бытие.
Неошутимое вдруг ощутимое стало —
В мире незримом свое средоточие образовало,
А в средоточие это всемирная сущность глядит, —
Кто, любопытный, за этим живым любопытством сокрыт?
Вечность играет с мгновеньями, нижет за звеньями звенья:
За созиданием шлет разрушенье.
Бьет барабан — это время гудит в нетерпенье,
Девой с закрытым лицом осторожно приходит мгновенье,
Четки из пены жемчужной на шею несет, —
Втянуто в круговорот,
Место свое отыскать в созиданье стремится
И с безграничностью связь познает у последней границы,

* * *

Слышу: гремит барабан боевой,
Время больших перемен наступило —
Век настает грозовой.
Новой главы развернулись страницы:
Мир на дурные деяния силы растратить стремится,
Несправедливость спешит воцариться,
Это грядущего вестник пришел, —
Каждое зло превращается в тысячу зол.
Скупости камни сдвигает поток полноводный,
Нищей земли изменяет он облик бесплодный,
Мертвых песков размывает слежавшийся слой,
Прочь их сметает бурливой волной.
Гниль унося с побережий,
Место спешит он расчистить для поросли свежей,
А истощенное поле пытается всходы рождать,
Как параличный, пытающийся бормотать.
Пусть омертвелые души
Могут еще показаться живыми снаружи, —
Хоть и трудны времена,
В их закромах до сих пор не иссякли запасы зерна.
Но наступает расплата, — потоки ее грозовые
Сносят солому их кровель, врываются к ним в кладовые,
Рушатся градом смертельных ударов, жестоких вестей,
Болью пронизывают до костей.
Гибель нахлынула, все на пути разрушая —
Новое поле готовит для будущего урожая.

В этой проверке, в горниле мучительных дней
Станет ясней,
Что из наследия дряхлого в прах превратится,
Что сохранится.
Время под глянцем увидеть, где прячутся гниль и обман.
Вот почему загремел боевой барабан.

* * *

Кровавые челюсти, лязгая от нетерпенья,
Грызут города и селенья,
И видно, как в дымной дали
Проносится ужас от края до края земли.
Из царства угрюмого Ямы поток беспощадный стремится,
Старинных империй смывает границы,
И хищные страсти, как своры взбесившихся псов,
Спешат на разбойничий зов.
За много веков этих псов для своих грабежей и насилий
Охотники цивилизованные приручили,
Но звери с цепи сорвались —
Своих и чужих без разбору терзать принялись.
Пещерная дикость когтями уже не боится
Старинных традиций царапать страницы, —
На их письменах запеклась
Кровавая грязь.
Наверное, гневом всевышний пылает —
Посланцев своих насылает.
И грех, что скопился за тысячи лет,
Теперь превращается в тысячи бед.
Разбиты сосуды с вином, что владык опьяняло могучих,
Осколки валяются в мусорных кучах.
Безумием люди охвачены, — волю творца
Уж много веков нарушают они без конца.
В грехах погрязая
И жаждою самоубийства пылая,

Безжалостно сами себе западни

Расставляют они.

Рабы сластолюбья, что жили в чертогах богатых,

В своих же врагов превратились заклятых

И стены убежищ ломают, под грудой камней погребя

Самих же себя.

А грозная Кали встает над останками жертв и злодеев,

Счастливые сны человека мгновенно развеяв,

И в грудь, иступленная, ногти вонзает свои,

И собственной крови глотает ручьи.

Когда же иссякнут греховные эти восторги

И кончится век омерзительных оргий,

Пускай человек, одолевший безумье и гнев,

Одежду смиренья надев,

Над пеплом костра, где бесчисленные жертвы сгорали,

На коврик молитвенный сядет в глубокой печали,

Чтоб в душу бесстрастно себе заглянуть —

Найти к обновлению путь.

Громов громыханье сегодня об этом пророчит:

Пушки грохочут.

* * *

Если под сенью надменного трона
Пропать растет и растет неуклонно
Между раджей и народом, что им угнетен,
Значит, на собственной гибели зиждется трон.
Если душа государства дряхла от нужды и обмана,
Если корона покрыта позором, а сердце тирана
Пламенем бедствий народных не опалено,
Опалено приговором всевышнего будет оно.
Там, где под пышным покровом богатства и великолепья
Голод горит пенасытным огнем, и в гнилые отрепья
Кутают плечи, от стужи дрожа, нищета,
И в оскуделых колодцах вода нечиста,
Там, где для смерти все двери открыты,
И от болезней нигде не найдется защиты,
И с отвращением ночи и дни напролет
Голод живые скелеты грызет, —
Там изможденные толпы державе не служат опорой:
Бременем станут — причиною гибели скорой.
Хищная власть, истощенная собственным злом,
Старой орлице подобна с подбитым крылом:
Буря ударит, и падает в пыль, разбивается птица,
Неумолима судьба, и возмездье должно совершиться.
Рухнет престол горделивый, воспрянет измученный люд,
Новые гнезда себе на руинах народы совьют.

Из книги
«ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ»
(«Шеш лекха»)

1941

* * *

Океан покоя великого впереди,
В путь далекий, о кормчий, ладью мою поведи.
Вечным спутником стань мне, о кормчий мой,
В час отплытья мне лоно свое открой.
Будет с нами сиянье Дхрува-звезды
В нескончаемом нашем пути.

О свободу дарующий, в странствии вечном, от зла
Ты прощением и милосердьем меня огради.

Пусть же с брэнной землею расторгнется связь,
Чтоб в объятя вселенной упасть,
Чтоб вступила душа моя, не страшась,
В Неизвестное, что ожидает ее впереди.

* * *

Немилосерден палящий зной
Безлюдной полуденною порой.
На кресло пустое с болью гляжу,
Утешенья не нахожу,
Отчаянья полон его язык.
Что страданья беззвучный крик
Означает? Вот так, тоскливо до слез,
Жалобно смотрит потерявший хозяина пес,
Что случилось и почему,
Непонятно неопытному уму.
Опустевшее кресло, — как выразить горе ему?
Без созданья любимого пусто и немо в дому.

* * *

Еще раз, если только сумею,
Отыщу это кресло,
Чтобы скрытая в нем чужеземная речь,
Чужеземная ласка воскресла.

Сновидения беглые снова
Придут из бывшего,
В смутном звоне и шелесте
Гнезда совьют себе снова.

Толпы воспоминаний
Сладким сделают мне пробужденье,
Голос флейты умолкший
Будет вновь мне дарить наслажденье.

Ароматы весны под окном
Ветер вновь заколышет,
И безмолвья великого поступь
Снова сердце в ночи услышит.

Вечно помню я ту,
Что подарок, любя, подарила,
Мне язык незнаком,
На котором она говорила.

Но родным был язык ее глаз.
От любимой далече,
Будут вечно звучать в моем сердце
Те нежные речи.

* * *

Вот человек великий рождается к жизни новой,
Холодок по телу, трепет восторга повсюду,
В каждой травинке, растущей из праха земного.
В мире богов гулко раковина затрубила,
В мире людей загремели литавры победно, —
Наступил миг рожденья великий.
В прах рассыпался мрак новолунья,
Пали крепости тьмы.
На вершине горы рассветной
Звучит напутствия слово:
«Смелее, смелее, — к жизни новой».
«Слава, слава рождению человека!» —
Звучит в небесах громово.

* * *

Этот день моего рождения станет мне днем разлук.
Я хочу, чтобы каждый, кто настоящий друг,
Прикоснулся руками своими к рукам моим.
Дар прощальный брэнного мира, знак того, что
любим,

Унесу я — последнее благословенье людей,
Унесу я — последнюю милость жизни земной моей.
Я суму свою опустошил до дна,
Роздал все, собираясь в путь.
Если сегодня в ответный дар
Мне достанется что-нибудь —
Немного прощенья, немного любви,
Все возьму, отправляясь в последний путь,
На последнее празднество, на последнем плоту,
Отплывая в беззвучную темноту.

* * *

На берегу реки Рупнаран
Я возник
И узнал:
Этот мир не во сне,
Наяву.
В письменах алой крови увидел
Свой образ.
Себя я познал.
От страданий, от боли
Ощутил, что живу.
Истина ведь сурова,
Я суровое полюбил
За то, что оно не лжет.
Эта жизнь — служение боли,
Для того, чтобы правду познать ценою
любою,
Чтобы в смерти с долгами покончить счет.

* * *

Пути своего созидания ты опутала
Причудливо пестрой, обманчивой сетью,
Обманчивая!
Ложной веры силки умело
В жизни земной расставила.
Ты обманчивость эту предназначила для величия,
Ты ему не дозволила в темной ночи таиться.
Путь, который твоя планета
Великому указывает,
Это путь его сердца,
Он вечно прозрачен, ясен,
Он лучезарен верой —
Извечной и нерушимой.
Пусть извилист на вид он, но прям по сути,
В этом гордость и сила великого.
Называют великое неудачливым,
Обманувшимся, но находит
Оно истину в собственном сердце,
Омытом собственным светом.
Что ж его обмануть сумеет?
Ведь награду свою последнюю
Оно в свой тайник приносит.
Тот, кто смог победить обманчивость,
Из рук твоих получает
Нетленное право покоя.

КРАСНЫЕ ОЛЕАНДРЫ

В основе этой пьесы лежит правда. Пусть доискивается историк, происходили ли подобные события в действительности. Читателю достаточно знать, что автор верит в их достоверность.

Мнения географов о месте действия нашей пьесы, возможно, разойдутся. Известно, однако, что речь идет о городе Джокхопури. Пандиты утверждают, что в Джокхопури, о котором рассказывают пураны, находится трон бога богатства — Куберы. Но наша пьеса повествует не о временах пуран. Было бы неправильно назвать ее аллегорической. В этом городе скрыты сокровища джокхо. Для того чтобы добыть их, роют пещеры под землей. Вот почему город называется Джокхопури. В пьесе мы познакомимся и с теми, кто добывает сокровища.

Нельзя ожидать от историков единства мнений по поводу имени раджи Джокхопури. Можно только упомянуть одно из его прозвищ — «Раджа Мокор». В свое время вам станет ясен смысл этого прозвища.

На передней стене дворца — окно с Завесой. Сквозь эту Завесу раджа говорит со своими подданными. Почему он ведет себя столь странным образом, мне неизвестно; я знаю лишь то, что сказано на страницах пьесы.

Страной управляют советники раджи. Они — люди достойные и сведущие. Благодаря их строгости, рудокопы работают усердно, — и город Джокхопури процветает. Надсмотрщики раньше были рудокопами; высоким положением они обязаны только себе. Своим рвением они намного превосходят правителей. Если сравнить законы

Джокхопури с полной луной, надсмотрщики — темные пятна луны.

Кроме упомянутых лиц, есть еще человек, заслуживающий нашего внимания. Это Проповедник. Служит он богу; кормит его, однако, Правитель. Благодаря Проповеднику, в городе свершается много благих дел.

Случается, в сети рыбаков попадают не рыбы, а другие обитатели моря, более крупные. Они существуют не для того, чтобы наполнять чьи-то животы или котлы. Они рвут сети и уходят. Так же в сеть событий этой пьесы попадает девушка по имени Нондини. Разве не она разрывает сеть Завесы, скрывающей Раджу!

Мы встречаемся с этой девушкой в самом начале, у Завесы. Как выглядит эта Завеса, описать невозможно. Те, кто делали ее, знают, из чего она состоит.

Все события происходят перед этой Завесой, закрывающей окно Раджи. О том, что находится позади нее, нам почти ничего не известно.

Город Джокхопури. Рабочие добывают золото из глубин земли. Раджа города скрыт причудливой Завесой. Эта Завеса — единственная декорация пьесы, на ее фоне происходит все действие.

Нондини и Кишор — мальчик-рудокон.

Кишор. Нондини... Нондини! Нондини!

Нондини. Зачем ты зовешь меня так громко? Разве я глухая?

Кишор. Знаю, что не глухая. Мне просто нравится звать тебя. Хочешь, принесу еще цветов?

Нондини. Тебе пора идти, Кишор! Опять опоздаешь на работу!

Кишор. Не все же время искать самородки. Могу я украсть несколько минут, чтобы принести тебе цветы? Это моя единственная радость в жизни.

Нондини. Тебя накажут, если узнают, что ты опоздал.

Кишор. Ты говорила, тебе хочется красных олеандров. Я рад, что их здесь нелегко найти. Я искал очень долго и нашел всего один куст.

Нондини. Покажи мне его. Я сама нарву цветов.

Кишор. Не будь так жестока, Нондини. Это дерево — моя тайна, не отнимай ее. Бишу поет тебе песни, а у меня теперь есть цветы, ты будешь получать их только из моих рук.

Нондини. Когда я думаю, что эти скоты накажут тебя, у меня сердце разрывается.

Кишор. От этого цветы мне еще дороже. Они — цветы моей боли.

Нондини. Твоя боль — это и моя боль.

Кишор. Я мечтаю когда-нибудь умереть за тебя, Нондини.

Нондини. Чем я могу отплатить тебе?

Кишор. Обещай, что будешь брать цветы только у меня.

Нондини. Хорошо. Но будь осторожен!

Кишор. Не хочу! Пусть меня бьют, все равно каждый день я буду приносить цветы! *(Уходит)*.

Появляется Ученый.

Ученый. Нондини! Не уходи!

Нондини. О, Ученый!

Ученый. Отчего ты всегда исчезаешь так быстро? Наши сердца откликаются на твой зов, — почему бы тебе не выслушать нас? Давай поговорим немного.

Нондини. Что тебе нужно от меня?

Ученый. Не говори так. Рабочие, которые, словно черви, копаются в земле, как раз добывают «То, что Нужно». В этом городе нет иного богатства, кроме золота. Но золото — прах. То же золото, из которого состоишь ты, о прекрасная, это не прах — негасимый свет. Разве можно его заключить в оковы «Того, что Нужно»?

Нондини. Опять ты говоришь мне это. Что ты нашел во мне удивительного?

Ученый. Солнечный свет, проникающий сквозь заросли, не поразит никого. Но когда луч солнца пробивается сквозь узкую щель в стене — это совсем другое дело. В нашем городе ты — этот луч солнца. Скажи, нравится тебе здесь?

Нондини. Странно видеть, как целый город роется в земле. Вы прорываете подземные ходы и выносите мертвые сокровища, которые земля держала во тьме многие тысячи лет.

Ученый. Мы поклоняемся трупу этих сокровищ. И мы хотим подчинить себе их Дух. Если бы нам удалось это, весь мир оказался бы у наших ног.

Нондини. А почему вы скрываете вашего Раджу? Боятесь, люди увидят, что он такой же человек, как и все?

Мне бы хотелось сдернуть черное покрывало с ваших пещер, и пусть туда хлынет свет. Я хочу сорвать эту отвратительную Завесу, чтобы спасти человека, сидящего за ней!

Ученый. Дух мертвых богатств ужасен и могуч. Также ужасен и силен наш Раджа.

Нондини. Все твои речи как будто приготовлены заранее.

Ученый. Конечно, нагота безлика. Мы различаем людей по готовому платью. Приходи ко мне. Я посвящу тебя в учение об истинной сути вещей.

Нондини. Ты дни и ночи роешься в горах книг, подобно землекопам... Как странно! Ведь ты ученый, зачем ты теряешь время со мной?

Ученый. Мы, жалкие насекомые, копошащиеся в земле, мы погрязли в своих мелочных делах; ты же — вечерняя звезда на небе Свободы. Когда мы видим тебя, у нас вырастают крылья. Пойдем ко мне, позволь мне безрасудно потратить на тебя свое время.

Нондини. Нет, не сейчас. Я пришла, чтобы увидеть вашего Раджу в его покоях.

Ученый. Его скрывает Завеса. Тебя не пустят за нее.

Нондини. Меня не остановит это препятствие. Я найду путь к Радже.

Ученый. О, если бы ты только знала, Нондини! И я живу за Завесой своих знаний, завесой, которая так похожа на сеть. Увы, ученый тоже отдален от людей, он тоже внушает страх, как наш Раджа.

Нондини. Ты смеешься надо мной, Ученый. Что в тебе страшного? Почему меня привезли сюда, а моего Ронджона не взяли?

Ученый. Не удивляйся. Они разбивают все целое. Зачем тебе нужен Ронджон, сокровище твоей жизни, — здесь, среди наших мертвых сокровищ?

Нондини. Потому что я знаю: он вложил бы живое сердце в эти безжизненные тела.

Ученый. Одно твое присутствие — достаточный повод для беспокойства Правителей, а если сюда придет и Ронджон, что будет!

Нондини. Они даже не подозревают, как они глупы. Их может пробудить только смех бога. А Ронджон — это и есть его смех.

Ученый. О, священный смех! Как и солнечный свет, он может растопить лед, но не камни. Правители — камни, их можно только разбить силой.

Нондини. Мой Ронджон силен, он подобен реке Шонкхени, которая, смеясь, разрушает берега. Но я хочу открыть тебе одну тайну. Сегодня мы встретимся с Ронджоном, Ученый!

Ученый. Откуда ты знаешь?

Нондини. Да, да, встретимся, я получила вест!

Ученый. Ни одна вест не может проникнуть сюда без ведома Правителя. Как же ты узнала?

Нондини. Как узнают о приходе весны — по цвету неба, по трепету ветерка.

Ученый. Ты хочешь сказать, что узнала об этом по цвету неба и по трепету ветерка?

Нондини. Когда появится Ронджон, ты узнаешь обо всем сам.

Ученый. Если она говорит о Ронджоне, ее не оставишь. Ну и пусть! У меня остается учение об истинной сути вещей, я заруюсь в его глубины. *(Делает несколько шагов и возвращается.)* Нондини, я хочу спросить тебя кое о чем. Тебе не страшно в этом городе?

Нондини. Чего мне бояться?

Ученый. Живые существа не боятся солнца. Они боятся затмения. На город легла черная тень. Пещеры поглотили солнце. Не оставайся здесь. Я знаю, когда ты уйдешь, пасти пещер раскроются, чтобы поглотить нас. Но все равно я говорю тебе — уходи! Уходи и живи счастливо со своим Ронджоном, далеко от этого города, там, где люди не терзают так безжалостно лоно матери-земли. *(Снова делает несколько шагов и возвращается.)* Нондини, в руке у тебя гирлянда из красных олеандров. Дай мне один цветок.

Нондини. Зачем он тебе?

Ученый. Мне кажется, будто в этих красных цветах таится какое-то предзнаменование.

Нондини. Предзнаменование? Я ничего не знаю.

Ученый. Может быть, это знает твоя судьба. В красных цветах не только красота, в них есть что-то наводящее ужас.

Нондини. Ужас?

Ученый. К сожалению, мне неизвестно, что тебе суждено парисовать красным цветом, который вложил в твои руки Всевышний. Есть белые цветы — малоти, моллика, чамели, почему ты не взяла их, а выбрала именно этот цветок? Не знаешь? Вот так же, слепо, мы выбираем нашу судьбу!

Нондини. Ронджон иногда ласково называл меня Красным цветком. Мне кажется, красный цвет — цвет его любви. Поэтому я и ношу эти цветы на шее, на груди и на руках.

Ученый. Подари мне один цветок, этот мимолетный дар, я попытаюсь понять его истинную суть.

Нондини. Возьми. Сегодня я увижу Ронджона. Сегодня я счастлива, поэтому дарю тебе цветок.

Ученый уходит. Появляется Гокул, рудокоп.

Гокул. Эй, женщина, иди сюда! Ты кто такая? Я никак не могу понять тебя.

Нондини. Я — только та, кого ты видишь, — не больше! Зачем тебе понимать меня?

Гокул. Я не люблю, когда не могу понять что-нибудь. Почему Раджа велел привести тебя сюда?

Нондини. Наверное, потому, что я не нужна ему.

Гокул. Я уверен, ты колдунья. Ты всем расставила ловушки. Тем, кто попадает в сети твоей красоты, грозит смерть. Что у тебя за цветы?

Нондини. Красные олеандры.

Гокул. Зачем они?

Нондини. Просто так.

Гокул. Я не верю тебе. Ни одному слову. У тебя на уме недоброе! Сегодня случится какое-то несчастье! Не зря ты украсила себя красными олеандами!

Нондини. Почему ты думаешь обо мне так плохо?

Гокул. Ты похожа на зловещий факел, пылающий красным огнем! Нужно предупредить всех, что сегодня случится несчастье... Берегитесь! Берегитесь!

Гокул убегает. Нондини приближается к Завесе.

Нондини. Слышишь меня?

Голос (из-за Завесы). Да, слышу, но не мешай мне. Я занят.

Нондини. Позволь мне войти. Мое сердце полно радости.

Голос. Нет, нет, тебе нечего делать во дворце.

Нондини. Я сплела тебе гирлянду из белых цветов и положила на поднос из листьев лотоса.

Голос. Носи эту гирлянду сама.

Нондини. Она мне не идет. На мне гирлянда из красных олеандров.

Голос. Я подобен горной вершине, отсутствие украшений — вот мое украшение.

Нондини. Гирлянда белых цветов будет ниспадать на твою грудь, словно горный водопад. Подними Завесу, я войду к тебе.

Голос. Нельзя! Говори скорей, что хотела сказать. У меня нет времени.

Нондини. Ты слышишь песню вдалеке?

Голос. О чем она?

Нондини. Это песня начала зимы. Созрел урожай, нужно его собирать.

(Поет.)

Эта песня раздается

С пашен и полей.

Где ты, сборщик урожая?

Хэй, хэй, хэй!

Разве ты не видишь, как сливается солнечный свет с золотом созревшего риса?

Рис на поле колосится,

И в сиянье золотистом

Солнечных лучей

Нива стала золотая!

Хэй, хэй, хэй!

Выходи, Раджа, в поле, посмотри, какой урожай!

Даже солнце в небе радо

Золоту полей.

Кто сидит сегодня дома?

Выходи скорей!

Г о л о с. В поле? Что мне там делать?

Н о н д и н и. Работа на поле проще твоих занятий.

Г о л о с. Простая работа трудна мне. Река не может струить свои воды, танцуя, как игривый ручеек. Оставь меня, я занят.

Н о н д и н и. Сила твоя изумительна. Когда ты повел меня в свою сокровищницу, не огромные золотые слитки удивили меня — я была поражена силой и легкостью, с какой ты поднимал и расставлял их. Но разве глыбы золота более достойны твоих рук, чем поля, где созрел урожай? Неужели ты не боишься, Раджа, держать в руках мертвые сокровища земли?

Г о л о с. Чего мне бояться?

Н о н д и н и. Земля счастлива сама отдать людям свои сокровенные дары. Но когда из ее недр достают истлевшие кости и выдают их за сокровища, вместе с ними на свет выносят проклятия демонов. Ты не заметил, что в сердцах всех окружающих злорадство, сомнение, страх?

Г о л о с. Ты говоришь «проклятие»?

Н о н д и н и. Да, проклятие стяжательства и убийства.

Г о л о с. Ну и что? Зато мы добываем могущество из темных глубин земли! Мое могущество не восхищает тебя, Нондини?

Н о н д и н и. Да, восхищает. Поэтому я и прошу тебя выйти на солнечный свет, ступить на землю, чтобы земля была рада тебе.

(Поет.)

Утром — небо голубое,
Все в росе сверкает поле,
Вспыхивая тысячью огней.
Хэй! Хэй! Хэй!

Г о л о с. А знаешь, Нондини, тебя тоже скрывает Завеса — Завеса твоей красоты! Я хочу сорвать ее, схватить тебя в объятия, любоваться тобой или разбить тебя вдребезги.

Н о н д и н и. Что ты говоришь!

Г о л о с. Я хочу взять цвет твоих олеандров, чтобы украсить себя. Но нежные лепестки не позволяют мне сделать это. Ты нежна, но в этом твоя защита. Скажи откровенно, что ты думаешь обо мне?

Нондини. Потом скажу. Мне надо идти.

Голос. погоди. Скажи, что ты думаешь обо мне?

Нондини. Разве я не говорила уже много раз? Ты прекрасен. Сила играет в твоих руках, точно облака, клубящиеся перед бурей. Сердце мое танцует в восхищении!

Голос. А когда ты видишь Ронджона, твое сердце тоже танцует?

Нондини. Ты говорил, тебе некогда.

Голос. На это у меня есть время. Ответь и можешь идти.

Нондини. Когда я вижу Ронджона, мое сердце танцует совсем в другом ритме. Но ты не поймешь этого.

Голос. Пойму. Должен понять.

Нондини. Мне трудно объяснить тебе... Я лучше пойду.

Голос. Скажи мне хотя бы, нравлюсь я тебе?

Нондини. Да.

Голос. Как Ронджон?

Нондини. Опять тот же вопрос! Я ведь сказала, что ты не поймешь.

Голос. Кое-что я все-таки понимаю. Я знаю разницу между мной и Ронджоном. У меня — только сила, а у Ронджона — волшебство.

Нондини. О чем ты говоришь?

Голос. Как объяснить тебе? Под землей покоятся большие камни, железо, золото. Они воплощение силы. Но на поверхности растет трава, расцветают цветы — здесь проявляется волшебство природы. Я могу извлекать алмазы и рубины из сокровенных глубин земли, но я не могу овладеть волшебством жизни, которое играет вокруг меня.

Нондини. У тебя есть все, что только можно пожелать. Зачем же ты вечно алчешь чего-то еще?

Голос. Все, чем я владею, тяжкое бремя. Сколько бы ни было у меня золота, я не могу создать философского камня. Вся моя сила, все мое могущество не могут вернуть мне молодости. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом. О, если бы я был так же молод, как Ронджон! Даже влали я держал бы тебя крепче, чем если б ты была в моих объятьях. Мне все время приходится вязать сеть. Эта сеть может уловить все, — только не радость.

Нондини. А теперь ты сам запутался в своей сети. Зачем же ты продолжаешь плести ее?

Голос. Ты не поймешь. Я подобен пустыне, я протираю свои руки к тоненькой травинке и восклицаю: «Я устал, я обнажен, я спален зноем». Неутолимая жажда безжизненной пустыни поглощает одно зеленеющее поле за другим — и не находит утоления.

Нондини. Никто не догадывается, как ты устал. Ты кажешься всемогущим.

Голос. Некогда в далеких краях я видел нагую вершину горы, которая была так же утомлена, как и я. Я не догадывался, что каждый ее камень исполнен боли. Но однажды глубокой ночью я услышал шум: казалось, какой-то великан стонал во сне. Наутро я увидел, что землетрясение превратило гору в хаос обломков. Тогда я понял, что избыток силы губителен для ее обладателя. Но в тебе я вижу совсем другое.

Нондини. Что же?

Голос. Ритм танца жизни.

Нондини. Не понимаю.

Голос. Ритм, облегчающий ужасающее бремя существования. Ритм, в котором звезды и планеты, будто бродячие скоморохи, танцуют на небе. Этот ритм — секрет твоей простоты и совершенства. Как слаба ты по сравнению со мной, но я завидую тебе!

Нондини. Ты отгородился от всех и поэтому лишил себя всего. Почему ты не хочешь стать проще и доступнее?

Голос. Я держусь в отдалении от людей потому, что так легче грабить мир — эту большую сокровищницу. Но все-таки есть на свете вещи, которых ты легко касаешься прекрасными лотосами пальцев, а я не могу достать их, как бы силен ни был. Эти сокровища бог держит в своей руке. Когда-нибудь я заставлю его разжать пальцы.

Нондини. Я не понимаю, когда ты начинаешь так говорить! Лучше я пойду.

Голос. Ладно... Нет, подожди! Смотри, я высовываю свою руку. Дай мне твою.

Нондини. Я вижу лишь твою руку, но не тебя самого. Мне страшно.

Голос. Стоит мне сказать: «Дай руку!» — как все пугаются. Но если бы я хотел притянуть тебя не рукой, а

всем своим существом, пришла б ты ко мне тогда, Нондини?

Нондини. Зачем спрашиваешь, ведь ты сам не разрешаешь войти.

Голос. Я не хочу, чтобы ты направила мою ладью против течения моих занятий. Тебя должен принести попутный ветер. Пусть даже это будет ветер бури. Но час еще не настал.

Нондини. Ронджон принесет с собой этот ветер... Его приход — всегда праздник, праздник свободы и воли.

Голос. Я знаю, кто усладил нектаром красных олеандров праздник твоего Ронджона. Ты говоришь о празднике — но где же нектар?

Нондини. Я хочу уйти.

Голос. Сначала ответь.

Нондини. Как усладить праздник свободы, ты поймешь, когда увидишь Ронджона. Он так прекрасен.

Голос. Прекрасное отвечает только прекрасному. Струны вины не терпят насилия, они рвутся. Но хватит, Уходи. Не то быть беде.

Нондини. Я ухожу. Я только хочу сказать тебе, что мой Ронджон придет сегодня, обязательно придет. Тебе не остановить его.

Она уходит. Появляются Пхагулал и его жена Чондра

Пхагулал. Где ты спрятала бутылку, Чондра? Давай ее!

Чондра. Ты хочешь пить с утра?

Пхагулал. Разве сегодня не праздник! Вчера молились Богине разрушения. Сегодня день поклонения Флагу и праздник Оружия.

Чондра. Разве это праздники в честь настоящих богов?

Пхагулал. Тут все перемешано: и храмы, и оружие, и вино.

Чондра. Неужели, если не работать, надо обязательно пить? В нашей деревне ты никогда...

Пхагулал. Если птицу отпускают в лесу, она летит, куда хочет, в клетке же она беспрестанно бьется о стальные прутья. В этом городе праздник — еще большее проклятье, чем работа.

Чондра. Тогда вернемся обратно в деревню!

Пхагулал. Этот путь закрыт для нас навсегда.

Чондра. Почему?

Пхагулал. Мы не приносим им дохода, когда живем там.

Чондра. Значит, мы приросли к этому месту, как шелуха к зерну?

Пхагулал. Наш безумный Бишу говорит: только козлу нужно все его тело. Те же, кто едят его, отбрасывают рога, копыта и хвост. А уж на бляенье козла, которого тащат на убой, им и подавно наплевать... О, я слышу песню, этот безумец идет сюда.

Чондра. Бишу стал петь только последние дни.

Пхагулал. Верно.

Чондра. Он околдован Нондини. Она похитила и его сердце, и его песни.

Пхагулал. Ничего удивительного.

Чондра. Конечно, но ты поостерегись. Если она и тебя заставит петь, пропали наши соседи... Она колдунья! Быть беде!

Пхагулал. Бишу она не принесла несчастья, он знал ее еще до того, как попал сюда.

Чондра (зовет). Бишу, иди к нам! Здесь тоже есть кому слушать песни.

Входит Бишу.

(Поет.)

Это ветер безумья пришел,
И, со слабым рассудком споря,
Он срывает с причала ладью
И уносит в далекое море.

Пусть покинет память меня
И расколота будет ладья
О далекий, пустынный берег.

Чондра. Увы, у нас нет больше надежды!

Бишу

(поет)

Все надежды давно разбиты.
То, что было, — теперь забыто.

Ты лицо свое долго скрывала,
Так отбрось же скорей покрывало
И взгляни на меня с улыбкой.

Чондра. Я знаю, что это за ветер, который несет твою ладью!

Бишу. Как можешь ты знать, ведь тебя нет со мной в ладье?

Чондра. Твоя лодка скоро потонет, поверь моему слову, и виновата во всем будет твоя разлюбезная Нондини.

Входит Гокул.

Гокул. Послушай, Бишу, мне тоже что-то не по душе эта Нондини.

Бишу. Что она тебе сделала?

Гокул. Ничего. В том-то и все дело. Зачем она Радже? Не понимаю ее.

Чондра. Противно видеть, как она кичится красотой, в то время как мы страдаем.

Гокул. Странная она какая-то. Не то, что другие женщины, толстые, здоровые.

Бишу. Самое страшное то, что в этом городе прекрасное вызывает презрение. Даже в аду есть прекрасное; но там никто не может понять его. И это — худшее наказание для грешников.

Чондра. Мы-то, может быть, и глупы, но даже Правитель не выносит эту Нондини!

Бишу. Берегись, Чондра. Как только Правитель увидит нас, у него краснеют глаза. Как бы тебе не заразиться этой болезнью!.. А ты что скажешь, Пхагулал?

Пхагулал. По правде говоря, брат, когда я вижу Нондини, мне становится стыдно за себя. При ней я не могу произнести ни слова.

Гокул. Бишу! При виде этой девушки ты забываешь обо всем на свете. Поэтому ты не замечаешь, что она приносит несчастье. Когда вы поймете, будет уже поздно.

Пхагулал. Бишу, Чондра хочет знать, для чего мы пьем. Объясни!

Бишу. В великой своей милости бог разлил вино по всему миру: оно даже во взглядах женщин. Наши руки,

Р. Тагор
Шантиникетон (1930)

руки мужчин, создают вещи. А женские руки даруют нам вино объятий. В этом мире приходится не только зарабатывать деньги, но и забывать, как они достаются. А как можно было бы забыть, если б не вино?

Чондра. Бог снисходителен к таким пропойцам, как вы. Вот он и дает вино...

Бишу. Нас плетью хлещут голод и жажда. «Работай!» — кричат они. В то же время нас опьяняют зелень лесов и золото солнечного света. Они кричат: «Отдыхай!»

Чондра. Разве природа может опьянять?

Бишу. Да, хотя это не такое опьянение, которое валит с ног. Возьми, например, меня. Я работаю глубоко под землей, в темных пещерах, и мне недоступно опьянение красотой природы, поэтому я ищу опьянения в вине, продающемся на рыночной площади. Оно мне нужно, как воздух.

(Поет.)

Выпит напиток жизни, чаша пуста давно,
Пусть же ее наполнит терпкое смерти вино,
Пепел костров погребальных вечно таится в нем,
Много людей несчастных глушит тоску вином.
Хохот его раздается в бездне небытия.

Чондра. Послушай, брат, бежим из этого города!

Бишу. Бежать? Куда? На лоно природы, раскинувшейся под голубым балдахинем неба, пить вино ее красоты? Увы, нам заказаны все дороги. Мы ищем забвения в краденном вине тюрьмы, где мы живем. Над нами нет неба: нет неба — и нет времени любоваться им. Поэтому нам приходится искать всего, чего мы лишены: песен, смеха и солнечного света — в глотках жидкого огня. Или долгое рабство, или полная свобода!

(Поет.)

Нет солнца для тебя, всё облака закрыли.
Твой день померк среди забот постылых.
Пусть ляжет ночь туманной пеленой
На лик усталый твой!
Пусть будет ночь последним другом
Всех утомленных и хмельных.

Чондра. В этом городе вы, мужчины, опускаетесь все ниже и ниже. Но мы, женщины, остаемся прежними.

Бишу. Разве? Нет, Чондра, ваши цветы увяли, а сами вы продались в рабство ради золота.

Чондра. Это ложь! Нет, нет!

Бишу. А я говорю: да! Почему Пхагулал работает двенадцать часов в день, а потом еще четыре сверхурочно? Он и сам не понимает. Да и ты вряд ли понимаешь. Но я знаю, ты жаждешь золота! Его подгоняют не бичи надсмотрщиков, а твоя алчность.

Чондра. Отчего нам не уйти отсюда? Отчего не вернуться обратно в наши деревни?

Бишу. Правитель не только закрыл дорогу назад, но и лишил нас желания возвращаться. Если уйдешь сегодня, то завтра тебя позовет золото, и ты опять будешь здесь. Так возвращается в клетку птица, привыкшая клевать опиум.

Пхагулал. Я помню, Бишу, когда-то ты портил свои глаза, читая книги. Почему же теперь тебе пришлось взять в руки лопату и работать вместе с нами, неучами?

Чондра. Он никогда не отвечает на этот вопрос.

Пхагулал. Но мы-то сами знаем, в чем дело.

Бишу. В чем же?

Пхагулал. Тебя наняли следить за нами!

Бишу. Если вы так думаете, почему же вы не убьете меня?

Пхагулал. Мы знаем, что это занятие оказалось не по тебе.

Чондра. Отчего ты не смог удержаться на такой легкой работе?

Бишу. Ты думаешь, это хорошая должность — быть нарывом на спине у ближнего! Я сказал: «Хочу вернуться домой, у меня плохое здоровье». — «Бедняга, — ответил Правитель, — как ты пойдешь домой в таком состоянии? Ну что ж, попробуй. Посмотрим, что у тебя выйдет?» И я попробовал. Но если человек попадет в пасть города, челюсти захлопываются, и путь назад отрезан. Меня проглотил Джокхопури, и я не надеюсь уже, что снова увижу свет. Теперь Правитель смотрит на меня с еще большим презрением, чем на вас. В этом единственная разница между мной и вами. Разбитый глиняный горшок уже ни

на что не годен, а с порванных банановых листьев еще можно есть.

П х а г у л а л. Не беспокойся, Бишу! Мы все тебя очень уважаем.

Биш у. Я пропаду, если это узнают. Ваше уважение навлечет на меня подозрения Правителя. Чем громче одна лягушка кличет другую, тем быстрее ее найдет змея.

Ч о н д р а. Когда же кончится твоя работа?

Биш у. В календаре нет дня, который был бы последним. За первым днем идет второй, за вторым — третий. Мы врываемся все глубже и глубже в землю. Мы добываем все новые золотые слитки, за первым второй, за вторым третий, и так без конца. Но какой в этом смысл? Мы перестали быть людьми, мы только номера. Пхагулал, какой твой номер?

П х а г у л а л. Я № 47 из квартала «Ф»: вон на спине написано.

Биш у. А я № 69 из квартала «Нго». В деревне я был человеком, а здесь стал № 69. Они издеваются надо мной, как хотят.

Ч о н д р а. Братья, они собрали горы золота, чего же им еще надо?

Биш у. Все необходимое имеет конец. Насытившись, мы кончаем есть, ибо еда — необходима. Но пьянство не вызывается необходимостью, и поэтому ему нет конца. Это золото — то же вино, вино для нашего Раджи. Поняла?

Ч о н д р а. Нет.

Биш у. Когда мы держим в руках чашу с вином, когда мы пьяны, мы забываем о своих оковах. Наш властелин тоже бывает пьян, пьян золотом, и ему кажется, что он освободился от бремени своего веса и парит где-то в недосягаемой высоте.

Ч о н д р а. Сейчас в деревне готовятся к празднику Урожая. Уйдем домой! Если б мы пошли к Правителю и сказали ему...

Биш у. Разве ты можешь понять своим женским умом, что за человек Правитель!

Ч о н д р а. А мне кажется, он такой милый...

Биш у. Да, милый и скользкий. Скользкий, как зубы мокора, которые заходят один за другой так плотно, что

даже сам Раджа, если бы захотел, не смог разжать его пасти.

Чондра. Вот он идет — Правитель.

Бишу. Нам придется плохо. Он наверняка слышал, о чем мы говорили.

Чондра. Но мы же не сказали ничего такого...

Бишу. Сестра, мы только произносим слова. Значение вкладывают другие. Поэтому никто не знает, какие слова несут беду.

Входит Правитель.

Чондра. Господин Правитель!

Правитель. Да, дитя мое.

Чондра. Разрешите нам на время вернуться домой.

Правитель. Зачем? Разве у вас плохие комнаты? Разве они не лучше ваших деревенских? Мы даже наняли часовых, чтобы охранять вас, — и все за казенный счет. Привет тебе, № 69-Нго! Видя тебя здесь, среди этих людей, я вспоминаю журавля, который учил танцевать цапель.

Бишу. Ваша шутка не веселит меня, господин Правитель. Если бы у меня было достаточно сил, я бы не учил танцевать, а удрал бы из этого города. Я много видел и хорошо понимаю, как опасно заставлять других плясать под свою дудку. Мои ноги дрожат при ходьбе — где же мне танцевать?

Правитель. Сын мой, есть хорошие вести. Я послал за Проповедником. Он наставит людей на путь истинный. Правда, им придется отблагодарить его. Но зато каждый вечер они...

Пхагулал. Боюсь, из этого ничего не выйдет, господин Правитель! Сейчас мы только пьем и буяним по вечерам, но если нам будут читать проповеди, дело кончится смертоубийством!

Бишу. Замолчи, Пхагулал! Что ты!

Входит Проповедник.

Правитель. Вот и он, легок на помине. Приветствую вас! Наши рабочие часто чувствуют смятение в своих слабых душах. Соболаговолите шепнуть им слова мира. Это нужно для их же пользы.

Проповедник. Вы говорите об этих людях? Разве они не воплощение священной Черепахи, о которой повествуют наши древние книги, — Черепахи, которая держит на спине весь земной мир? Разве они не так же кротко стгибают свои спины под ношей? Одна мысль об этом переполняет мое сердце гордостью за них! Подумай только, мой друг № 47, это ты, именно ты, а не кто иной, добывает пищу устам, кои произносят священное имя бога и распевают гимны. В поте лица своего соткал ты это одеяние, расшитое священными именами, оно укрывает мое тело, преданное богу. Слова мои бессильны воздать тебе хвалу. Да снизойдет мир в душу твою. Благословляю тебя... Друзья мои, повторяйте громко имя «Хари», и вы сразу почувствуете облегчение. Имя Хари нужно поминать в самом начале любого дела, в середине и в конце.

Чондра. Как прекрасны эти слова! Давно я не слышала ничего подобного! О, позвольте, позвольте мне взять прах от ваших ног.

Пхагулал. Зачем вы испытываете наше терпение, господин Правитель? Если вы хотите от нас приношений, это мы еще выдержим. Но от ханжества нас тошнит.

Бишу. Уж если Пхагулал закусил удила, с ним не совладать!

Чондра. Мало того, что ты испортил себе жизнь в этом мире, ты хочешь погубить свою душу. Раньше ты не был таким. Я уверена, это все дурное влияние Пондини!

Проповедник. Какая милая наивность, господин Правитель! Что у пих на уме, то и на языке... Не знаю, кто кого должен учить: мы их или они нас. Вы знаете, что я имею в виду?

Правитель. Да. Я чувствую сильный дух мятежа. Пройдите свои священные гимны в следующем квартале, где живут пильщики. Они почему-то недовольны, ропшут.

Проповедник. В какой квартал я должен идти?

Правитель. В квартал «Т». Там старостой № 71-Т. Этот квартал кончается слева, там, где начало квартала «Н».

Проповедник. Если квартал «Т» и не совсем спокоен, зато квартал «Н» пребывает в состоянии полной покорности. Теперь они готовы слушать мои проповеди. Но я думаю, лучше не спешить с выводом стражников,

отправленных туда. Пусть они побудут там еще немного. Как говорят наши священные книги: «Гордыня — наш злейший враг». После того как стража сломила гордыню, наступает мой черед.

Чондра. Простите этих людей, благословите их, чтобы они не сходили с праведного пути.

Проповедник. Не опасайся, добрая женщина, все они будут наставлены на путь истины. *(Уходит.)*

Правитель. Послушай, № 69-Нго, мне кажется, в твоём квартале есть недовольство.

Бишу. Ничего странного. Проповедник назвал нас воплощением Черепахи. Но, согласно священным текстам, в следующем рождении Черепаха стала Кабаном и вместо прочных роговых пластинок у нее появились острые клыки! И терпение превратилось в упрямство.

Чондра. Замолчи, Бишу! Господин Правитель, не забудьте моей просьбы.

Правитель. Ладно. *(Уходит.)*

Чондра. Вот видите, какой милый человек наш Правитель! Он улыбается всякий раз, когда говорит с нами!

Бишу. Мокор тоже показывает зубы, когда улыбается. От этого он не становится менее кровожадным.

Чондра. Я не верю, чтобы господин Правитель был кровожадным!

Бишу. Разве ты не знаешь, что он собирается запретить женам рабочих жить здесь, в этом городе?

Чондра. Почему?

Бишу. Мы, мужчины, для них только номера, они записывают нас в счетные книги, но женщин нельзя вести к голым цифрам.

Чондра. Как же так? Разве у них нет жен?

Бишу. Их супруги опьянены вином золота еще больше, чем они сами.

Чондра. Бишу, в деревне у тебя была жена, что стало с ней?

Бишу. Когда я выполнял почетные обязанности соглядатая, господа приглашали ее в свои дома, она играла в карты с их женами. С тех пор как я стал рыть землю вместе с Пхагулалом, ее перестали приглашать, и она бросила меня.

Чондра. Какой грех!

Бишу. В наказание за этот грех в следующем рождении она будет женой Правителя!

Чондра. О, посмотри, брат Бишу, какая пышная процессия! Сколько народу! Один паланкин за другим! Видишь, как сверкают занавески на балдахинах, которые несут на себе слоны. Как прекрасны эти всадники! Кажется, будто они несут кусочки солнца на концах своих пик!

Бишу. Жены Правителей следуют на торжественный праздник поклонения Флагу.

Чондра. Боже мой, какие наряды! Как красиво!.. Бишу, если бы ты продолжал оставаться соглядатаем, и тебе бы нашлось местечко в этой роскошной процессии? Твоя жена тоже была бы там?

Бишу. Конечно.

Чондра. Неужели тебе нет пути назад?

Бишу. Путь обратно есть, но это путь, ведущий через сточную канаву.

Голос издалека. Бишу! Мой безумный, где ты?

Бишу. Я здесь, моя безумная девочка!

Пхагулал. Это Нондини. Теперь Бишу будет не до нас.

Чондра. Скажи мне, Бишу, чем тебя очаровала Нондини?

Бишу. Чарами печали.

Чондра. Зачем ты говоришь загадками?

Бишу. Вам не понять. Нет большей печали, чем забыть некоторые печали.

Пхагулал. Бишу, говори яснее. Твои загадки надоели.

Бишу. Желание обладать близким и доступным существу животным, но печаль, проистекающая из стремления к дальнему и недостижимому, — удел человека. Пламя этой извечной печали светится в глазах Нондини.

Чондра. Брат, мы не понимаем твоих речей. Я понимаю только одно: чем загадочнее девушка, тем больше она влечет мужчину. Мы — простые женщины, мы немного стоим, но зато мы не позволяем вам, мужчинам, сойти с прямого пути. Помяни мое слово, эта девушка с гирляндами из красных олеандров в конце концов погубит тебя.

Чондра и Пхагулал уходят. Появляется Нондини.

Нондини. Мой безумец, ты слышал песню, с которой люди шли в поле?

Бишу. Как я могу слышать пение по утрам? Разве мое утро похоже на твое? Мое утро — лишь жалкий остаток утомительной ночи.

Нондини. Мое сердце было исполнено радости, я хотела подняться на крепостной вал, чтобы петь эту песню вместе со всеми, но охранники прогнали меня. Вот я и пришла к тебе.

Бишу. Я же не крепостной вал!

Нондини. Для меня ты — крепостной вал. Когда я рядом с тобой, мне кажется, что я забралась очень высоко и мне видно далеко-далеко.

Бишу. Странно слышать это от тебя.

Нондини. Почему?

Бишу. С тех пор как я попал в Джокхопури, я уже не могу видеть далеко — не вижу даже неба; я чувствую себя так, будто меня растолкли и перемешали в большой ступе вместе со всеми людьми, которые живут здесь. Но когда ты подошла ко мне и заглянула в мое лицо так, как ты это умеешь делать, мне показалось, что во мне еще жив свет.

Нондини. В этом проклятом городе остался только небольшой кусок неба — надо мной и тобой, мой безумец.

Бишу. По этой части неба летят к тебе мои песни.

(Поет.)

Чтобы песню услышать мою,

Ты меня пробудила от сна,

Ты мои пробудила печали!

И душа этой песней полна.

О, манящая в смутные дали!

Скоро сумрак должен сгуститься,

Возвращаются в гнезда птицы,

Лодка в гавань родную стремится,

Только сердце не знает покоя,

О, манящая в смутные дали!

Нондини. Бишу, безумец, это меня ты называешь так?

Бишу. Ты — вестница далекого берега. В тот день, когда ты появилась в нашем городе, я почувствовал, как мое сердце овеял соленый ветер моря.

Тьма моих горестей не поредела —
Скорбь моя так же не знает предела.
Коснувшись меня, как ветер,
Ты мимо прошла, не заметив,
Кто может сказать мне, где ты?
За ширмой моих мучений,
За занавесом печалей,
Стоишь ты безмолвной тенью,
Хоть помнишь меня едва ли.

Нондини. Но я никогда не слышала о печалях, про которые ты пел сейчас.

Бишу. Даже от Ронджона?

Нондини. Даже от него. Он держит по веслу в каждой руке и везет меня на лодке через бурные воды. Хватает за гриву дикого коня и скачет вместе со мной сквозь джунгли. Он пронзает прыгающего тигра стрелой и смеется над моим испугом. Бросается в реку и рассекает ее воды радостными взмахами рук. Так же врывается он и в мою жизнь. Он ставит все на карту — и выигрывает. Он выиграл и меня. Ты тоже был в этой игре, но сам вышел из нее. Уходя, ты посмотрел мне в глаза взглядом, который я не поняла и не могу понять до сих пор. Прошло много лет, а я так и не знаю, что с тобой было, где ты пропал. Расскажи мне обо всем.

Бишу
(поет)

Пускай эти слезы заполнят
Печали моей океан,
Обрушатся шумные волны
На берег далеких стран.
Ладью моей жизни сорвало с причала,
Она, словно щепка, беспомощна стала.
Куда ее гонит, в какие пределы,
Сквозь волны, и дождь, и туман?

Нондини. Кто же заставил тебя покинуть свой далекий край, работать в пещерах и добывать самородки?

Бишу. Женщина. Как птица, пронзенная стрелой, я упал с высоты и разбился в прах. Я не помнил себя тогда...

Нондини. Как она сумела пленить тебя?

Бишу. Когда сердце, томимое жаждой, мечется в поисках влаги, его нетрудно обмануть, и оно готово следовать за любым миражем сквозь безрадостные пустыни. Однажды я любовался золотом вечерних облаков, а эта женщина смотрела на золотой шпиль дворца Правителя. Она взглянула на меня и сказала, что будет уважать меня только, если я введу ее во дворец. Я, в глупой заносчивости, обещал, что исполню ее желание. Было уже поздно, когда я наконец понял свою ошибку.

Нондини. Мне хочется увести тебя из Джокхопури. Я порву твои золотые цепи.

Бишу. Ты покорила даже Раджу. Разве есть в мире что-нибудь такое, что могло бы остановить тебя? А ты не боишься Раджи?

Нондини. Когда я была по эту сторону Завесы, то боялась. Но теперь я видела Раджу.

Бишу. Какой он?

Нондини. Он человек, но огромен. Его лоб — словно ворота храма, его руки — стальные засовы неприступной крепости. Он похож на героев «Махабхараты» и «Рамаяны».

Бишу. Скажи мне, что ты увидела, когда попала к нему?

Нондини. На его левой руке сидел сокол. Раджа посадил его на жердочку и взглянул на меня. Так же ласково, как только что гладил сокола, он коснулся моей руки, потом спросил: «Нондини, неужели ты не боишься меня?» — «Нисколько», — ответила я. Тогда он погрузил пальцы в мои волосы и долго сидел с закрытыми глазами.

Бишу. Что ты ощущала при этом?

Нондини. Как тебе объяснить? Мне казалось, что он могучий тысячелетний баньян, а я маленькая птичка, качающаяся на его ветке. Я чувствовала, что наполнила его сердце радостью. Мне было приятно доставить радость его одинокой душе.

Бишу. Дальше?

Но н д и н и. Раджа посмотрел мне в глаза. Взгляд его подобен копью, устремленному прямо в лицо. Он спросил: «Кто ты? Я хочу знать тебя». Я испуганно спросила: «Зачем? Я ведь не рукопись, которую можно прочесть». — «Мне известно все, что написано в рукописях, — сказал он, — но я не знаю тебя». Потом он воскликнул: «Расскажи мне о Ронджоне, о своей любви...» Я ответила: «Как руль, погруженный в воду, любит парус, поднятый в небо, — так я люблю Ронджона. Парус и руль в одном ритме исполняют свой танец, скользя по волнам». Он слушал меня. В его глазах зажглась ревность. Вдруг он воскликнул: «А ты могла бы умереть ради него?» — «Хоть сейчас», — ответила я. «Нет, нет, никогда!» — Он пришел в ярость. «Хоть сейчас», — повторила я. «Что это даст тебе?» — «Не знаю». Тогда он вскочил и закричал: «Уходи прочь! Уходи, не мешай моим занятиям!» До сих пор не могу догадаться, почему он так рассердился.

Б и ш у. Он рассердился, потому что не понял тебя. Он терпеть не может, когда чего-нибудь не понимает.

Но н д и н и. Бишу, разве тебе не жаль его?

Б и ш у. В тот день, когда бог смилостивится над ним, он умрет.

Но н д и н и. Нет, нет, ты не знаешь, как отчаянно он хочет жить.

Б и ш у. Хочет жить? Сегодня ты сама увидишь, каков он. Хватит ли у тебя сил выдержать?

Но н д и н и. Посмотри. Видишь эту тень? Я уверена — это Правитель. Он подслушивает наш разговор!

Б и ш у. Его тень падает на весь город. От нее нигде не укрыться. Что ты думаешь о Правителе?

Но н д и н и. Я никогда не видела никого, кто был бы так безжизнен, как он. Он подобен высохшей ветке.

Б и ш у. Чтобы распоряжаться жизнями других, он лишил ее себя, о несчастный!

Но н д и н и. Тише, тише, он может услышать нас.

Б и ш у. Он слышит нас, даже когда мы молчим, — а это еще опаснее. Среди рабочих я никогда не разговариваю о Правителе. Эти люди оставляют меня в живых, потому что я для них ничтожество. Меня даже не наказывают палкой. Но с тобой, безумная девочка, во мне пробуждается чувство гордости. Я отбрасываю осторожность,

Но п д и н и. Нет, нет, ты не должен бессмысленно рисковать. Смотри, это он. Сюда идет Правитель.

Входит П р а в и т е л ь.

П р а в и т е л ь. Привет, № 69-Нго. Ты, я вижу, водишь дружбу с кем попало, без всякого разбора.

Б и ш у. Да, когда-то я ведь был вашим другом. Это тоже свидетельство моей неразборчивости?

П р а в и т е л ь. О чем вы говорили сейчас?

Б и ш у. Советовались, как убежать из вашей крепости, из этого города.

П р а в и т е л ь. Неужели? И ты не боишься сказать мне об этом?

Б и ш у. Вы же все равно знаете, господин Правитель. Птица клюет железные прутья не потому, что ей нравится клетка. Сказать или умолчать — какая разница?

П р а в и т е л ь. Еще бы! Кому нравится клетка? Но говорить так смело — это что-то новое.

Но п д и н и. Вы обещали, что сегодня Ронджон будет в городе. Вы сдержите слово?

П р а в и т е л ь. Ты увидишь его сегодня.

Но п д и н и. Я знала это! Вы вселили в меня надежду, я вам так благодарна! Господин Правитель, примите эту гирлянду жасминов.

Б и ш у. Зачем ты отдаешь ее? Оставь для Ронджона.

Но п д и н и. Для него есть другая гирлянда.

П р а в и т е л ь. Я так и думал. Наверное, та, что у тебя на шее. Гирлянда белых жасминов — дар твоей руки, а гирлянда красных олеандров — дар сердца. Ну что ж, дай мне дар руки, цветы эти скоро опадут. А дар твоего сердца станет еще желанней от ожидания. (*Уходит.*)

Но п д и н и (*повернувшись к Завесе*). Ты слышишь меня?

Г о л о с. Говори, что ты хочешь?

Но п д и н и. Подойди ближе.

Г о л о с. Вот я!

Но п д и н и. Я хочу войти к тебе.

Г о л о с. Зачем ты все время просишь об этом? Еще не время. Кто с тобой? Двойник Ронджона?

Бишу. Нет, Раджа, я — та его сторона, которая всегда в тени. Я точно Луна, когда она находится между Землей и Солнцем.

Г о л о с. Что тебе нужно от нее? Кто он тебе, Нондини?

Н о н д и н и. Он мой друг. Тот, с кем я пою. Он учит меня петь.

(Поет.)

Вдали и рядом, над рощей и садом,

Флейта звучит, тоскуя:

«О, как люблю я! О, как люблю я!»

Г о л о с. Он тот, с кем ты поешь? А что, если я нарушу ваш дуэт?

Н о н д и н и. Почему ты так жесток? Неужели у тебя самого нет друзей?

Г о л о с. Разве у полуденного солнца могут быть друзья?

Н о н д и н и. Не знаю... Что ты держишь в руке?

Г о л о с. Мертвую лягушку.

Н о н д и н и. Зачем она тебе?

Г о л о с. Однажды эта лягушка залезла в щель в камне и просидела там три тысячи лет. У нее я научился, как продлить существование, но она не может научить меня, как продлить жизнь. Сегодня мне надоело все это, и я разбил камень, где она скрывалась. Я спас ее от вечного существования. Я сделал доброе дело, не правда ли?

Н о н д и н и. Каменные стены, которые окружают меня, сегодня падут. Я знаю, сегодня я встречу Ронджона.

Г о л о с. Хотел бы я увидеть вас вместе.

Н о н д и н и. Тебе помешает Завеса.

Г о л о с. Я позову вас к себе, позволю вам войти.

Н о н д и н и. Зачем мы тебе?

Г о л о с. Просто так. Я хочу знать вас.

Н о н д и н и. Когда ты говоришь «знать», мне становится страшно.

Г о л о с. Почему?

Н о н д и н и. Мне кажется, ты отвергаешь все, что нельзя постичь умом, а можно лишь почувствовать сердцем.

Г о л о с. Я просто не верю чувству, боюсь, что оно обманет. А теперь уходи, у меня нет времени. Впрочем, нет, подожди. Дай мне твои красные олеандры.

Нондини. Зачем они тебе?

Голос. Мне чудится, будто их алый цвет вещает недоброе. Это цвет Сатурна, планеты зла. Временами мне хочется сорвать с тебя эти олеандры, а иногда мне хочется, чтобы ты подарила мне красный цветок...

Нондини. Что тогда?

Голос. Тогда я, может быть, умер бы спокойно.

Нондини. Я ношу красные олеандры в честь человека, который любит эти цветы.

Голос. Алый цвет и ему предвещает недоброе.

Нондини. Не говори так! Я пойду.

Голос. Куда?

Нондини. К воротам крепости.

Голос. Зачем?

Нондини. Когда придет Ронджон, он увидит, что я жду его.

Голос. А если я уничтожу твоего Ронджона, втопчу его в прах?..

Нондини. Зачем ты делаешь вид, будто хочешь испугать меня?

Голос. Разве ты не знаешь, что я воистину ужасен?

Нондини. Тебе как будто приятно видеть, что люди боятся тебя! В нашей деревне был человек по имени Шрикантихо, он любил рядиться ракшасом. Когда он поднимался на помост, ему тоже приятно было видеть испуг детей. Ты похож на него... Знаешь, что я думаю? Ты не рассердишься?

Голос. Говори.

Нондини. Я думаю, многие живут тем, что запугивают других. Поэтому они и поместили тебя за этой Завесой и одели в странные одежды. Неужели тебе не советно быть пугалом?

Голос. Как ты смеешь?

Нондини. Придет день, и все устыдятся своего страха. Если бы мой Ронджон был сейчас здесь, он не склонил бы перед тобою головы. Даже если бы ему грозила смерть.

Голос. Как ты смела! Я хотел бы возвести тебя на самую вершину горы Разрушенного мной. Тогда..

Нондини. Что — тогда?

Г о л о с. Я уничтожу последнее, что должен уничтожить. Я сожму тебя рукой, как гранат, чтобы красный сок брызнул наружу. Уходи! Сейчас же уходи...

Нондини. Если ты будешь кричать на меня, я не тронусь с места. Можешь делать со мной, что хочешь!

Г о л о с. Поверь мне, я очень жесток. Ты никогда не слышала стонов, которые доносятся из моих внутренних покоев?

Нондини. Слышала. Кто это стонет?

Г о л о с. Я разоблачаю хитрость Творца. Я хочу вырвать то, что таится в самом сердце всего сущего. Это рыдания исторгнутых душ. Чтобы извлечь из дерева огонь, нужно сжечь само дерево. И внутри тебя полыхает пламя, красное пламя, Нондини! Когда-нибудь я извлеку его, я спалю тебя. Тогда я вздохну свободно.

Нондини. Как ты беспощаден!

Г о л о с. Я или беру, или уничтожаю. Уничтожение — это тоже форма обладания.

Нондини. Почему твоя рука сжалась в кулак?

Г о л о с. Голубь улетает, завидев тень коршуна! Уходи!

Нондини. Хорошо, я уйду. Не буду сердить тебя.

Г о л о с. Вернись, Нондини!

Нондини. Да?

Г о л о с. Спереди ты вся, твои глаза, губы — игра жизни... Сзади твои черные волосы — безмолвный поток смерти. Однажды я был счастлив, погрузившись в этот поток. Никогда еще смерть не казалась мне такой желанной. Я бы хотел уснуть — и пусть твои черные кудри покроют мое лицо. Как я устал!

Нондини. Неужели ты никогда не спишь?

Г о л о с. Я боюсь спать.

Нондини. Тогда я допою тебе песню, которую не успела кончить.

(Поет.)

Вдали и рядом, над рошей и садом,
Флейта звучит, тоскуя:
«О, как люблю я! О, как люблю я!»
Разносится, боль пробуждая,
Эта песня простая.

Г о л о с. Довольно, довольно, прекрати!

Н о н д и н и
(продолжает петь)

Этой песни мотив откроет
То, что дно скрывает морское,
И печальной души глубины
Всколыхнет беспричинно,
Он напомним забытые речи
И заставит бывшее плакать.

Смотри, безумный брат мой, он бросил мертвую лягушку.
Он боится песен!

Б и ш у. Старая лягушка, обитающая в его душе, боится песен. Вот почему он испуган. Моя безумная девочка, на твоём лице сегодня странный отсвет, скажи, чем ты встревожена?

Н о н д и н и. Сегодня я увижу Ронджона.

Б и ш у. Откуда ты узнала об этом?

Н о н д и н и. Сейчас скажу... Каждый день под моим окном на дерево садятся сойки. Ложась спать, я поклоняюсь Полярной звезде. «Если хоть одно перышко этих птиц попадет в мою комнату, — думаю я, — это знак, что скоро придет Ронджон». Сегодня утром, проснувшись, я увидела на постели синее перышко, занесенное северным ветром. Видишь, вот оно. Я ношу его на груди.

Б и ш у. Да, я вижу, у тебя стоит красный знак на лбу.

Н о н д и н и. Когда я встречу его, я воткну это перышко в его волосы.

Б и ш у. Говорят, сойки — вестницы победы.

Н о н д и н и. Путь, который приведет Ронджона к победе, лежит через мое сердце.

Б и ш у. Я должен идти. У меня работа.

Н о н д и н и. Я не позволю тебе работать сегодня.

Б и ш у. Что же я должен делать?

Н о н д и н и. Спой песню!

Б и ш у. Какую?

Н о н д и н и. Песню Ожидания.

Б и ш у
(поет)

Ко мне он стремился тщетно столько ночей и дней.
Не он ли сидит сегодня у края дороги моей?

Его ль силуэт знакомый
Мелькнул у соседнего дома
Среди вечерних теней?

Не он ли сидит сегодня у края дороги моей?
Месяц-жених венчался, и музыка света звучала,
Смуглая Ночь-невеста сняла с лица покрывало.

Жду с тобой встречи новой,
Пусть упадут покровы
В музыке лунных лучей!

Не ты ли сидишь сегодня у края дороги моей?

Но и дини. Бишу, безумец, когда ты поешь, я думаю, как велико должно быть воздаяние тебе, но мне нечего дать.

Бишу. Ну, что ж! Я украшу лоб знаком твоего «Мне нечего дать» и отправлюсь дальше своей дорогой. Я не продаю песни за полцены. Все или ничего... Куда мы пойдём?

Но и дини. Мы станем у края дороги, где пройдет Ронджон, там ты снова споешь мне.

Удаляются. Входят Правитель и Староста.

Правитель. Нет, мы не пустим Ронджона в этот квартал.

Староста. Я послал его работать далеко отсюда — в пещеры Боджрогарха.

Правитель. А что он?

Староста. Он, видите ли, не привык, чтобы его заставляли работать.

Правитель. А почему бы его не приучить к этому?

Староста. Главный староста и начальник стражи уже пробовали, но он, кажется, совсем не знает, что такое страх. Ему угрожают — он только смеется. Спрашиваем, почему он смеется, он отвечает, что серьезность — маска глупости и он не хочет носить эту маску.

Правитель. Почему ему не приказали работать вместе со всеми?

Староста. Я приказывал. Думал: теперь его упорство будет сломлено. Не тут-то было. Он стал веселить рабочих и предложил им сплясать «Танец рудокопов»!

Правитель. «Танец рудокопов»? Что это такое?

Староста. Ронджон запел. У них не было барабанов, но Ронджон сказал, это не беда, есть лопаты. Они стали отбивать такт лопатами и, представьте себе, нашли много самородков. Когда главный староста стал ругать их: «Разве так работают?» — Ронджон воскликнул: «Я разорвал пути работы. Теперь не надо подталкивать ее: она пойдет сама собой, весело, словно танцуя».

Правитель. Парень сошел с ума.

Староста. Да, совсем спятил. Я ему сказал: «Берись за лопату». А он: «Принесите лучше саренг. Тогда работа пойдет еще веселее».

Правитель. Как ему удалось убежать из Боджрогарха и прийти сюда?

Староста. Не знаю. Мы заковывали его в цепи, но каждый раз он освобождается. На нем не держатся никакие оковы. Он беспрестанно меняет облик. От него можно всего ожидать. Если он проживет здесь немного, рудокопов не удержишь в узде.

Правитель. Уж не Ронджон ли идет сюда? Где он достал этот разбитый саренг? Каков наглец! Даже не прячется!

Староста. Как он сюда попал? Можно подумать, он волшебник и умеет проходить сквозь стены.

Правитель. Схватите его! Он не должен встретиться с Нондини.

Староста. Смотрите, вокруг него уже толпится народ. Чего доброго, он и нас заставит плясать!

Входит стражник.

Арестуй Ронджона!

Правитель. Куда ты идешь?

Стражник. Арестовать Ронджона.

Правитель. Почему ты? Где твой начальник?

Стражник. Он засмотрелся на Ронджона. И сказал: «Я не хочу иметь с ним дела. Только теперь, услышав смех Ронджона, я понял, какие мы глупцы!»

Правитель. Мне пришла в голову прекрасная мысль. Не арестовывайте его. Пошлите к Радже.

Стражник. Он не послушается нас, даже если мы прикажем именем самого Раджи.

Правитель. Тогда скажите ему, что Раджа сделал Нондини своей рабыней.

Стражник. Но если Раджа...

Правитель. Не твое дело. Пошли, я тоже с тобой.

Они уходят.

Появляются Ученый и Историк, занимающийся изучением древности.

Историк. Послушайте, что это за шум доносится из покоев Раджи?

Ученый. Очевидно, Раджа в гневе на себя самого сокрушает творения своих рук.

Историк. Грохот такой, будто рушатся огромные колонны.

Ученый. Вон там, у подножья гор, было озеро, где собирались воды реки Шонкхини. В озеро обрушилась скала, и с безумным смехом воды выплеснулись наружу. Последнее время, глядя на Раджу, кажется, что так же подмыты и готовы рухнуть скалистые берега озера его души.

Историк. Зачем вы привели меня сюда?

Ученый. Раджа хочет познать все — и все поглотить. Он поглотил почти всю мою науку об истинном смысле вещей. Последнее время Раджа в мрачном настроении. Он говорит, что моя наука сокрушает одну стену только для того, чтобы обнаружить за ней другую. «Эта работа бесконечна и бесплодна, — говорит он, — и я никогда не доберусь до сокровенных покоев, где обитает истинный смысл всего сущего». Я подумал, что, может быть, он забудет обо всем этом, изучая древнюю историю. Теперь, опустошив сундук моих знаний, он станет опустошать историю. Видите эту девушку, которая идет к нам?

Историк. Девушку в сари цвета зеленого рисового поля?

Ученый. Да, ее сари — цвета зеленой листвы, цвета радости земли. Это Нондини. В нашем городе есть Правитель, старосты, рабочие и ученые вроде меня; есть стражники, палачи и подрядчики, — словом, все, кто угодно! И только нет другой такой, как Нондини. Она — словно музыка среди базарного шума. Иногда покрывало моей учености сдувает ветер, веющий от нее. Тогда я испытываю то же, что и птица в полете.

Историк. Боже мой, никогда бы не подумал, что в вашем возрасте могут волновать такие вещи.

Ученый. Любовь к жизни торжествует над любовью к книгам. Воля моя слаба.

Историк. Скажите мне, когда я увижу Раджу?

Ученый. Вы не увидите его. Вам придется говорить с ним сквозь Завесу.

Историк. Разговаривать сквозь Завесу?

Ученый. Да. Помните, что это будет не милая болтовня в женском обществе, а серьезный разговор. Для Раджи важна только суть, процеженная и профильтрованная. Я думаю даже, что коровы его стада дают не молоко, а сразу масло.

Историк. Извлекать сущность из всего — ведь это и есть задача ученых.

Ученый. Возможно, но это не задача бога. Важное призвано защищать незначительное. Всевышний понимает, что косточки плодов нужны. Но любит он все-таки мякоть.

Историк. Послушайте, Ученый, мне кажется, жизнерадостность Нондини захватила и вашу науку! Но я удивляюсь, как вы терпите вашего Раджу?

Ученый. Сказать вам правду? Я люблю его.

Историк. Не может быть.

Ученый. Он так велик, что даже ошибки не могут принизить его.

Входит Правитель.

Правитель. Ты хорошо подумал, прежде чем привести сюда этого человека? Раджа приходит в ярость при одном упоминании о древней истории.

Ученый. Почему?

Правитель. Раджа говорит, что прошлого нет. Есть только настоящее, которое все время растет.

Историк. Если нет движения назад, то как может быть движение вперед?

Правитель. Раджа утверждает, что время стремится вперед, чтобы открывать все новое и новое. По мнению же Ученого, время должно отодвигать прошлое назад.

Ученый. В Нондипе Раджа видит дух молодости, но этот дух неуловим, словно олень, мелькающий в лесной чаще. Поэтому гнев его обратился на мою науку.

Торопливо входит Нондини.

Нондини. Что случилось?

Правитель. А, это ты, Нондини. Вечером я надену твою гирлянду из белых жасминов. Когда стемнеет и меня самого не станет видно, она будет мне к лицу.

Нондини. О, посмотрите! Какое ужасное зрелище! Точно распахнулась дверь ада. Кто эти люди, которых стража выводит из покоев Раджи?

Правитель. Мы называем их «объедками Раджи».

Нондини. Что это значит?

Правитель. Когда-нибудь узнаешь.

Нондини. Но кто они? Неужели это люди из плоти и крови, неужели у них есть душа?

Правитель. Может быть, и нет.

Нондини. Или они когда-то были живыми, а сейчас мертвы?

Правитель. Может быть.

Нондини. Что же с ними случилось и куда их ведут?

Правитель. Ученый, объясни ей, если сумеешь.

Правитель уходит.

Нондини. Боже мой, среди этих теней я вижу знакомые лица. Ну, конечно же, это наш Онун, а это Упомону — два брата из соседней деревни. Они были такие сильные и высокие, что их прозвали «пальмы». В пору дождей они, бывало, всегда участвовали в лодочных гонках. Почему они обратились в теней?.. А вот идет Шоклу. Когда он сражался в поединке на мечах, гирлянда всегда доставалась ему... Эй, Онун! Шоклу! Это я, Нондини, Нондини из деревни Ишани, ваша соседка! Они даже не поднимают головы. А это кто? О, Конку! Увы, увь! Даже он стал похож на выжатый сахарный тростник. Он всегда был такой застенчивый. Когда я приходила за водой, он делал вид, что собирает камыши для стрел. Я частенько поддразнивала его! Конку, взгляни на меня! Прежде его кровь закипала от одного моего взгляда, а теперь он словно не слышит моего зова. Лучшие

люди погибли! Все лучшие люди!.. Ученый, объясни мне, почему ржавчина разъедает прочнейшую сталь.

Ученый. Нондини, твой вопрос обращен к пеплу, подними глаза; ты порадуешься, видя ликующий танец огненных языков.

Нондини. Не понимаю тебя.

Ученый. Ты видела Раджу? Говорят, он покорила тебя?

Нондини. Да, он — воплощение могущества и силы!

Ученый. Но это только одна сторона дела, другая — то, что ты видела сейчас. Эти люди превращены в пепел для того, чтобы другие могли гореть ярким пламенем. Такова истинная сущность всякого пути к величию.

Нондини. Будь проклята эта сущность!

Ученый. Сущность здесь ни при чем. Она не бывает ни плохой, ни хорошей. Происходит то, что происходит. Идти против установленного порядка вещей — значит восставать против закона бытия.

Нондини. Если таков закон бытия — я не хочу «быть». Я отказываюсь «быть»! Я хочу уйти с этими телями. Скажи мне, куда я должна идти.

Ученый. Тебе укажут путь, когда придет час. А пока все пути заказаны... Наш Историк незаметно ушел. Он думает, что спасется бегством. Пройдя несколько шагов, он увидит, что ограде нет конца... Ты начинаешь сердиться. Красные олеандры у твоей пламенеющей щеки похожи на тучи, предвещающие светопреставление.

Нондини (*подходит к Завесе*). Выслушай меня.

Ученый. Кого ты зовешь?

Нондини. Вашего Раджу, который прячется от людских взглядов.

Ученый. Дверь во внутренние покои закрыта, он не услышит тебя.

Нондини (*зовет*). Бишу, безумный брат мой!

Ученый. Зачем он тебе?

Нондини. Почему он не вернулся до сих пор? Я беспокоюсь за него.

Ученый. Он был здесь совсем недавно.

Нондини. Правитель сказал, что ему нужен Бишу для того, чтобы опознать Ронджона. Я хотела пойти вместе с Бишу, но меня не пустили. Кто это стонет?

Ученый. Наверное, наш Силач.

Нондипи. Какой Силач?

Ученый. Знаменитый Годжу. Его брат Бходжон имел дерзость бросить вызов самому Радже. С тех пор он исчез неизвестно куда. Узнав об этом, Годжу, разгневанный, пришел в город. Я говорил ему: «Ты что, хочешь копать землю в пещерах? Ну что ж, как-нибудь протянешь несколько лет. Но если ты начнешь показывать свою храбрость, тебе сразу конец».

Нондини. Неужели эти люди, охотящиеся за людьми, так уж счастливы?

Ученый. Счастливы? Им не до счастья — быть бы только живу! Их существование стало таким бременем, что, если бы миллионы людей не поддерживали его, оно обрушилось бы под собственной тяжестью. А тем, кто наверху, нужно существовать.

Нондини. Нужно ли? Лучше умереть, чем забыть, что ты человек!

Ученый. Ты опять сердишься! Я слышу голос красных олеандров! Что бы ты ни говорила — истина есть истина. Можешь сколько угодно твердить, что умирать во имя жизни — прекрасно. Но живут только те, кто говорит, что нужно убивать во имя жизни. Ты считаешь, что это нечеловечно. Но человек по своей природе бесчеловечен. Тигры не едят тигров, лишь человек может пожирать себе подобных.

Входит Силач.

Нондини. Взгляни, он идет пошатываясь! Ученый, посмотри, что с ним. Он ранен?

Ученый. Его раны — не телесные, они невидимы для глаз.

Силач. О всемогущий бог! Верни мне силу, хотя бы на один-единственный день!

Ученый. Что бы ты сделал тогда?

Силач. Свернул шею Правителю!

Ученый. За что?

Силач. Это он виноват во всем. Я не хотел бороться. Но он подстрекал меня, а теперь говорит, что во всем виноват я сам.

Ученый. Какой ему прок от твоего несчастья?

Силач. Эти люди чувствуют себя в безопасности, только когда весь мир полон слабых людей... О милосердный бог! Сделай так, чтобы я выколол ему глаза, вырвал язык.

Нондини. Как ты чувствуешь себя, Силач?

Силач. Я весь опустошен! Эти дьяволы умеют отнять не только силы, но и надежду. Если бы я мог вонзить зубы в горло проклятого Правителя.

Нондини. Ученый, поддержи его! Давай отведем его в дом.

Ученый. Это преступление, Нондини. Так гласит закон нашего города.

Нондини. А разве бросить умирающего человека — не большее преступление?

Ученый. Возможно, это грех, но не преступление. Преступление то, что подлежит наказанию. Отойди от него, Нондини. Дерево простирает свои корни под землей, но цветы растут на ветвях, которые тянутся к свету. О мой прекрасный цветок, о Красный Олеандр, не спрашивай о том, что происходит под землей. Будь наверху — чтобы мы могли любоваться тобою. Но сюда идет Правитель. Он будет недоволен, заметив, что я разговариваю с тобой. Я пойду.

Нондини. Почему он так ненавидит меня, этот Правитель?

Ученый. Точно не знаю, но догадываюсь. Ты коснулась тайных струн его души, но вместо мелодии раздались ужасные, режущие слух звуки.

Ученый уходит. Появляется Правитель.

Нондини. Господин Правитель!

Правитель. Нондини, когда наш Проповедник увидел эту гирлянду белых жасминов в моей комнате... Но вот он сам идет...

Входит Проповедник.

Примите мои приветствия. Вот та, от кого я получил гирлянду белых жасминов.

Проповедник. Неужели? Это дар непорочного сердца! О, эти белые жасмины, посланные богом. Они сохранили чистоту, хотя и побывали в руках людей.

Это дает веру в целомудрие и надежду на исправление грешника.

Нондини. Пожалуйста, сделайте что-нибудь для этого человека. Он умирает.

Проповедник. Правитель сделает так, чтобы он прожил ровно столько, сколько необходимо... Но, дитя мое, пусть это не тревожит тебя.

Нондини. Правитель занимается даже тем, что определяет, сколько кому жить?

Проповедник. Несомненно, ибо жизнь смертного имеет свои пределы. Мы — люди с положением — обречены нести тяжкое бремя, поэтому мы и требуем себе большую часть жизненных благ. Мы призваны богом облегчать тяготы других. Кому же, как не нам, решать, кто и сколько должен прожить. Все это соответствует воле Всемогущего.

Нондини. Могу ли я спросить, какие именно тяготы вы призваны облегчать?

Проповедник. Мы, проповедники, указываем путь к вечной жизни. Стоит ли спорить о сроках земного бытия? Пока люди довольны нами, мы их лучшие друзья.

Нондини. Неужели этот человек так и умрет здесь?

Проповедник. Почему он должен умереть именно здесь? Что вы скажете, Правитель?

Правитель. Совершенно верно, зачем оставлять его здесь? Если он слаб и немощен, мы придадим ему силы... Эй, Годжу!

Силач. Да, господин Правитель.

Проповедник. Его голос стал таким тонким! Мне кажется, он смог бы петь священные гимны в нашем хоре!

Правитель. Годжу! Ты будешь жить в доме надсмотрщика квартала «Х». Отправляйся туда.

Нондини. Разве он может идти?

Правитель. Наше дело — заставлять человека идти, даже когда он не может. Нужно только умело подтолкнуть его, тогда он пройдет большое расстояние, хотя бы лежал при смерти. Встань, Годжу!

Силач. Слушаюсь, господин!

Нондини. Разрешите мне пойти с тобой, больше ведь некому помочь.

Силач. Нет, не ходи. Правитель рассердится.

Нондини. Я не боюсь его.

Силач. Но я боюсь. Не добавляй к моим бедам еще одну, умоляю тебя. *(Уходит.)*

Нондини. Правитель, куда ты запрятал моего Бишу?

Правитель. Что значит «запрятал»? Ветер несет облака. Если ты считаешь это преступлением, спроси себя, что заставляет дуть ветер.

Нондини. Боже мой, какой проклятый город! Значит, вы — не люди, и те, кем вы распоряжаетесь, тоже не люди! Вы лишь ветер, а они облака. Почтенный Проповедник! Вы ведь знаете, где сейчас Бишу.

Проповедник. Где бы он ни был, это к лучшему, — вот единственное, что я знаю.

Нондини. К лучшему для кого?

Проповедник. Не все ли равно! Зачем ты взяла мои четки... Ну вот, разорвала... Послушайте, Правитель, мне кажется, эта девушка...

Правитель. Ей удалось каким-то образом ускользнуть от сетей законов Джокхопури, и мы не можем наложить на нее руки. Даже сам Раджа...

Проповедник. Как бы она мне накидку не испортила. Мне лучше уйти! *(Поспешно уходит.)*

Нондини. Правитель, ты должен сказать, где мой Бишу.

Правитель. Его отвели в Судилище. Это все, что я могу сказать тебе. Мне нужно идти. У меня дела.

Нондини. Ты не боишься меня потому, что я женщина? Индра разит грешников молниями. И во мне — такая молния. Как бы она не сокрушила золотую башню твоей власти!

Правитель. Я скажу тебе правду, прежде чем уйду. Если Бишу в опасности, то только из-за тебя.

Нондини. Из-за меня?

Правитель. Да. Прежде он безмолвно копался в темных пещерах. Ты научила его раскрывать крылья. Эти крылья оказались крыльями гибели. О, пламя богов! Многих еще погубишь ты, Нондини. Но я думаю, последняя схватка будет между тобой и мной. И это будет скоро.

Нондини. Может быть. Скажи мне, увижу я Ронджона, когда он придет в город?

Правитель. Нет, ты никогда больше его не увидишь!

Нондини. Ты сказал — никогда? Посмотрим! Я не верю тебе. Я знаю, сегодня мы встретимся с Ронджоном.

Правитель уходит.

(Приближается к Завесе.) Где твое Судилище? Говори, иначе я сорву твою Завесу!

Входит Кишор.

Это ты, Кишор! Ты знаешь, где Бишу?

Кишор. Да, Нондини... Крепись, сейчас ты увидишь его. Сам не понимаю, почему Главный стражник согласился, чтобы Бишу вели этой дорогой.

Нондини. Главный стражник? Неужели они...

Кишор. Да. Смотри, вот его ведут.

Нондини. У тебя на руках кандалы, Бишу? О мой безумный друг, куда тебя ведут?

Входит Бишу под конвоем стражников.

Бишу. Не бойся за меня! Моя безумная девочка, радость моего сердца, наконец-то я свободен.

Нондини. Что ты хочешь сказать? Я не понимаю тебя.

Бишу. Когда я жил в вечном страхе и на каждом шагу пытался избежать опасности, тогда мне только казалось, что я свободен. Нет цепей тяжелее такой свободы.

Нондини. Что ты сделал? Почему тебя ведут в Судилище?

Бишу. Сегодня я, наконец, сказал правду.

Нондини. Что же здесь плохого?

Бишу. Ничего.

Нондини. Почему тогда они заковали тебя в кандалы?

Бишу. В этом нет ничего позорного. Я обрел свободу в истине, а кандалы — свидетели моего освобождения.

Нондини. Неужели им не стыдно вести тебя по дороге, закованного в цепи, как зверя? И они считают себя людьми!

Бишу. В каждом из них сидит зверь. Поэтому-то они

и не опускают голов и не стыдятся того, что творят. Наоборот, зверь, сидящий в них, виляет хвостом от радости.

Нондини. О дорогой мой, тебя били? Что за кровавые рубцы на твоём теле?

Бишу. Меня стегали хлыстами, которыми бьют собак... Эти хлысты сделаны из того же материала, что и шнур, на который Проповедник нанизывает свои четки. Когда, перебирая четки, он повторяет имя божье, палачи забывают о своих черных делах. Но бог помнит все.

Нондини. Пусть они закуют в цепи и меня, пусть уведут с тобой, о брат мой! Пока я не разделю твоих страданий, я не притронуся к еде.

Кишор. Бишу, я заставлю их взять меня вместо тебя! Разрешите мне...

Бишу. Не говори глупостей!

Кишор. Я не боюсь наказаний. Я молод и приму испытания с радостью.

Нондини. Нет, нет, не смей даже говорить об этом.

Кишор. Нондини! Я сегодня бежал из рудника. Их ищейки выслеживают меня по всему городу. Я рад буду принять наказание вместо Бишу. Это спасет меня от еще более страшной участи.

Бишу. Нет, мой мальчик, тебя ждет очень опасное и трудное дело. Ронджон пришел в город. Ты должен разыскать его.

Кишор. Тогда я уйду... Нондини, что сказать Ронджону, когда я найду его?

Нондини. Передай ему эту веточку красных олеандров, и он все поймет.

Кишор уходит.

Бишу. Я хочу, чтобы вы снова были вместе.

Нондини. Встреча уже не доставит мне прежней радости. Я никогда не смогу забыть, что ничем не помогла тебе. А этот мальчик Кишор, — что будет с ним?

Бишу. Все сокровища, спрятанные в его сердце, теперь открыты. Ты зажгла его своим пламенем, Нондини. Разве этого мало? Не забудь, ты хотела воткнуть в волосы Ронджона перо вещей сойки.

Нондини. Я ношу его на груди.

Бишу. О моя безумная, слышишь, опять поют песню сбора урожая?

Нондини. Да, слышу. Сердце мое рыдает.

Бишу. Работа в поле уже окончена, снопы свезли на гумно. Эй, стража! Пошли, хватит медлить.

(Поет.)

Последний сноп урожая
Мы держим в усталых руках,
Колосья, что в поле остались,
Прахом вернутся в прах!

Удаляются. Входят Правитель и Врач.

Врач. Я осмотрел Раджу. Он недоволен собой. У него не столько болезнь тела, сколько болезнь души.

Правитель. Как же его вылечить?

Врач. Ему нужно сильное потрясение. Начните войну с соседним царством или устроите беспорядки в этом городе.

Правитель. Иными словами, если он не сможет причинять вред другим, он будет причинять вред самому себе?

Врач. Великие люди — как дети. Им всегда нужны игрушки. Если они устают от одной и вы не дадите им новую, они начинают ломать все, что попадет под руку. Так что будьте наготове, Правитель, и не опоздайте с лекарством!

Правитель. Я уже приготовился. Жаль, что все это произошло именно сейчас, когда наш город собрал несметные богатства... Впрочем, все равно. Я обдумаю, что вы мне сказали.

Врач уходит. Появляется Староста.

Староста. Господин Правитель, вы посылали за мной? Я Староста квартала «Нго».

Правитель. Ты № 321.

Староста. Какая у вас память! Даже меня, недостойного, помните!

Правитель. Сегодня возвращается моя жена. Она проедет через твой квартал, смотри, чтобы не случилось никакой задержки. Приготовь волов для ее повозки.

Староста. В нашем квартале у волов чума, не на чем даже везти вашу жену. Но ничего. Мы впряжем рабочих.

Правитель. Тебе известно, куда вы должны доставить ее? В летний дворец.

Староста. Будет исполнено. Разрешите сказать вам несколько слов о № 69-Нго, которого называют «безумным Бишу». Не пора ли излечить его от безумия?

Правитель. Он докучал тебе?

Староста. Не столько тем, что говорил, сколько своими намеками.

Правитель. Больше он не будет мешать тебе... Ты понимаешь?..

Староста. Какая радостная весть! И еще одно: № 47 слишком уж дружен с № 69.

Правитель. Я заметил это.

Староста. Как вы проникательны! Но у вас так много обязанностей, и кое-что все-таки может ускользнуть от вашего внимания. Мой родственник № 95 ничего не пожалеет ради вас. Он так предан вам, что даже его жена ревнует...

Правитель. Его имя уже внесено в Высокий список.

Староста. Какая честь! Наконец-то его верная служба оценена по достоинству. Нужно осторожно сообщить ему об этом, слишком большая радость может повредить его здоровью...

Правитель. Ну, хорошо! А теперь уходи, я занят.

Староста. Еще одно слово! Я хочу сказать о своем шурине. Его мать умерла, и моя жена растила его на своих руках...

Правитель. Расскажешь о нем в следующий раз. А теперь пошел!

Староста. Сюда идет Главный стражник. Пожалуйста, замолвите за меня словечко. Он почему-то не любит меня. Наверное, когда № 69 бывал во дворце, он наговорил обо мне что-нибудь.

Правитель. Уверю тебя, он никогда даже не называл твоего имени.

Староста. В этом-то вся хитрость! Замалчивание — самое страшное! Это в сто раз хуже, чем наговор. Между прочим, этим занимается № 33 из нашего квартала. У

нас все боятся его, потому что он может оговорить кого угодно. А если бы кто-нибудь знал правду о нем самом...

Правитель. Мне некогда. Уходи! Живо!

Староста. Я прощаюсь с вами! *(Возвращается.)*
Еще одно слово. № 88 из соседнего квартала два года назад начал работать и получал жалкие гроши, а сейчас разбогател. Его доход измеряется тысячами, если не больше!.. Вы всемогущи, вы подобны богу: стоит помолиться, и вы изливаете на человека поток благодеяний.

Правитель. Хорошо, поговорим обо всем завтра.

Староста. Я не так жесток, чтобы лишить его даже пищи. Но вы должны задуматься, разумно ли оставлять его на таком месте. Наш Вишну Дотто знает этого человека как свои пять пальцев. Если вы пошлете за ним...

Правитель. Сегодня же пошлю. Но хватит!

Староста. Господин Правитель. Мой третий сын уже вырос. На днях он приходил, чтобы пасть перед вами ниц! Он несколько дней ждал приема, но так и ушел ни с чем. Сердце его преисполнено горечи. Моя невестка своими руками приготовила вам угощение из сладкой тыквы.

Правитель. Ну, ладно, довольно! Скажи своему сыну, чтоб он пришел послезавтра. Мы поговорим с ним...

Староста уходит. Появляется Главный стражник.

Главный стражник. Я отправил танцовщиц и музыкантов в сад при летнем дворце.

Правитель. А то небольшое дело... Я говорю о Ронджоне.

Главный стражник. Этим делом занимается мой помощник.

Правитель. Я надеюсь, Раджа...

Главный стражник. Раджа ни о чем не подозревает. Пристало ли обманывать самого Раджу?

Правитель. Мы не обманываем Раджу, только исполняем свой долг перед ним. За все отвечаю я. Теперь насчет этой девушки...

Главный стражник. Не говорите мне о ней. Староста сделает все, что вы потребуете. Он не гнушается никакой грязной работой.

Правитель. Проповедник знает о Ронджоне?

Главный стражник. Я уверен, он догадывается. Но не хочет знать наверняка.

Правитель. Почему?

Главный стражник. Ведь он всегда может отговориться: «Не знал, да и все».

Правитель. Как так?

Главный стражник. Неужели не понимаете? Мы — только стражники. В нем же как бы два человека, он и проповедник и стражник. Он старается, чтобы стражник не взял верх над проповедником. Это противоречило бы тому, что он шепчет над четками.

Правитель. Почему бы ему не бросить четки?

Главный стражник. Он не может сделать этого, потому что, как бы ни волновалась его кровь, в душе он боится господней кары. Он счастлив, пока может вслух бормотать молитвы, а втайне быть стражником. И сам бог доволен: проповедник придает ему благообразный вид.

Правитель. Я вижу, мой друг, что стражник и в тебе не очень силен.

Главный стражник. Ничего, все уладится... Кстати, не переносу я вашего № 321. Иногда мне приходится обнимать его при всех, и всякий раз мне кажется, что даже святая вода не смоет грязь его прикосновения. Идет Нондини.

Правитель. Уйдем отсюда.

Главный стражник. Почему? Вы испугались?

Правитель. Я больше не верю тебе. Я знаю, Нондини околдовала тебя.

Главный стражник. Веточки ее олеандров закрывают и ваши глаза. Поэтому алый цвет этих олеандров так пугает вас.

Правитель. Может быть. Мы сами не всегда понимаем себя до конца. А теперь пошли.

Они уходят. Появляется Нондини.

Нондини. Сегодня вечерние облака окрашены в багрянец. Это цвет нашей встречи! (*Повернувшись к Завесе.*) Я буду здесь и дни и ночи, пока ты не отзовешься... Раджа, ты слышишь меня?

Входит Проповедник.

Р. Тагор и Б. Шоу.
Лондон (1930)

Проповедник. Кого ты зовешь?

Нондини. Удава, который спрятан за этой Завесой, он заглатывает живых людей.

Проповедник. О, небо! Когда бог хочет уничтожить малых людей, он вкладывает великие речи в их ничтожные уста. Ты знаешь, Нондини, я пекусь о твоём же благе. Ты веришь мне?

Нондини. Нет. Я не жду от тебя добра.

Проповедник. Приходи ко мне в храм, и мы вместе воспоем славу Священному имени.

Нондини. Зачем мне это Имя?

Проповедник. Оно принесет мир твоей душе.

Нондини. Позор мне, если так! Я никуда не уйду отсюда, останусь сидеть у дверей и буду ждать.

Проповедник. Ты веришь в людей больше, чем в бога?

Нондини. Ваш бог всегда непреклонен. Но неужели никогда не прозреет человек, сидящий за этой Завесой? Уходи! Отнимая жизнь, ты изливаешь потоки благочестивых слов, таково твое ремесло.

Проповедник удаляется. Входят Пхагулал и Чондра.

Пхагулал. Бишу ушел вместе с тобой. Где он сейчас? Говори правду!

Нондини. Его схватили, заковали в кандалы и куда-то увели.

Чондра. Ты ведьма! Это ты, наверно, донесла на него. Тебе поручили подглядывать за всеми нами.

Нондини. Как ты смеешь так говорить?

Чондра. Что же ты тогда делаешь?

Пхагулал. В этом проклятом городе каждый подозревает другого. Я, Нондини, всегда верил тебе. В душе я даже тебя... Но это неважно. То, что произошло сегодня, — странно.

Нондини. Может, и странно. В твоих словах есть доля правды. Бишу попал в беду из-за дружбы со мной. С вами он был в меньшей опасности.

Чондра. Зачем же ты, проклятая, заманила его в ловушку?

Нондини. Он сказал, что жаждет свободы.

Чондра. Хороша свобода, которую ты ему дала!

Нондини. Я не поняла всего, что говорил Бишу. Почему он сказал, что свободу можно обрести только в опасности?.. Как я могу спасти человека, который хочет обрести свободу в несчастье?

Чондра. Мы не понимаем твоих речей. Но горе тебе, если ты не освободишь его! На меня не действуют чары твоей красоты.

Пхагулал. К чему браниться? Давайте соберем большую толпу рабочих и разрушим ворота тюрьмы.

Нондини. Я пойду вместе с вами.

Пхагулал. Зачем?

Нондини. Чтобы разломать тюрьму.

Чондра. Хватит того, что ты натворила, чертова ведьма!

Входит Гокул.

Гокул. Эту колдунью надо сжечь живьем!

Чондра. Слишком мягкое наказание. Сначала нужно отнять у нее чары. Сорвем красоту с ее лица, как срывают сорную траву.

Гокул. Сейчас этот молоток запляшет...

Пхагулал. Берегись. Если ты осмелишься коснуться ее...

Нондини. Перестань, Пхагулал. Он трус. Ведь он хочет ударить меня потому, что боится. Но я его не боюсь. Что может сделать трус?

Гокул. Пхагулал, ты до сих пор ничего не понял? Я знаю, ты считаешь, что Правитель наш единственный враг? Правитель, по крайней мере, действует в открытую. Я уважаю такого врага. Но эта сладкоречивая красотка...

Нондини. А ты боишься поднять руку на Правителя. Ты уважаешь его, как дорожная пыль уважает подметки! Разве раб может уважать?

Пхагулал. Гокул, настало время показать тебе силу, но не на этой девушке. Идем со мной, я покажу тебе, с кем нужно драться.

Пхагулал, Чондра и Гокул исчезают. Входит группа людей.

Нондини. Куда вы идете?

Первый человек. Мы идем с дарами па праздник Флага.

Нондини. Ты видел Ронджона?

Второй человек. Да, дней пять назад. Спроси о нем у тех, кто идет за нами.

Нондини. Кто эти люди?

Третий человек. Они несут вино для праздничного пира, который устраивает Правитель.

Первая группа людей уходит. Появляется вторая.

Нондини. Эй вы, в красных шапках, не встречали Ронджона?

Первый человек. Я видел его недавно в доме старосты Шомбху.

Нондини. Где он теперь?

Второй человек. Взгляни на этих людей! Они несут предавать праздничные одежды. Спроси у них: они слышат многое из того, что не достигает наших ушей.

Вторая группа удаляется, входит третья.

Нондини. Не знаете, куда они упрятали Ронджона?

Первый человек. Тсс! Тсс!

Нондини. Ведь это вам известно. Скажите мне.

Второй человек. То, что входит в наши уши, не должно выходить из наших уст, только потому мы еще живы. Спроси кого-нибудь из тех, кто несет оружие.

Они уходят. Появляется новая группа людей.

Нондини. Подождите! Остановитесь! Скажите мне, где Ронджон.

Первый человек. Назначенный час подходит. Скоро сам Раджа появится на церемонии поклонения Флагу. Спроси его самого, когда он выйдет. Мы знаем только начало. Но не конец.

Они уходят. Нондини подбегает к Завесе и яростно дергает ее.

Нондини. Открой дверь! Время настало!

Голос. Нет, не настало. Уходи прочь!

Нондини. Ты должен выслушать меня. Сейчас или никогда!

Голос. Говори, что тебе нужно.

Нондини. Откинь Завесу, иначе ты ничего не услышишь.

Голос. Сегодня праздник. Не зли меня, Нондини, лучше уходи.

Нондини. Я не двинусь с места, пока ты не отдернешь Завесу. Я не испугаюсь твоих угроз.

Голос. Я знаю, ты ждешь Ронджона. Я приказал Правителю схватить его, как только он появится в городе. Не стой у дверей! Сейчас я выйду, чтобы принять участие в церемонии, и если ты окажешься рядом — горе тебе!

Нондини. У богов в запасе целая вечность для того, чтобы принимать поклонение. Им некуда спешить. Но людские печали не могут ждать. У нас слишком мало времени.

Голос. Я устал, очень устал. Я хочу отправиться на праздник, чтобы развеять уныние. Если ты встанешь на моем пути, колесница раздавит тебя.

Нондини. Пусть так! Я не сойду с места.

Голос. Нондини, я слишком много прощал тебе, поэтому ты утратила страх. Но сегодня бойся меня!

Нондини. Попробуй испугать меня, как других. Я презираю твою снисходительность!

Голос. Ах, вот как! Я разобью вдребезги твою гордыню. Наступил час, когда я должен сорвать Завесу!

Нондини. Я жду!

Завеса распахивается, появляется Раджа.

О, кто это лежит на полу? Ронджон?

Раджа. Что ты говоришь? Ронджон! Не может быть!

Нондини. Да, да, мой Ронджон.

Раджа. Почему же он не назвал себя? Почему он бросил мне вызов?

Нондини. Проснись, Ронджон, это я, твой Красный Олеандр! О Раджа, почему он не просыпается?

Раджа. Я обманут. Эти предатели обманули даже меня! Будь они прокляты!.. Эй! Схватить Правителя, привести его ко мне в цепях...

Нондини. Раджа, говорят, ты умеешь колдовать. Разбуди его ради меня!

Раджа. Колдовать меня научил бог смерти. Я не могу пробуждать, я могу только усыплять.

Нондини. Тогда сделай так, чтоб и я заснула вечным сном!

Раджа. Я убил молодость. Да, убил! Все эти годы я занимался тем, что убивал молодость. Надо мной тяготеет проклятие убитой молодости.

Нондини. Он называл меня, мое имя?

Раджа. Да, называл. И каждая капля крови во мне вспыхнула от ярости.

Нондини (*обращаясь к Ронджону*). Мой храбрец. Вот синее перо вешей сойки. Эта птица приносит победу. Ты показал путь к победе, и я пойду по нему. У тебя в руке веточка олеандра. Значит, Кишор все-таки нашел тебя. Но где он сам?.. Раджа, где этот мальчик?

Раджа. Какой мальчик?

Нондини. Который дал цветы Ронджону.

Раджа. А, этот безрассудный ребенок! Он раздражал меня своим девичьим лицом и дерзостью. Он едва не кинулся на меня.

Нондини. Что ты с ним сделал? Говори! Не молчи!

Раджа. Он лопнул, как мыльный пузырь.

Нондини. О Раджа! Час настал!

Раджа. Какой час?

Нондини. Последней битвы между нами.

Раджа. И ты собираешься сразиться со мной? Я могу убить тебя в одно мгновение.

Нондини. Пусть так! Но смерть моя будет преследовать тебя, убивая каждый миг твоей жизни. Моя смерть — мое оружие.

Раджа. Нондини, доверься мне. Пойдем со мной и будь моим товарищем.

Нондини. Зачем я тебе?

Раджа. Я буду сражаться рука об руку с тобой против себя самого. Битва уже началась. Вот мой флаг. Смотри, я ломаю древко, а ты порви полотнище. Возьми же мою руку в свою и убей меня. В смерти я обрету свободу!

Толпа людей (*вбегая*). Что вы сделали, Раджа? Какое безумие! Вы осмелились разорвать флаг, эту святыню! Вы сломали непобедимое древко, которое одним

концом упиралось в землю, а другим — в небо! Какой ужасный грех уничтожить его в дни праздника. Нужно скорее сообщить Правителю!

Они убегают.

Раджа. Это только начало — нам предстоит сломать еще больше! Ты пойдешь со мной, Нондини. Ты будешь алым факелом смерти.

Нондини. Да.

Входит Пхагулал.

Пхагулал. Они и слышать не хотят о том, чтобы выпустить Бишу... Кто это? Раджа?.. А, будь проклята, колдунья, ты сговариваешься с самим Раджой! О, подлая предательница.

Раджа. Для чего собралась эта толпа?

Пхагулал. Чтобы сломать ворота тюрьмы. Умрем, но не отступим.

Раджа. Вы не должны отступать. Я за вас! Смотрите, вон порванный флаг.

Пхагулал. Что? Не может быть! Ты за нас, за простых людей!.. Нондини, ты одна из нас, не обманывай же своих товарищей. Скажи, могу ли я верить своим глазам?

Нондини. Как я могу обманывать вас? Братья, вы поклялись стоять насмерть — и я с вами!

Пхагулал. С нами, Нондини?

Нондини. Только ради этого я еще и живу, Пхагулал. Я хотела привести Ронджона. Смотри, он пришел, мой герой, поборовший смерть!

Пхагулал. Какой ужас! Неужели это безмолвное тело, что лежит там, — Ронджон?

Нондини. Нет, он не безмолвен! Я слышу его победный клич. Он будет жить. Ронджон не может умереть.

Пхагулал. О Нондини, моя Нондини, этого ли ты ждала?

Нондини. Я звала его — и он пришел. Я хочу приготовиться к его приходу, я знаю — он придет снова. Где Чондра?

Пхагулал. Вместе с Гокулом она понесла свои слезы и молитвы Правителю. Они свято верят ему. Раджа, ты правда с нами? Ведь мы собираемся разбить твою тюрьму!

Раджа. Да, это моя тюрьма! Вы и я должны действовать сообща.

Пхагулал. Как только Правитель узнает об этом, он поспешит сюда с войском.

Раджа. Я буду сражаться!

Пхагулал. Воины не станут слушаться тебя.

Раджа. Но ведь вы будете со мной!

Пхагулал. Скажи, мы победим?

Раджа. В крайнем случае, мы умрем! Наконец-то смерть обрела для меня смысл! Я спасен.

Пхагулал. Раджа, ты слышишь этот шум?

Раджа. Сюда идет Правитель с войском. Как мог он успеть так быстро? Значит, он готовился заранее! Мою же силу они обратили против меня.

Пхагулал. Наши люди еще не подошли.

Раджа. Правителю, конечно, удалось их обмануть. Они не придут.

Нондини. Я так надеялась повидать Бишу. Неужели моя надежда не сбудется?

Раджа. Боюсь, нет. Все пути закрыты. Это все дело Правителя.

Пхагулал. Идем со мной, Нондини. Мы спрячем тебя в безопасном месте. Если Правитель найдет тебя, тебе несдобровать!

Нондини. Ты хочешь обречь меня на спокойствие и безопасность? Правитель добрее вас, он открывает передо мною дорогу победы. *(Кричит.)* Эй, Правитель! Правитель!.. О, смотрите, он повесил мою гирлянду из белых цветов жасмина на конец своего копья. Кровью своего сердца окрашу я эту гирлянду в цвет моих олеандров. Эй, Правитель! Он увидел меня! Слава Ронджону! *(Убегает.)*

Раджа *(зовет ее)*. Нондини!

Бросается за ней. Входит Ученый.

Пхагулал. Куда вы спешите, Ученый?

Ученый. Мне сказали, что Раджа, наконец, узнал, в чем истинный смысл жизни. Я слышал, будто он отправился, чтобы обрести этот смысл. Я оставил свои книги и последовал за ним.

Пхагулал. Раджа пошел на смерть. Он услышал призыв Нондини.

Ученый. Он сорвал Завесу? Где же Нондини?

Пхагулал. Она там, впереди всех. Мы отстали.

Ученый. Но теперь мы ее догоним. Мы будем вместе с ней!

Ученый спешит следом за Нондини и Раджой. Входит Бишу.

Бишу. Пхагулал, где Нондини?

Пхагулал. Как ты попал сюда?

Бишу. Наши рабочие разбили тюрьму. Они все ринулись в битву. Я пришел взглянуть на Нондини. Где она?

Пхагулал. Впереди всех.

Бишу. Куда она бежит?

Пхагулал. К свободе. Бишу, знаешь, кто там лежит?

Бишу. Ронджон!

Пхагулал. А видишь эту красную полоску в пыли?

Бишу. Я понимаю. Эта красная нить скрепила их обручение. Теперь настала моя очередь отправиться в великий поход. Может быть, она захочет моих песен... О, моя безумная девочка! О, моя безумная! Идем же, брат, вперед, в битву!

Пхагулал. Победу Нондини!

Бишу. Победу Нондини!

Пхагулал. Вот валяется ее браслет — браслет из красных олеандров. Он соскользнул с ее руки.

Бишу. Однажды я сказал ей, что не желаю от нее ничего. Это не так, дай мне этот браслет, ее последний дар.

Они убегают.

Песня вдалеке:

Эта песня раздается

С пашен и полей.

Где ты, сборщик урожая,

Хэй! Хэй! Хэй!

КОММЕНТАРИИ

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОЭЗИИ ТАГОРА В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ЕГО ТВОРЧЕСТВА

В седьмой и восьмой тома Собрания сочинений Рабиндраната Тагора помещены стихотворения, написанные на протяжении многих лет. Седьмой том открывают стихи из сборника «Журавли», которые относятся к 1914—1916 годам. «Последние стихи», завершающие восьмой том, были написаны в 1941 году — в год смерти поэта. В восьмой том включены также песни разных лет (сборник «Сад песен»).

Сборник «Журавли» был написан, когда Тагор вступил в свое шестое десятилетие. К этому времени он был уже не только ведущим национальным поэтом Бенгалии, но становился олицетворением литературного гения Индии и даже всего пробуждавшегося Востока. За книгу песен-гимнов «Гитапджали» ему, первому среди писателей Азии, в 1913 году была присуждена Нобелевская премия. Казалось бы, достигнута вершина творчества, а дело жизни сделано. Но творческая судьба Тагора сложилась иначе — и не только потому, что он прожил долгую жизнь и создал еще многое после «Гитапджали». Пожалуй, главное и самое интересное в творческой биографии Тагора составляет та яркая ее особенность, о которой Джавахарлал Неру писал: «Вопреки обычному ходу развития, по мере того как он становился старше, он делался более радикальным в своих взглядах и воззрениях»¹.

¹ Джавахарлал Неру, Открытие Индии, Москва, 1955, стр. 365.

Поздний период жизни и творчества Тагора совпадает по времени с огромными переменами в жизни всего мира и самой Индии. Чуткий художник, ищущий мыслитель, патриот и гуманист — Тагор не мог остаться в стороне от этих решающих событий, которые и определили направление его идейной революции.

Творческий путь Тагора берет свое начало на рубеже 70-80-х годов XIX века, когда стало пробуждаться национальное самосознание индийских народов. Главным содержанием развивавшейся в буржуазном духе философской и общественной мысли Индии того времени были либерально-просветительские и религиозно-реформаторские идеи рационалистического характера. Такие идеи пропагандировали первые национальные организации, еще очень малочисленные и сугубо верхушечные, в той или иной мере находившиеся в оппозиции к колониальной власти, но также и сотрудничавшие с нею. Это было время, когда власть Англии над Индией казалась незыблемой, как незыблемым казался тогда большинству буржуазный строй в странах Запада, господствовавших над миром.

Однако едва ли не половина всего долгого творческого пути великого индийского поэта приходится уже на совершенно иной период в жизни мира и его собственной родины. На его глазах в Индии деятельность слабых национальных организаций, равно как и стихийные народные восстания средневекового типа сменились организованным и массовым национально-освободительным движением, и Тагор лишь несколько лет не дождался крушения английской власти в Индии. Он был свидетелем утверждения идей национального освобождения и демократизма, которые, сменяя либеральное просветительство и религиозное реформаторство, становились знаменем народной борьбы, и в то же время начиналось распространение научного социализма в Индии. Тагор видел возникновение кризиса мирового капитализма и наблюдал рождение первого в мире социалистического государства. В 1931 году Тагор посетил Советский Союз и горячо приветствовал достижения страны социализма. Таковы события и перемены, которые совершались на протяжении этой долгой жизни, и обращали, если говорить словами Неру, аристократа-художника в демократа, сочувствующего пролетариату¹.

¹ Джавахарлал Неру, указ. соч., стр. 366.

В творчестве Тагора при всем разнообразии тематики, мотивов и настроений легко обнаруживаются две ведущие и противоположающиеся тенденции или темы. Это тема неуемного восхищения красотой мира, ненасытного наслаждения жизнью, высокого и вместе с тем очень лиричного прославления счастья любви и добрых человеческих чувств. Но вместе с тем, во всем его творчестве звучит то приглушенно, то врываясь криком страдания или тяжелым вздохом скорби, а порою и насмешкой тема неудовлетворенности окружающей жизнью и протеста против социального зла. Уже на склоне лет поэт говорил:

Я мира лик озаренный созерцал, не смыкая глаз,
Совершенству его дивясь.

Дыханье Лакшми из сада, где Вечная Красота,
Овевало мои уста.

Вселенной радость щедрую и вздохи ее скорбей
Я выразил флейтой моей.

(«Конец года»)

Джавахарлал Неру писал, что Тагор «олицетворял, по существу, культурную традицию Индии, традицию принятия жизни во всей ее полноте и шествия по ней с песнями и плясками»¹. Эта «праздничная традиция», свойственная культуре как индийского, так и любого другого народа, действительно находила свое продолжение в творчестве Тагора. Однако не традиции определяли главное его содержание. Содержание творчества Тагора определялось прежде всего исторически закономерным общественным и культурным подъемом, который происходил и в Индии, вопреки ее колониальному подчинению, когда тамошний феодализм стал уходить в прошлое. И не удивительно, что при всем своеобразии этот общественный и культурный подъем во многом походил на европейское «Возрождение» и «Просвещение». Вот почему и у Тагора мы находим проникнутое возрожденческим гуманистическим духом утверждение радости жизни, признание в человеке творца, а не исполнителя воли божией, равно как и столь же характерную оптимистическую веру просветителя в прогресс.

Однако это возрожденческое утверждение радости жизни, эта вера просветителя в прогресс не могли не сталкиваться с чудовищно тяжелой действительностью тогдашней Индии.

¹ Джавахарлал Неру, указ. соч., стр. 366.

Развитие капитализма здесь было непосредственно связано с порабощением и колониальным грабежом, но тем яснее и полнее капитализм обнаруживал свои варварские и дикие черты. Насаждавшаяся английскими правителями «буржуазность», беспощадная власть денег, сочеталась в Индии с национальным угнетением, с феодальным произволом помещика и средневековым мракобесием, которые поддерживались колониальной властью. Народные массы были обречены на чудовищную нищету и терпели нечеловеческие страдания, голод уносил миллионы жизней.

Поначалу участники индийских национальных организаций XIX века, как в свое время и европейские просветители, верили, что с ликвидацией средневековых порядков установится всеобщее благоденствие. Более того, они надеялись, что именно английская власть поможет утверждению «современной цивилизации» в Индии. Однако довольно скоро, уже в конце XIX века, передовые индийцы увидели в лице Англии беспощадного грабителя Индии, а наиболее провидательные среди них стали различать так же и в буржуазной цивилизации вообще черты жестокого молоха. Конечно, этому помогло их первое знакомство с идеями социалистического движения на Западе. Но, замечая зло «буржуазности», сочетавшееся со злом средневековья, они еще не знали, что именно следовало противопоставить тому и другому. К числу таких индийцев принадлежал и Тагор. Еще в 1893 году он писал: «Я не знаю, достигим ли социалистический идеал более равномерного распределения благ, но если нет, то воля провидения поистине жестока, а человек — несчастнейшее из творений».

И вот, наряду с радостным восприятием жизни, наряду с верой в прогресс, в творчестве Тагора сначала глухо, а затем все громче слышится тема неудовлетворенности и протеста, смятения и страдания, а порою и ноты пессимизма. Вдохновенный певец красоты мира и счастья жизни, он мог сказать о себе, что в его песне «радость и горе живут переменно». Конечно, здесь были и вечная неуспокоенность, неизменная смена переживаний и настроений человека, но во многом сказались и жестокая действительность его порабощенной родины. Незадолго перед смертью Тагор писал, что «картина ужасающей нищеты индийского народа» неизменно «больно ранила» его сердце.

В ходе идейной эволюции Тагора две основные темы его творчества постепенно развивались и углублялись. Демократизация социально-политических воззрений поэта сказывалась на всем его творчестве, углубляя его народный характер, приводя к усилению реалистического начала в восприятии окружающего мира.

Одна из наиболее характерных черт творчества Тагора, особенно поэзии, заключается в том, что его мысль как бы следует в русле традиционных религиозно-идеалистических и даже мистических представлений о мире, которые сложились в Индии в течение веков, и в то же самое время она все более наполняется новым, реалистическим содержанием. Тагор вливает новое вино в старые мехи, и если это сказывается на вкусе вина, то само вино со временем крепчает. Еще в книге «Гитанджали» рисуемая Тагором живая поэтическая картина природы и сокровенных человеческих чувствований словно окутана дымкой религиозно-мистического настроения поэта и его своеобразных деистических представлений о мире. Мир видится Тагору реальным, но он существует для поэта не сам по себе, а как бесконечно разнообразное проявление особого всепроникающего начала. Это особое начало — «жизнь». Вместе с тем понятию «жизнь» Тагор придает особый, божественный характер. Понятия божества и жизни сливаются, переходят одно в другое, образуя то, что Тагор называл «дживан-девата», или «божество-жизнь». Эти особенности творчества и мировоззрения Тагора давали повод многим его толкователям, особенно на Западе, усматривать в нем великого носителя мистической «духовности» Востока.

На деле же философские воззрения Тагора представляли шаг вперед по сравнению с индийским средневековым мышлением и вели к более реалистическому восприятию мира. Хотя в философском плане до конца дней Тагор следовал своей концепции дживан-девата, в его художественном творчестве мир и жизнь все более представляли сами собою, освобождаясь от налета потусторонности. Эта эволюция тагоровского восприятия мира проявилась уже в стихах из сборника «Журавли». Рассказывая о своих мыслях и ощущениях, которые были исходными для философской лирики в этой книге, Тагор писал: «Я был в Аллахабаде... жил там очень спокойно, вечера проводил на веранде. Однажды я вдруг ощутил какое-то непрерывное движение, биение во всем, что меня окружа-

ло... Меня неожиданно охватило чувство, что все течет, куда-то стремится — невидимый поток творения, где звезды — хлопья пены. Я чувствовал течение вечера, озаренного сиянием звезд; этот поток вечности захватил меня и понес с собой. Так я стал писать. Одно стихотворение влекло за собой другое. Это было начало «Журавлей» — бег невидимого и неосязаемого потока». Поэт словно проникает обостренным чувством жизни, художественным взором сквозь кажущуюся неподвижность мира и ощущает его вечное движение, развитие. Этим непосредственным ощущением текущей жизни, в которой едва ли остается место для чего-либо, кроме нее самой, проникнута лирика «Журавлей» и последующих произведений Тагора.

Когда поэт говорит о боге, то божество предстает не столько как верховный правитель и распорядитель мира, сколько как некое идеальное начало, воплощение благих стремлений человека, в котором поэт ищет опору и источник вдохновения. В некоторых своих патриотических стихотворениях, особенно раннего периода, Тагор, как в молитве, обращается к богу, прося блага для Родины. К их числу относится и знаменитая песня «Пусть Бенгалии земля...», которая приобрела огромную популярность во время подъема национально-освободительного движения в 1905—1908 годах и до сих пор остается одним из самых замечательных образцов бенгальской поэзии. В ряде других стихотворений Тагор обращается к Родине, словно к богу («Склоняюсь пред тобой, земля моя, смиренно!»).

В многочисленных обращениях к богу, столь характерных для поэзии Тагора, главным зачастую оказывается не само божество, а выражение чувств, душевного состояния человека. Тагор пишет, что он взывает к богу «ради самого зова». При этом он подчеркивает самостоятельность человеческой личности, возвеличивает творческий гений человека. Человек у него становится равным богу и даже превосходит его как творец нового.

Ты птице дал песню — поет она песню твою,
Больше отдать не под силу и соловью,
Ты голос мне дал, но я больше тебе отдаю —
Песню свою пою.

...я сторицею воздаю
За каждый твой дар, за каждую милость твою.

(«Воздаяние»)

Понятие души в восприятии Тагора во многом утрачивает свой сверхъестественный, мистический смысл и становится символом человеческого сознания и чувствований. Сознание и чувства человека не противопоставляются окружающему материальному миру, а неразрывно связываются с ним, олицетворяя единение человека с природой, поэт ощущает свою душу «в хмельном струении ветра», называет ее «подругой тучи».

Тагор воспевает жизнь как великое благо. В стихотворении «Рай» он смело отвергает всякое представление о потустороннем рае и говорит о счастье — рае человека, способного видеть красоту природы и ценить жизнь.

Ты знаешь, брат, где рай?..

Рай воплощен в моем горячем теле,

В моей печали, в нежности, в веселье,

В моей любви,

В моем стыде, в моем труде, в бушующей крови,

В волнах моих смертей, моих рождений,

В игре всех красок, всех цветов, в оттенках, в свете, в тени.

Сама жизнь для Тагора в поздний период его творчества не что-то сокровенное или божественное, а неизвестное, постигаемое человеком. Тагор не противопоставляет научное исследование и художественное видение. Их единый источник он находит в творческом гении человека. Точно так же для Тагора процесс постижения отнюдь не отдаляет человека от природы, не противопоставляет его природе, а напротив, раскрывает их «родство». В стихотворении, посвященном знаменитому индийскому ученому — физику и ботанику Джогодишчондро Бошу, Тагор ставит научное знание выше художественного видения, но в то же время ученый предстает у него художником, создающим живую картину мира, которая будит мысль и чувства поэта.

То слово жизни, что во тьме, томясь от нетерпенья,
Свободы ждало, вывел ты на свет земного зренья.

Неуемное восхищение красотой мира, которое Тагор стремится передать во многих стихах, в какой-то мере восходит к мотивам растворения личности в самозабвенной любви к богу, характерным для средневековой индийской поэзии. Но и здесь в старые формы мышления и восприятия Тагор вкладывал новое содержание — эмоциональное отношение человека к реальному миру и реальной жизни.

Наслаждение красотой природы, радостью жизни у Тагора подлинно человеческое и творческое. Оно свободно от какого бы то ни было налета эстетства, а тем более гурманства. Поэзия Тагора раскрывает сложную, переливающуюся гамму человеческих чувствований. Это и глубоко искреннее, самое непосредственное восхищение красотой, и стремление пытливого ума понять: «Зачем и откуда?» Это и неудовлетворенность ищущего, и счастье открывающего. Это и бьющая ключом радость бытия, и щемящее сознание быстротечности жизни. Поэта не оставляет острая внутренняя потребность делиться увиденным и познанным, лишь так для него счастье жить достигает полноты. Способность ощутить красоту мира он называет богатством. Дать другим глубже и полнее почувствовать красоту — самый ценный дар, который он несет возлюбленной, людям.

Картина природы у Тагора — живое зеркало, где сливаются отражения мира, окружающего человека, и его собственно. Движения человеческой души словно зажигают краски мира, создают обличье, в котором мир предстает перед человеком. Тагор показывает, как добрые, радостные человеческие чувства и переживания — эмоциональный подъем, порождаемый любовью, бурная игра жизненных сил юности, родительская нежность, радость творчества и познания — обостряют зрение человека, открывают для него красоту и гармонию мира — «зажигают звезды». В страдании, душевном смятении мир является поэту безбрежным темным океаном, его окутывает «бесформенный мрак мироздания». Тагор раскрывает перед нами и своего рода «обратную связь» природы с человеческими переживаниями. Картины природы, пробуждая воспоминания о пережитых чувствах, как бы возвращают поэту былые переживания, а вечность мира, вечное обновление жизни обращают его мысли к будущему. Так у Тагора возникает одна из излюбленных мыслей-тем зрелого периода его творчества: «слияние былого с грядущим».

...глядя друг другу в лицо, цепями цветов сплетены,
С грядущим сливают былое волшебные ночи весны.

(«Шал»)

Вечность жизни — «связь былого с грядущим» — Тагор ощущает не только среди полей и лесов. С редкой поэтичностью он открывает ее и в городской повседневности. Школь-

ный звонок в переулке, залитом солнцем, — ему звучать для новых и новых поколений, — становится для старого поэта таким же ярким символом вечного обновления жизни, как и весенняя листва, шумевшая в пору его юности.

Трамвай за окнами прогрохотал...
Теперь наш переулок шире стал.
Где тот разносчик старый?
Нет нынче спроса на его товары,
И хриплый крик
Растаял вдалеке. Прошли, как миг,
Десятки лет. Все миновало.
Но вновь звенит звонок в конце квартала.
(«Старая книга»)

Такое конкретное изображение окружающей поэта жизни, как в стихотворении «Старая книга», характерно именно для позднего периода творчества Тагора. Это нечто новое, особое в создаваемой поэтом картине мира, которая в целом была романтической — скорее обобщенной и возвышенной, нежели конкретной и повседневной. Вещи и явления мало детализированы, а их разновидности немногочисленны. Высокая эмоциональная напряженность поглощает оттенки чувств и перемены настроений. В сознании поэта в той или иной мере еще сохранялись унаследованные от средневековья абстрактные религиозно-идеалистические представления о жизни, которые сужали восприятие многообразия ее повседневных проявлений и связей.

Некоторые стихи и высказывания Тагора создают впечатление, что уже на склоне лет поэт почувствовал неудовлетворенность своим творческим методом. В стихотворении «Мальчик» (книга «Снова», 1932 г.) он говорит, что не мог «хорошо описать жука», «по-настоящему написать о лягушке. Иль о трагедии этой бездомной собаки». Стремление к большей конкретности изображения весьма заметно в стихотворениях-воспоминаниях, которые занимают немалое место в творчестве старого поэта. В них он увлеченно воссоздает события, переживания и даже ощущения своей юности, правда, сам подчас называет это «игрой осколками минувшего». Но всплывающие в памяти живые видения прошлого почти неизменно сопоставляются с обликом настоящего, который он рисует немногими, но очень выразительными штрихами, и в целом стихотворе-

ния-воспоминания создают подвижную и впечатляющую картину жизни. Они имеют и свое особое настроение, исполненное новыми для поэта мягкими переливами многообразных чувств.

Большая конкретность изображения, очевидно, не была только вопросом техники, как не была она и результатом одних только дорогих старому человеку воспоминаний. Думается, что стремление к конкретности было обусловлено большим интересом поэта к повседневной жизни людей, отражало дальнейшее развитие реалистического начала и гуманистической направленности его творчества.

Показательно в этом отношении стихотворение «Флейта», — картина большого города, который подминает под себя человека. Ту же самую творческую позицию, но раскрываемую в ином плане, отражает стихотворение «Копай». Великая Ганга, которая символизирует национальную традицию — «течет из древних текстов прямо», теперь видится поэту путником:

Идушим мимо радости и горя,
Что в придорожных домиках живут —
Так близко и далеко от него.

Отчужденной величавости Гапги Тагор противопоставляет образ речки Копай, чей живой бег сливается с ритмом жизни деревни, через которую она протекает. Он хочет, чтобы такой же была его поэзия, и это желание столь велико, что сам он считает ее именно такой.

Ритм Копай похож необычайно
На ритм моих стихов.
Объединяет
И землю он и воду. Наполняет
Он музыкой часы дневных работ,
В незримом ритме том сантальский мальчик
Бредет лениво с луком и стрелой.
И в этом ритме движется телега,
Нагруженная сеном. И горшечник
На ярмарку идет, неся посуду
В корзинах двух, привязанных к шесту.
И за хозяйской тенью собачонка
Бежит в том ритме.

В нем учитель школьный,
Не заработавший трех рупий в месяц,
Идет устало,
Свой облезлый, старый,
Дырявый зонт раскрыв над головой.

Стремление к непосредственному изображению текущей жизни никогда не приводило у Тагора к заземленности, натуралистической приниженности, ибо ведущим идейным началом в этом стремлении был гуманизм. Поэтому обращение к повседневности не снижало эстетического идеала поэта, делало его более конкретным и реалистичным. Сочетание художественного видения с философским осмыслением становилось проще и естественнее.

Красивое заключено в обычном,
Но все границы преодолевает.
Оно в необходимости свободно
И в преходящем остается вечным.
(«Свое жилище я переменял...»)

Свойственное Тагору сознание полноты жизни, чувство единения с вечной природой, отсутствие индивидуалистического противопоставления своего «я» окружающему миру определили и направление его раздумий о смерти. Эти раздумья спокойны и свободны от всякого страха. Переход в небытие неизменно представлялся поэту закономерным завершением жизненного пути, ибо он приходит к концу этого пути с «полным сосудом своей жизни». Однако мысль о смерти в ранних стихах Тагора была отмечена также и своеобразной лирико-философской отрешенностью, в которой отношение «я и вечная природа» или «я и жизнь» (вообще) преобладало над отношением «я и люди». В стихах позднего периода раздумья о смерти, сохраняя свое основное философское значение, делаются проще и человечнее. Поэт обращается к людям, чья любовь становится теперь главным содержанием его «полного сосуда жизни».

Этот день моего рождения станет мне днем разлук.
Я хочу, чтобы каждый, кто настоящий друг,
Прикоснулся руками своими к рукам моим.
Дар прощальный бrenного мира, знак того, что любим,
Унесу я — последнее благословенье людей,
Унесу я — последнюю милость жизни земной моей.
(«Этот день моего рождения...»)

Сочетание художественного видения с философским осмыслением — эта, на наш взгляд, самая характерная черта поэтического гения Тагора особенно ярко раскрывается в его любовной лирике. Она являет собою совершенно исключительное как по чувству, так и по мысли вдохновенное славословие любви. Живой и непосредственный рассказ о любовных переживаниях свободно поднимается до высокого философского обобщения; любовь предстает как высшее выражение радости бытия, как прекрасное проявление человечности и мощная творческая сила, как торжество жизни. Чувство и мысль живут нераздельно, они видятся поэту «двумя потоками» самой любви. Один из них омывает любимую нежностью, как омывает дерево, «всем знакомая с детства текущая тихо река», которая колышет в своих волнах «образ женщины самой обычной». Другой — ведет к океану, где из глубин выплывает «величавая женщина — воплощение моих созерцаний», и возлюбленная, украшенная всей красотой мироздания, предстает олицетворением самой жизни.

Лирика Тагора — редкий образец раскрытия любовных переживаний, их высокой человечности и преобразующего воздействия на личность. Тагор показывает, как эмоциональный подъем влюбленности, счастье любви, обостряет восприятие окружающего мира, словно раскрывая все человеческие чувства, убыстряя и углубляя поток сознания. Любовь становится путем восприятия и постижения красоты мира, и счастливая иллюзия влюбленных, которым кажется, что время для них остановилось, переходит в высокое сознание вечности самой жизни, и любовь приобщает к ней человека.

Где жизни теченье сливалось
С течением небытия,
Где время для нас обрывалось,
Однажды сошлись ты и я...
Как трепетно, неудержимо
Дыханье летит бытия,
Я понял, когда недвижимо
Сидели вдвоем ты и я.

(«Встреча»)

Буйная радость любви становится радостью жизни вообще, творит красоту и доброту в человеке и открывает в нем самом творца. Это пора созидания и раздачи богатств души человеческой, пора вдохновенного творчества и счастливого даре-

ния. Поэт отдает себя возлюбленной, а его самого наполняет чувство благодарности за дарованное ему счастье. Это чувство он пронесит через всю свою жизнь.

Больше всего благодарен тебе, что ты была.
(«Благодарный»)

Любовь у Тагора — сама человечность, освобожденная от оков эгоизма, естественная и прекрасная. Вот почему единение влюбленных, видящих мир «одними глазами», — это не только пьянящий своей радостью праздник, но и неисчерпаемый источник душевных сил человека «на пути буден», который поэт называет «самым трудным». Настоящим гимном могуществу любви звучит стихотворение «Дорогая, нового рая создавать мы не станем». Мрачноватый его колорит лишь подчеркивает мужество и стойкость влюбленных перед лицом невзгод, выпавших на их долю, их готовность продолжать свой путь «вопреки преградам». И словно молния, прорезывающая затянутый тучами небосвод, раздаётся торжествующий глас несокрушимой и победоносной любви. Поэт повторяет его как символ веры и как заклинание.

Ты — есть, я — есть, мы — рядом!

Высокая человечность Тагора ярко проявляется в его идеале женского характера, в поэтическом раскрытии духовного мира женщины. Особое внимание Тагора к чувствам женщины имело исторические причины. Протест против средневековой приниженности человеческой личности находил в тогдашней Индии одно из наиболее активных выражений в борьбе за признание личных и общественных прав женщины. Эта характерная тенденция передовой индийской общественной мысли широко отразилась в художественной литературе второй половины XIX века и нашла своеобразное продолжение и развитие в творчестве Тагора. Всей силой своего художественного дара Тагор утверждает самостоятельность человеческой личности в женщине. Само осуществление тагоровского идеала любви немислимо без духовного равенства женщины с мужчиной. Певец женственности, он смело называет свой идеал женского характера «мужественным», бросая тем самым вызов традиционным представлениям.

Иль женщинам нельзя вести борьбу,
Ковать свою судьбу?
...Хочу я, чтоб избранник мой постиг
Во мне — не робость униженья,
А гордость самоуваженья,
И перед ним тогда
Откину я покров ненужного стыда.
(«Мужественная»)

Трудно даже представить себе, какой смелости требовали подобные выступления Тагора при том сохранении средневековых традиций, которое имело место в Индии.

Одним из первых в индийской литературе нового времени Тагор воспел красоту и душевную силу женщины из народа. Его восхищает вольнолюбивая смелость кочевницы, которая «легко прыгает в седло и не страшится реку переплыть» («На волю»).

Радостным гимном женщине звучит цикл стихотворений в книге «Мохуа». Это редкое по своей поэтичности, полноте и разносторонности раскрытие женского характера, его тончайших особенностей. Кротость и духовная сила — «мужественность», доброта и подвластность настроениям — «загадочность», мечтательность, опускающая «перо в настой печали», и величавая уверенность, тонкость ума и артистичность — эти переживы женского характера радуют глаз поэта, словно игра драгоценного камня. Он самозабвенно любит себя ими, наслаждаясь духовной и физической красотой, которую он хочет видеть в женщине неразделимой.

Свою возрожденчески радостную картину мира Тагор — «аристократ-художник» создает, стремясь отвлечься от жестокой и бесчеловечной социальной действительности. Это во многом объясняет ее своеобразную романтическую абстрактность. И, однако, Тагор был художником-гражданином, причем с течением времени гражданское начало в его творчестве росло и крепло. Незадолго до своей кончины он, как бы подводя итоги, писал:

Если спросишь: «Где реальность?» — я скажу тебе в ответ:
«Этот мир романтик создал, и реального в нем нет».

Но я знаю путь в реальный мир,
Что оборван, голодец и сир...

Думается, что своеобразная и нередко противоречивая многоплановость умонастроения и творчества Тагора, помимо

особенностей его личности, была обусловлена также и характером развития общественной мысли, мировоззренческих и эстетических представлений в Индии. Последовательные этапы этого развития, совершавшегося на протяжении долгой жизни Тагора, и свойственные каждому из них представления не только сравнительно быстро сменялись, но и как бы наслаивались друг на друга. Это не могло не сказываться на миропонимании и творчестве такого яркого выразителя эпохи, как Тагор.

Путь Тагора «в реальный мир» был далеко не прост. Поначалу непосредственная действительность жизни миллионов с ее бедами и страданиями лишь отдельными прорывами вторгается в его творчество, а его гражданский протест, сочетавшийся с либерально-просветительскими и религиозно-моралистическими иллюзиями, был направлен главным образом против средневековых установлений и против наиболее вопиющих проявлений колониального гнета. Однако с течением времени вторжения действительности учащаются, они отдаются острой болью, почти криком — «Сколько в мире страданий», который все чаще прерывает его радостный гимн жизни. Поэт напряженно ищет социальный идеал, мучительно переоценивает свои прежние представления. В результате этих поисков и переоценок его творчество все более приобретает антикапиталистическую направленность, а его критика колониального режима перерастает в призыв к борьбе за национальную свободу.

Характерным отражением социальных убеждений, с которыми Тагор вступил во вторую половину своего творческого пути, является стихотворение «Обман» (из книги «Беглянка», 1918 г.), где Тагор говорит о том, как сталкиваются радостное восприятие мира, порожденное личным счастьем человека, подобного ему самому, и жестокая действительность жизни миллионов обездоленных. Рассказывая о семье нищего кули, случайно встретившегося на пути его героя, — одной из тех, каким в Индии несть числа, — Тагор житейски просто рисует типичную картину голода и разорения.

Он кули. В этот город
Загнал их голод.

Они в деревне жили там, вдали.
Семь бигхов было неплохой земли,
Но им помещик объявил войну...

Наивное, простое человеческое стремление тут же помочь этим несчастным людям наталкивается на эгоистичность имущего, которую Тагор жестоко бичует в своем герое. Характерно, что, рассказывая об этом случае, Тагор не задается вопросом о невозможности помочь милостыней миллионам таких же обездоленных, как встретившийся ему кули. Его волнует именно моральная сторона отношений между богатым и бедным, и рассказ приобретает характер притчи.

Надежды на устранение социального зла путем моралистической проповеди были свойственны многим ведущим представителям индийской общественной мысли на протяжении всей жизни Тагора, в особенности в ранний ее период. Это объяснялось неразвитостью социальных и классовых противоречий в стране, только еще освобождавшейся от пут средневековья, а также национальным гнетом, который затушевывал противоречия, имевшиеся внутри индийского общества. Критика с позиций нравственных критериев была характерна и для самого Тагора. «Алчность уймите!» — вот те слова, с которыми он едва ли не всю жизнь обращался к имущим власть и богатство.

Вместе с тем, в ходе идейной эволюции, которую пережил Тагор, осознание несправедливости существующего строя углублялось. Его протест против эксплуатации, первоначально довольно абстрактный, облекается плотью и кровью, поднимается до обличения. В стихотворении «Девушка из племени санталов» Тагор прямо говорит, что дом, который строят для него, богатого человека, нищие рабочие, выходцы из «отсталого» племени, он украл у них «при помощи денег, отмычки жалкой».

В этих представлениях Тагора своеобразно преломлялось растущее возмущение народных масс социальной несправедливостью, которое во многом еще оставалось стихийным и отражало как необходимость борьбы против эксплуатации, так и неподготовленность к этой борьбе. Для мироощущения Тагора в поздний период его жизни характерно напряженное ожидание «обновления» жизни людей, преобразования мира. Эта тема звучит уже в стихах книги «Журавли», написанных в годы первой мировой войны. Тагор тонко чувствовал наэлектризованную атмосферу перемен, назревавших в Индии и во всем мире. Это было скорее ощущение, нежели осознание. Но его неизбывный оптимизм рождал предчувствие прихода новых светлых сил, которые разрушат старый мир, повинный в угне-

тении народов и безжалостном уничтожении людей в горниле войны. И Тагор хотел быть с ними.

Не сможет вспять нас повернуть
Никто и никогда.
И тех, кто преградит нам путь,
Несчастье ждет, беда.

(«Клич»)

Сбрось прах веков и ржавь оков!
Мир засевай бессмертья семенами!
В грозových тучах ярких молний рой,
Зеленым хмелем полон мир земной,
И ты возложишь на меня весной
Гирлянду бокула, — уж близко время,
Расти, бессмертное земное племя!

(«Юное племя»)

Стойкую веру Тагора в прогресс не могли сломить события 30-х годов, империалистическая агрессия. «Нарыв созрел» — так характеризовал он тогдашний мир и с новой силой отстаивал необходимость его обновления. Тагор оставался другом Советского Союза, решительно обличал империализм и фашизм, был на стороне республиканской Испании. Правда, в некоторых его стихах 30-х годов чувствуется также и смятение перед чудовищем современной войны, которое все более наращивало свою разрушительную силу («Человек — птица»). Моралистический подход к общественным явлениям сказывался и в восприятии трагических событий тех лет. Отсюда призывы «одолеть безумье и гнев, одежду смиренья надев», найти «к обновлению путь» в самой «душе» человека. И в то же время именно тогда сам Тагор усомнился в действительности идей духовного совершенствования и принципа «ненасилия», то есть непротивления злу насилем, которые он в той или иной мере разделял. Это были мучительные колебания и трудная переоценка ценностей, пережитые им уже к концу жизни. Вот почему таким, прежде несвойственным ему, жестоким пафосом и крайней напряженностью раздумий проникнуто стихотворение «Вопрос», в котором Тагор рассчитывается с некоторыми вековыми иллюзиями, захватывавшими его самого и многих из тех, кто его окружал.

Несмотря на сохранение моралистических тенденций, в стихотворениях и высказываниях 30-х годов Тагор ближе, чем

прежде, подошел к социальному осмыслению развивавшегося мирового кризиса. Он говорил, что этот кризис порожден развитием цивилизации, основанной на «грабежах и насилиях», что в мире идет между голодными и сытыми война.

Пожар греха она раздула в подземелье
Цивилизации, куда упрятать
Награбленное хищники успели.
(«Искушение»)

Этих хищников, вскормленных буржуазной цивилизацией, он обличает, видя свое призвание в том, чтобы «сразить их словом». При сохранении, а порою даже оживлении прежних иллюзий, в представлениях Тагора о путях обновления мира усиливается реалистическое, демократическое начало. Характерно, что в его стихах 30-х годов прежние аллегорические характеристики грядущего — «приход юного племени», «торжество весны» и т. п. — отступают на второй план. Тагор теперь все чаще пользуется понятиями, которые имеют прямое политическое звучание. Поэт приветствует «пробуждение угнетенных» как залог преобразования мира.

Вижу в угнетенном пробужденье,
Дивного величья торжество,
Радостно приветствую его.
Всяк его по-своему зовет.
Под его ногами гибнет гнет.
В нем грядет великий перелом.
Кровью сердца говорю о нем.
(«Столкновение»)

Нельзя не отдать должного и тому, что Тагор в самом понятии прогресса мудро раскрывал не только его неодолимость, но также и его бесконечность. Призывая «с борьбой идти вперед», Тагор говорит, что человек это «вечный путник», который не должен льстить себя надеждой «прийти к концу забот».

Говоря о разрушении старого мира, Тагор часто обращается к образу «игры». Это излюбленный образ тагоровской поэзии вообще, но прежде поэт придавал ему иной смысл. Образ игры у Тагора восходит к индийским религиозно-философским представлениям — согласно им, видимый мир создается и разрушается в божественной игре творца. Еще в раннем творчестве Тагор противопоставлял «игру» как свободное проявление творческих сил хмурым деловитости и суете повседневности.

Но эта игра разрушения и созидания подчас представляла у него не только свободной, но и бесцельной, даже бездумной, — отсюда частое обращение к игре детей. Позднее в тагоровском образе игры все сильнее звучит призыв к целенаправленному разрушению старого ради создания нового, лучшего. Поэт хочет, чтобы это делалось смело и решительно, без сожаления.

Так играл я не раз. — Все новое, знаю,
Строят, старое разбивая.
Путь потеряв, открывают неведомый,
Беды нам только кажутся бедами.
Знаю — из разорванных пут
Шутя для качелей веревки плетут.
(«*Чьи-то шаги*»)

Мудростью и тонкой лиричностью веет от слов Тагора о грядущем поэте, чьи песни сменят его собственные. Приход нового поэта, символизирующий наступление желанной новой жизни, Тагор встречает со спокойной уверенностью, которую дает ему сознание, что и он сам в чем-то принадлежит наступающему новому.

Ну что же? Я уйду, не ведая печали,
Чтоб новых, лучших дней напевы зазвучали,
Ужели из цветов моей весны
Нельзя сплести венок поэту новизны?
(«*Новый слушатель*»)

Тагор продолжает, еще более целенаправленно, чем прежде, борьбу со своими врагами — средневековыми обычаями, религиозным мракобесием и фанатизмом. Он решительно выступает против деления людей на касты, которое усугубляло социальное неравенство и угнетение, возвышает свой голос в защиту наиболее принижённых — неприкасаемых. Это был также отклик поэта на движение против «неприкасаемости», за утверждение личных и общественных прав низших каст, которое развернулось в 20—30-х годах по инициативе Гапди. Одним из требований движения был допуск неприкасаемых в индусские храмы, о чем говорится и в некоторых стихах Тагора («Первое богослужение» и др.). В своих выступлениях против кастовости Тагор использовал традицию «бхакти» — передового религиозно-реформаторского движения в средневековой Индии. Его проповедники отрицали касты и выдвигали идею равенства людей перед богом. Одним из наиболее примечательных среди них был Рамананда, который жил в конце XIV — начале XV века.

Будучи брахманом, членом высшего, жреческого сословия, он тем не менее решительно отвергал кастовые правила, принимал в духовные ученики выходцев самых низших каст, использовал народный язык в своих проповедях и приобрел большое уважение в народе. Рамананде Тагор посвятил ряд своих стихотворений-рассказов, проникнутых глубокой симпатией к этому выдающемуся гуманисту индийского средневековья («Золото любви», «Чистый»). Тагор, сам брахман по касте, говорит о себе, что и он из касты неприкасаемых. Используя средневековую традицию утверждения равенства людей перед богом, Тагор вместе с тем по-своему переосмысливает ее. Равенство людей представляется ему таким же естественным, как естественно «равенство» или отсутствие противоположности между деревьями в лесу, либо лотосами в пруду. Он, по существу, утверждает равенство людей как бы перед лицом вечной природы, перед красотой, хотя говорит о боге.

Скажи мне, кто, когда
Делал на касты лотосы пруда?
Как может вызывать презренье
Небес творенье?

Там, где доволен бог своим трудом,
Он каждый злак и лист кропит святым дождем.
(«Кувшин с водой»)

Особое негодование вызывает у Тагора сочетание освященных религией средневековых обычаев и традиций с внешними формами «современной» буржуазной культуры, средневековой религиозности — с буржуазным ханжеством. Такого рода явления получили широкое распространение в Индии, да и не только там. Тагор показывает отвратительное обрастание средневекового деспотизма лицемерием, превращение средневековой религиозности в ханжество. Речь об этом идет в стихотворном рассказе «Избавление». Поэт восстает против традиционного семейного уклада, наделяющего мужа и отца деспотической властью, и показывает, как опирающаяся на эту традицию семейная тирания прикрывается религиозными заповедями, которые на деле становятся оправданием своекорыстия.

Возмущение Тагора «заблуждениями старины», религиозным мракобесием и фанатизмом переходит в пафос негодования, когда они проявляются в общественно-политической жизни, становятся орудием политики. Самым жестоким и губи-

тельным проявлением религиозного фанатизма и мракобесия на политической арене в Индии была вражда между индусами и мусульманами, которую колониальные власти ловко провоцировали на протяжении многих лет, чтобы ослабить национально-освободительное движение. Индусско-мусульманская рознь усугубляла и без того чудовищно тяжелые страдания народа. В религиозных столкновениях-погромах гибли сотни и даже тысячи людей. С болью и гневом говорит Тагор об этом в стихотворении «Фанатизм». Он не называет колонизаторов, чья политика была первопричиной религиозной вражды и погромов в колониальной Индии. Тагор обличает религиозное мракобесие и фанатизм как таковые, подчеркивая пагубность их проявления в общественно-политической жизни. Здесь сказались известная ограниченность Тагора-просветителя с его верой во всеислие просвещения-знания и представлениями о зле, как результате заблуждения. Но нельзя не отдать должного этой твердой и активной вере в прогресс, делавшей само творчество Тагора фактором прогресса, и решительности, с которой поэт обрушивается на зло.

Глас времени гремит, вещая нам:
Могучий вихрь сметет проклятый хлам!..

Тагор не был политиком, как не был и трибуном. Но он был гражданином, патриотом своей родины, поборником гуманизма и прогресса. Это определило отношение Тагора к колониальной власти, которое также претерпело определенную эволюцию, отразившую утверждение в его творчестве идей борьбы за независимость. Если в книге «Журавли» призывы «разбить алтарь рабства» звучат еще очень абстрактно, риторично и могут быть истолкованы в плане утверждения духовной самостоятельности индийцев, то в стихах и других произведениях 20—30-х годов Тагор прямо говорит о политической свободе родины, призывает к ее завоеванию. Некоторые его стихотворения приобретают публицистический характер. Тагор обличает не только колониальную власть в Индии, но и колониализм вообще, гневно бичует расизм. Он говорит о порабощении Африки:

Тенистая! За черным покрывалом
Не видел человеческого лика
Презренья мутный взор.

С колодками, с цепями ворвались
Ловцы людей, чьи когти крепче волчьих,
Чье низкое высокомерье глуше
Твоих для солнца недоступных джунглей.
(«В тот древний иступленный век...»)

Тагор рассматривал колониализм как порождение буржуазности и верил, что человечество, в конце концов, покончит и с тем, и с другим, что его собственная родина обретет свободу и возродится.

Англичанин прошел по стране,
Утверждая волю свою и власть,
Но воздвигся и он, чтобы пасть.
...Знаю, сонмища тех, кто развозит товар,
На дорогах вселенной растворится, как пар.
(«Скользя по ленивому потоку времен...»)

Эпически спокойная, философская настроенность этого стихотворения, характерная для многих раздумий Тагора, отнюдь не означала его безразличия к действию, к борьбе за лучшее будущее. Сам он наносил жестокие удары колониальной власти своей публицистикой. Но выше слов ставил он действие, звал соотечественников к борьбе за свободу, возвеличивал ее героев и мучеников. Свой рассказ о юном участнике борьбы за свободу, погибшем в тюрьме, Тагор заключает так:

Мне Панчу передал тетрадь.
Я за страницей страницу стал читать.
Исполненный надежд и юных сил, —
Все то, что о родной стране я говорил
Его друзьям, ему, —
Он записал в тетрадь пред тем, как сесть в тюрьму...
Что наши, думаю, слова?
Опавшая листва.
Но он их оживил, — он сделал их сильней. —
Живой водою гибели своей.

(«Шпион»)

По-новому осмысливает Тагор само понятие «свобода», которое всегда занимало большое место в его раздумьях. И здесь кажется, что мысль Тагора идет в русле традиционных представлений индийской философии о достижении человеком «духовной» свободы. На деле Тагор коренным образом изменил содержание этих представлений как в отношении самого понятия «свобода», так и в отношении путей ее достижения. При

этом в ходе идейной эволюции поэта изменялось и его собственное понимание свободы. Оно расширялось, все более приобретая социальный и политический характер, наполняясь демократизмом. В ранний период своего творчества Тагор, отвергая традиционное религиозное понимание свободы как аскетического ухода от жизни, видел утверждение свободы в принятии жизни, в освобождении от обветшалых порядков и догм средневековья и от буржуазного стяжательства. Путь к достижению свободы Тагор усматривал главным образом в пренебрежении средневековыми установлениями, в своего рода отрешенности от корыстолюбия, повседневной суеты и в моральном совершенствовании. Теперь Тагор в свое понятие свободы включает идеи национального освобождения родины и социальной справедливости, а достижение свободы, в том числе и личной свободы человека, видит в борьбе за «свет и счастье» для людей.

Кто отвоевал у горя
Свет и счастье, с мраком споря,
Тот в тюрьме познал свободу, внемля музыке цепей!
(«К узникам Бокши»)

Таков путь, который прошел великий индийский поэт, следуя жизни своего народа, своей эпохи.

Э. Комаров

СТИХИ

ИЗ КНИГИ «САД ПЕСЕН»

Сборник составлен из песен разных лет, как опубликованных, так и неопубликованных, первый и второй тома вышли в 1931 году и последний, третий, — в 1932 году.

По сравнению с текстами соответствующих стихов, вошедших в бенгальское собрание сочинений, тексты песен обнаруживают некоторые, большей частью несущественные изменения, чаще всего в расположении строк.

Тексты нескольких песен Тагор перевел на английский язык и включил в книгу «Gitanjali».

Имеется довольно много русских переводов: Р. Тагор, «Сочинения», Гослитиздат, т. 7, М. 1957; «Бенгальская поэзия», Гослитиздат, М. — Л. 1959; «Лирика», Гослитиздат, М. 1961.

Стр. 7. *Небесная Ганга* (Мандакини) — по индийской мифологии, часть Ганги, протекающая на небесах.

Стр. 31. *Анчол* — край сари.

Стр. 37. *Пусть Бенгалии земля, воды, воздух и поля...* — 16 октября 1905 года англо-индийское правительство ввело в действие закон о разделе Бенгалии. В этот день Тагор возглавил демонстрацию протеста в Калькутте и написал песню «Пусть Бенгалии земля, воды, воздух и поля...», которая приобрела большую популярность среди патриотических кругов Индии.

Стр. 71. *Мриданг* — сигарообразный барабан.

Стр. 78. *Бхадра* — первый месяц осени (август — сентябрь), в этот сезон небо бывает ясное, с легкими облаками, изредка идут дожди.

Кетоки — небольшое дерево с длинными листьями и гладким коричневым стволом.

Стр. 84. *Домору* — бубен удлинённой формы, расширяющийся к концам.

Стр. 89. *Джахнави* — одно из названий Ганги. По преданию, Ганга была низведена с неба благодаря подвижничеству мудреца Бхагиратха (отсюда другое ее имя — Бхагиратхи). Шива подхватил Гангу на свое чело. Низведение Ганги нарушило созерцательное размышление другого мудреца — Джахну, и он выпил реку. Затем, одумавшись, он выпустил ее через ухо. Поэтому Ганга называется Джахнави.

Стр. 97. *Мукти* — освобождение от перерождений, духовное освобождение.

ИЗ КНИГИ «СНОВА»

Сборник «Снова» опубликован в 1932 году. Он посвящен умершему внуку Тагора — Нитиндро (Ниту), чья смерть глубоко опечалила поэта.

В этой книге Тагор впервые широко применил свободный стих, продолжая и развивая опыт, который он приобрел в области ритмической прозы («Липика», 1922 г.).

Стихотворение «Сын человеческий», переведенное автором на английский язык, вошло в книгу «Fugitive».

Несколько стихов из «Снова» переводились на русский язык: Р. Тагор, «Сочинения», Гослитиздат, т. 7, М. 1957; «Лирика», Гослитиздат, М. 1961.

Стр. 109. *Копан* — речушка, протекающая около Шантиникетона, где находится университет Вишвабхарати, основанный Тагором.

Джхау — высокое хвойное дерево.

Раджбонши — земледельческая каста.

Стр. 110. *Санталы* — индийское племя, живущее к северо-западу от Калькутты. Девушки-санталки нередко бывают очень красивы.

Стр. 116. *Кхоан* (букв. разрушенная земля) — местность около Шантиникетона, где в больших количествах находятся красная глина и красный гравий.

Махшасура — демон, упоминаемый в древнеиндийском эпосе — «Махабхарате».

Стр. 117. *Словно отряд маратхской конницы...* — Маратхи — народность, проживающая в штатах Бомбей, Мадхия-Прадеш, Мадхия-Бхарат и на западе Хайдарабада. Маратхи славятся своей воинственностью.

Стр. 119. *Курчи* — дикорастущий кустарник с белыми цветами, которые, по преданию, богиня Сарасвати дарила Шиве.

Джарул — кустарник, употребляющийся для живой изгороди.

Мадар — кустарник. Из его корней, коры и сока готовят различные лекарства.

Шоджне — невысокие кусты. Ветви его без листьев, членистые, толщиной в палец.

Стр. 120. *Пассифлора* — название кустов и деревьев, принадлежащих к семейству страстоцветов. Кусты часто бывают вьющимися, очень красивыми на вид.

Стр. 122. *Ююба* — колючие кусты из семейства крушипы.

Стр. 123. *Девушка-наги*. — Наги — мифические полубожества. Многие девушки-наги, по легенде, выходили замуж за людей.

Стр. 130. *Бадринагх* — гора в Гималаях, где находится храм Вишну, место паломничества.

Стр. 133. *Диди* — старшая сестра.

Стр. 134. *Хукка* — кальян.

Стр. 136. *Эрватамия* — цветок.

Стр. 142. *Шишу* — большое дерево с ценной древесиной.

Стр. 145. *И приводил бенгальские стихи // О вышедшей из воли небесной деве...* — Тагор говорит о своем собственном известном стихотворении «Урваши» (2-й том настоящего собрания сочинений, стр. 208). *Урваши* — небесная дева, апсара, якобы вышедшая из молочного океана, когда его пахтали боги.

Стр. 149. *Кабулийцы* — выходцы из Афганистана. Обычно занимаются ростовщичеством.

Стр. 150. *Ганеша* — бог мудрости, покровитель торговли.

Стр. 151. *Даккское сари на ней...* — Дакка — город (ныне находящийся в Восточном Пакистане), где производится тончайший муслин.

Стр. 152. *Падишах Акбар* (1542—1605) — император из династии Великих Моголов.

Зонт царя — символ самодержавной власти.

Стр. 153. *Тхакур* — обычно брахман (который считает, что он земной бог). Здесь: бог.

Стр. 154. *Дхрува* — Полярная Звезда, являющаяся символом правдолюбия, стойкости, верности.

Чандалы — каста неприкасаемых, занимающаяся самой «низкой» работой: сожжением трупов, уборкой общественных мест.

Стр. 156. *Ньяяк* — последователь индийской философии ньяя, возникшей около I в. н. э.

Стр. 162. *Вишва Карма*, божественный зодчий, — Вишва Карма, «великий строитель вселенной», божество, о котором говорится в «Махабхарате». Он построил город Ланку для ракшасов (демонов).

Хануман — царь обезьяний. Персонаж «Рамаяны», помогал Раме в его войне против царя ракшасов — Раваны.

Кираты — жители лесов и гор («Рамаяна»).

Стр. 163. *Картик* — первый месяц поздней осени (хемонто). В этот сезон созревает рис. Погода стоит прохладная, не дождливая.

Стр. 167. *Модхумонджори* (Медвяная) — растение, выдуманное Тагором (см. 7-й том настоящего издания, стихотворение «Медвяная», стр. 210).

Стр. 171. *Шадхок* — жрец, священнослужитель.

ИЗ КНИГИ «ПЕСТРОЕ»

Сборник «Пестрое» издан в 1933 году.

Тагор написал «Пестрое» во время отдыха на берегу Ганги. Темы стихотворений подсказаны картинами известных бенгальских художников, а также картинами самого Тагора.

В частности, «Молочница» написана на сюжет картины Гоури Деби, «Поражение» — на сюжет картины Шурендронатха Кора, «Различие» навеяно картиной автора, а «Робкая» и «Сомнение» обязаны своим появлением картинам Гогендронатха Тагора.

Русские переводы стихов из этого сборника вошли в «Сочинения», Гослитиздат, М. 1957, и в «Лирику», Гослитиздат, М. 1961.

Стр. 183. *Кришноколи* — небольшое деревце, усыпанное желтыми или красными цветами не очень ароматными, но красивыми.

Стр. 186. *Майдан* — большое поле в Калькутте, место демонстраций, сборищ и спортивных состязаний.

Сборник «Последняя октава» появился в 1935 году.

Русские переводы напечатаны в «Лирике», Гослитиздат, М. 1961.

Стр. 198. *Аннапурна* (букв. дарующая пищу) — одно из имен богини Дурги, жены Шивы.

Стр. 200. *Рани Деви* — жена видного индийского экономиста Махалобиса. Эти стихи — переложение двух писем Тагора.

Стр. 202. *Бог Индра тысячею глаз смотрел...* — Индра — бог-громовержец, владыка рая. Легенда рассказывает, что Индра пытался соблазнить Ахалью, жену мудреца Гаутамы. Тот проклял его, и на теле Индры образовалась тысяча дыр, которые затем стали глазами. Индру называют «Тысячеглазым».

Стр. 204. *Шудхиндронатх Дотто* — известный бенгальский поэт, редактор журнала «Поричой».

Стр. 208. *Нанди* — бык Шивы, почитается как хранитель всех четвероногих.

Стр. 221. *Как привиденья в ночь женитьбы Шивы...* — Шива считается покровителем духов и привидений, обитающих на площадке для сжигания трупов. Эти духи и привидения сопровождали его и во время женитьбы.

Стр. 222. *Сикхи* — члены религиозной касты, основанной в XVI веке гурю Нанаком.

Стр. 225. *«Атхарваведа»* — четвертая книга вед, содержащая магические заклинания.

Стр. 228. *Повелитель танца* (Натараджа) — одно из имен Шивы. По индуистским представлениям, танец этого бога является причиной изменений, происходящих в мире.

Стр. 230. *Пусть дом моих дней последних // Построен будет из глины, // И зваться он Шамоли будет...* — В последние годы жизни Тагор изъявил желание, чтобы ему выстроили глиняный домик. Этот домик был воспет во многих его стихах. Шамоли — многозначное слово, обозначающее «зеленый», «смуглый». Это имя Тагор дал целому сборнику стихов.

Дурба — невысокая ароматная трава, атрибут религиозных церемоний.

Стр. 232. *Припал к твоему материнскому лону, // Где некогда ты сохраняла Ахалью...* — За супружескую неверность Ахалья была проклята Гаутамой и превращена на десять тысяч лет в камень.

ИЗ КНИГИ «ДОРОГА»

Сборник «Дорога» напечатан в 1935 году.

Русские переводы см. в «Лирике», Гослитиздат, М. 1961.

Стр. 243. *Ютха* — разновидность жасмина.

Шондеш — сладкое молочное кушанье.

Стр. 247. *Тулси* — базилик. Его семена употребляются для изготовления четок.

Стр. 248. *Ашот* — большое мелколистное дерево.

Стр. 263. *Поуш* — первый месяц бенгальской зимы (декабрь—январь). В этот сезон стоит относительно прохладная погода, и с некоторых деревьев (не со всех) осыпается листва.

Чил — хищная птица, ястреб.

Миробалан — крупное дерево. Его плоды содержат танины и используются для дубления кожи.

Стр. 277. *Камала* (Лотосоподобная) — имя богини Лакшми.

ИЗ КНИГИ «ЧАША ЛИСТЬЕВ»

Большинство стихотворений, вошедших в «Чашу листьев», было первоначально напечатано в журнале «Пробаши» (с октября 1935 г по май 1936 г.).

Сборник вышел в свет в 1936 году.

Стихи из «Чашы листьев» много раз переводились на русский язык: «Сочинения», Гослитиздат, М. 1957; «Бенгальская поэзия», Гослитиздат, М. — Л. 1959; «Лирика», Гослитиздат, 1961.

Стр. 283. *Эсрадж* — смычковый музыкальный инструмент.

Стр. 291. *И песня, как светильник малый* // На детском плотике... — Дети, а также женщины и девушки пускают в Гангу плотики со светильниками как приношение богу.

Стр. 292. *Саренг* — струнный музыкальный инструмент.

Стр. 300. *Ситара* — струнный музыкальный инструмент.

Стр. 301. *Рудрани* — одно из имен супруги Шивы.

ИЗ КНИГИ «ШАМОЛИ»

Сборник издан в 1936 году.

Несколько переводов на русский язык включены в «Лирику», Гослитиздат, М. 1961.

Стр. 314. *В его цветах сегодня мне представлен* ||Гандхарва Читраратха — колесничий, ||*Что Арджуну, сражаясь, победил...* — Читраратха — повелитель гандхарвов, мифических поллюдей-полулошадей. Арджуна — смелый воин, герой «Махабхараты».

Стр. 315. *Санай* — свирель, флейта.

Стр. 317. *Чалота* — дерево с крупными кислыми плодами.

Стр. 321. *Вальмики* — легендарный мудрец, который традиционно считается автором «Рамаяны».

Стр. 323. *Дронго* — птица с длинным раздвоенным хвостом и желтым опереньем.

Стр. 332. *Вайтарани* — мифологическая река, через которую якобы переправляются в ад. Она полна крови, грязи, нечистот.

ИЗ КНИГИ «КОНЕЧНОЕ»

Книга «Конечное» увидела свет в 1937 году.

В этом году Тагор перенес серьезную болезнь. Двое суток он лежал без сознания. Впечатления болезни и послужили темой для некоторых стихотворений «Конечного».

Переводы на русский язык есть в «Лирике», Гослитиздат, М. 1961.

ИЗ КНИГИ «ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ»

Сборник напечатан в 1938 году.

Некоторые стихи переводились на русский язык: «Сочинения», Гослитиздат, М. 1957; «Бенгальская поэзия», Гослитиздат, М. — Л. 1959.

Стр. 340. *Бхагиратхи* — см. прим. к стр. 89.

ИЗ КНИГИ «НЕБЕСНЫЙ СВЕТИЛЬНИК»

«Небесный светильник» опубликован в 1939 году.

Переводы на русский язык — в «Сочинениях», т. 7, Гослитиздат, М. 1957.

Стр. 359. *Огрохайон* — второй месяц поздней осени (хемонто).

Стр. 364. *Пакур* — см. ашот, прим. к стр. 248.

ИЗ КНИГИ «НОВОРОЖДЕННЫЙ»

Книга «Новорожденный» издана в 1940 году.

Стихи из этого сборника переводились на русский язык: «Бенгальская поэзия», Гослитиздат, М. — Л. 1959.

ИЗ КНИГИ «САНАЙ»

Стихотворения, составившие сборник, публиковались сначала в журналах (1937—1940). Отдельной книгой они были напечатаны в 1940 году.

На русский язык переводятся впервые.

Стр. 389. *Банановые листья вместо блюд...* — Банановые листья используются в Индии как тарелки.

Стр. 403. *Оношуга* (Анасуя) — персонаж «Рамаяны», жена мудреца Атри. Также подруга Шакунталы.

ИЗ КНИГИ «ПРИКОВАННЫЙ К ПОСТЕЛИ»

Этот сборник написан Тагором в самые последние месяцы жизни (вместе с «Выздоровлением» и «Последними стихами»).

К этому времени поэт чувствовал себя так плохо, что даже не мог встать с постели. Стихи свои он диктовал, а затем проверял написанное.

Сборник «Прикованный к постели» издан в 1940 году.

Переводы на русский язык включены в «Сочинения», Гослитиздат, т. 7, М. 1959; «Лирика», Гослитиздат, М. 1961.

Стр. 412. *Как падишах смеялся, подготовив // Черед Абу Хассана...* — Абу Хассан — герой одной из сказок «Тысячи и одной ночи», который вообразил себя халифом.

Стр. 421. *Магх* — второй месяц бенгальской зимы (январь — февраль).

ИЗ КНИГИ «ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ»

Сборник публиковался в 1941 году.

Русские переводы содержатся в «Сочинениях», Гослитиздат, т. 7, М. 1957, и в «Лирике», М. 1961.

Стр. 423. *Ним* (Маргоза) — величественное дерево. Из его плодов изготавливают масло для светильников, кора находит применение в медицине.

Стр. 426. *Патаны* — здесь: афганцы.

Стр. 427. *Анга, Ванга, Калинга* — древние индийские государства.

ИЗ КНИГИ «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ»

Первоначально стихи из этого сборника печатались в периодике (1940—1941). Отдельным изданием вышли в 1941 году.

Это последний сборник, изданный при жизни Тагора.

Русские переводы были напечатаны в «Сочинениях», Гослитиздат, т. 7, М. 1957, и в «Лирике», Гослитиздат, М. 1961.

ИЗ КНИГИ «ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ»

«Последние стихи» опубликованы в 1941 году, уже после смерти Тагора.

Стихи первоначально печатались в журнале «Пробаши», а самое последнее стихотворение было помещено в газете «Ананда Базар Патрика», 19 августа 1941 года.

30 июля Тагору сделали операцию в Калькутте. Утром этого дня он продиктовал последний из «Последних стихов», но уже не смог проверить записанный текст.

На русский язык «Последние стихи» переводятся в первый раз.

Стр. 441. *Океан покоя великого впереди...* — Тагор хотел, чтобы эту песню пели в день его смерти. И до сих пор, каждый год в этот день исполняется «Океан покоя великого впереди».

«КРАСНЫЕ ОЛЕАНДРЫ»

Пьеса «Красные олеандры» была написана в 1923 году и опубликована в 1926 году. Как и пьеса «Освобожденный поток», она отразила критическое отношение Тагора к «современной цивилизации», то есть буржуазному строю. Этому способствовали, как международные события, в особенности победа Великой Октябрьской социалистической революции, так и подъем национально-освободительной борьбы в самой Индии.

Если в пьесе «Освобожденный поток» Тагор обличает прежде всего национальное угнетение и колониальный грабеж, которым служат технические достижения буржуазной цивилизации, то в пьесе «Красные олеандры» огонь критики направлен именно против эксплуатации человека человеком и против власти эксплуататоров. «Красные олеандры» — едва ли не первое художественное произведение, отразившее, хотя и в аллегорической форме, ужасные условия жизни рабочих в Индии.

Проблематика пьесы представлена в целой системе аллегорий и символов. Исходным пунктом послужило положение на индийской фабрике; это положение было поистине чудовищным, ибо фабрика в колониальных условиях напоминала огромную мясорубку, которая перемалывала жизни рабочих. За несколько десятилетий население некоторых больших городов обновлялось более чем наполовину. Разоренный крестьянин приходил сюда в надежде поправить дела, а через недолгое время фабрика выбрасывала его немощным и больным, и он отправлялся обратно в деревню — умирать. Один из персонажей пьесы так и говорит, что люди превращаются «в выжатый сахарный тростник»: его сок выжимают, пропуская стебель между двумя железными валами.

Варварская эксплуатация и гнетущие условия жизни фабричных рабочих в современной Тагору Индии аллегорически представлены в пьесе как каторга на рудниках, где рабочие-невольники извлекают богатства для правящей верхушки. Рудокопы — это вчерашние крестьяне, вырванные из привычного уклада деревенской жизни, которую Тагор считает естественной и здоровой. Город же, рабочие кварталы, так называемые «басти», с их ужасающей нищетой, скученностью и грязью, представляются ему огромной каторжной тюрьмой, а труд рабочих — рабским. Это «труд под землей в темных пещерах», это жизнь, лишенная «песен, смеха и солнечного света», заставляющая искать их «в глотках жидкого огня».

Сложное действие скрытых социально-экономических сил, которые отрывают крестьянина от деревни и бросают в город, Тагор упрощенно-символически изображает как прямое насилие власти «Правителя», который управляет от имени таинственного Раджи. При этом любопытно, что порядки в рабочих поселениях, аллегорически изображенных Тагором в пьесе, написанной в 1923 году, напоминают порядки в фашистских концентрационных лагерях, созданных уже впоследствии.

Тагор показывает, как насилие власть имущих сочетается с религиозной проповедью терпения, призванной одурманить эксплуатируемых, лишить их самой воли к сопротивлению. Он беспощадно обличает Проповедника, которого ставит на одну доску со стражниками как охранителя власти эксплуататоров. «Меня стегали хлыстами, которыми бьют собак, — говорит Бишу, — эти хлысты сделаны из того же материала, что и шнур, на который Проповедник нанизывает свои четки».

«Проклятие стяжательства и убийства», бремя самого существования «тех, кто наверху», становятся невыносимыми. Мир эксплуатации и угнетения должен рухнуть, и рабочие восстают, чтобы разрушить его. Но признание необходимости борьбы вплоть до восстания и свержения власти эксплуататоров своеобразно сочетается у Тагора с идеями морального воздействия на самих власть имущих.

Символика, отражающая эти идеи, усложнена и малопонятна в отличие от тех аллегорий, в которых изображается в пьесе действительная жизнь рабочих. Очевидно, в этом сказались неизбежная смутность и иллюзорность подобного рода моралистических представлений. Таинственный Раджа, именем которого творится насилие над народом, приходит к осознанию действительной радости и смысла жизни под воздействием обаяния юности и жизнеутверждающей силы любви прекрасной Нондини. Он присоединяется к восставшим, но лишь после того, как убивает Ронджона. Гибель Ронджона, очевидно, символизирует самоотверженность в борьбе за правое дело, что, по мысли Тагора, так же как и жизнеутверждающая сила любви, оказывает преобразующее моральное воздействие, рассеивая силы зла. Эта мысль присутствует и в пьесе «Освобожденный поток». Сам Тагор следующим образом истолковывал аллегорическое значение образов Нондини и Ронджона: «Нондини — это магическое прикосновение жизни, радость жизни, а Ронджон — это радость труда. Соединившись, они воплощают в себе любовь. Любовь в единении, единение в любви — вот подлинная гармония, перед которой, словно под действием магических чар, исчезает разлад, порождаемый корыстью». Однако это истолкование далеко не исчерпывает всего значения пьесы. Развитие конфликта в «Красных олеандрах», хотя и отмеченное моралистическими иллюзиями художника, восходило к реальной борьбе, так же как аллегория ка-

торжных рудников по-своему отражала варварскую эксплуатацию, действительные условия жизни индийских рабочих.

Решительное обличение эксплуатации человека человеком и власти эксплуататоров делает пьесу «Красные олеандры» важной вехой не только в идейной эволюции самого Тагора, но и в истории литературы Индии.

На русский язык пьеса не переводилась.

Стр. 451. *Джокхопур* — бенгальское произношение слова Якшапур — Город якшей (якши — мифические существа, составляющие свиту бога богатства Куберы).

Мокор — бенгальское произношение слова «макара». Макара — мифическое морское чудовище. Макара нередко ассоциируется с акулой или крокодилом.

Стр. 468. *Разве они не воплощение Священной черепахи, о которой повествуют наши древние книги...* — По одной из индийских легенд, земля покоится на спине большой Черепахи.

Хари — имя бога Вишну.

Стр. 470. *Но согласно священным текстам, в следующем рождении Черепаха стала Кабаном и вместо прочных роговых пластинок у нее появились острые клыки...* — Намек на бога Вишну, который в одном из своих земных воплощений был Черепахой, а в другом — Кабаном.

Составители подстрочников к стихам: В. Горонова, Б. Карпушкин, Б. Полянский, Ю. Рощин.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Страница рукописи из «Сада песен» (44-я песня из раздела «Родина»).

2. Р. Тагор в кругу друзей и близких: проф. Сильвен Леви с супругой, биограф Р. Тагора Пробхаткумар Мукхопадхай (внизу, в центре), сын Ротхиндронатх (внизу третий) и др. Шантиникетон, 1922.

3. Р. Тагор (1926).

4. Р. Тагор на острове Ява (1927).

5. Р. Тагор. Шантиникетон (1930).

6. Р. Тагор и Б. Шоу. Лондон (1930).

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Из книги

«САД ПЕСЕН»

(«Гитобитан»)

1932

Г. Моление. Перевод В. Поталовой

«Мелодию дай, приобщи к песнопенью, учитель...»	7
«Ты жизни и смерти рубеж перешел...»	8
«Родник мелодии твоей журчит в краю пустынном...»	9
«Я коврик мелодии здесь разостлал...»	10
«Если мир я созерцаю через песнопенье...»	11
«Зачем не кропил я слезами дорожную пыль беспрестанно?..»	12
«Я бесконечен. Своим ты играешь создашьем...»	13
«Душа моя тебя утешить рада...»	14
«Петь буду песню твою — дай мне вину звучанья такого!..»	15
«Подобно потокам срабона, пусть льется и ночью и денно...»	16
«Если застанешь нечаянно ты запертой сердца обитель...»	17
«Имя твое называть буду часто и много...»	18

«Зажги в моем доме светильник, излей на меня доброту!..»	19
«Богатству и прислужников гурьбе...»	20
«О вседержитель!..»	21
«Разве шаг его не слышен сквозь привычный жизни ход?..»	22
«Если отстану в пути, повелитель...»	23
«Выситя, грохочет колесница...»	24
«По ночам под звуки флейты бродят звездные стада...»	25
«Взгляни на свою благодать, проникающий в наши сердца!..»	26
«Прощай, освобожден я, брат!..»	27
«Мысль пройти сквозь эти двери — отчего нам тяжела?..»	28

II. Родина. Перевод Е. Бируковой

«О Мать-Бенгалия! Край золотой!..»	29
«Склоняюсь пред тобой, земля моя, смиренно!..» 31	
«Пусть твой призыв без отклика замрет...»	32
«Кормчий, встань у руля! Смело вдаль поплывем!..»	33
«Вперед, вперед стремись, о брат!..»	34
«Пусть в небесах восторга песнь звучит!..»	36
«Пусть Бенгалии земля, воды, воздух и поля...» 37	
«Я рад, что в этой родился стране!..»	38
«Я припал, о Мать, к твоим ногам...»	39
«Отошлешь ли ты сына к чужому порогу, о Мать?..»	40
«Встав на благостный путь, песнь отважную пой...»	41
«Забрезжила заря иных времен...»	42
«Пусть куются все крепче оковы, — тем скорей мы разбить их готовы...»	43

III. Любовь

«Будешь, нет ли ты обо мне вспоминать, — даже мысли такой не таю...» Перевод Ю. Нейман	44
--	----

«Мной была эта песня весны сложена...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	45
«Возьми, возьми же меня и сделай своею виной...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	46
«О бедняк, меня обеднивший, разве мало тебе показалось?...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	47
«Знаю, знаю, — ошибка души привела тебя этой тропой...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	48
«Дорогая, нового рая мы создавать не станем...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	49
«Страданьем ты звучишь во мне, твоей тьмнице...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	50
«Тишину свою в сердце моем сосредоточь...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	51
«Приди, о, приди в мой дом!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	52
«Чаша та полна страданий — о, возьми ее скорей...» <i>Перевод А. Ахматовой</i>	53
«Тебя я знал, тебя забыть не мог, о чужеземка...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	54
«Тебя пленять не буду красотой, любовью я лишу тебя покоя...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	55
«Позволь, чтобы рядом с тобой я сел...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	56
«К закату дня бутон в душе моей взращен...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	57
«Из тьмы я пришел, где шумят дожди. Ты сейчас одна — взаперти...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	58
«Петь запретишь мне?.. Что ж! Я песни не начну...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	59
«Все то, к чему душа стремится с властной силой...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	60
«Все же помни меня, если в прошлое я отойду...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	61
«Прощанья песня слышится чуть свет...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	62
«Вернешься ты — я это знаю, знаю...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	63
«Ту, что мерещится во сне...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	64

- «В вине твоей были песни, в корзине моей —
цветы...» *Перевод Т. Спендиаровой* 65
- «В челне проворном кто плывет, смущая вод
покой?..» *Перевод Т. Спендиаровой* 66
- «Приди, приди, снова приди, о повелитель, сно-
ва приди...» *Перевод Н. Горской* 67

IV. Времена года. Перевод М. Петровых

- «Под обаяньем лунных чар мечты кружат в
просторе...» 68
- «И солнце есть, и звезд не счесть в просторах
бытия...» 69
- «Ужасная пора! Как душны вечера!..» 70
- «Приди сюда, вода ключа, приди сюда, плеща,
журча...» 71
- «О бойшахх пылающий, внесли!..» 72
- «Песни птиц отзвенели, полдень зноен и сух...» 73
- «Из тучи — грохот барабана, могучий рокот
непрестанный...» 74
- «Над рощей в огненном цвете проходят тучи
синей тенью...» 75
- «Во двор срабона входят тучи, стремительно
темнеет высь...» 76
- «Приди, о буря, не щади сухих моих ветвей...» 77
- «Дожди иссякли, зазвучал разлуки голос оди-
покий...» 78
- «Влекомый чарами срабона, незримый в туск-
лом свете дня...» 79
- «В ненастную ночь я свидетелься должен с то-
бой...» 80
- «Снова подходит ашарх, заоблачив небо кру-
гом...» 81
- «О туча, в тайнице укромной несущая мглу и
дожди...» 82
- «Явилась толпа темно-синих туч, ашархом ве-
дома...» 83
- «Рухнул грохот огромного домору, ночь смя-
теньем объята...» 84
- «К роще моей души, истомясь разлукой, она
идет в ночной тени...» 85

«Моя душа — подруга тучи...»	86
«Она подарила мне первый цветок поры дождей...»	87
«Солнечный луч засмеялся в объятиях туч, — дожди иссякли вдруг...»	88
«В лугах мы гирлянды сплели, букеты связали...»	89
«Что за гость под осень пришел к порогу твоему?..»	90
«Ты, осень, принесла пригоршни света...» . . .	91
«О Лакшми прохладной поры, зачем ты таншься от нас?..»	92
«Сама весна у порога твоего!..»	93
«Что-то от легких касаний, что-то от смутных слов...»	94
«Прощальную песню, растеся, спойте весне...»	95
«Когда жасминный цветок еще томился в бутоне...»	96

У. Разное. Перевод С. Мар

«Ритмом пляски, ликующий Шива, ты срываешь все пути...»	97
«Пляска твоя вещала мира конец и начало...» .	99
«Держит Шива литавры времен, сна лишают они...»	100
«В сердце комнату игр я строю и строю опять...»	101
«Двери мои открыты, не могут они закрыться...»	102
«Лодочник, кормчий жизни моей земной...» . .	103
«В месяц фальгун у меня во дворе сирис цветет, что ни год...»	104

VI. Обрядовые песни. Перевод Е. Бурковой

«Тебя земля к себе влечет...»	106
«Будем все собирать урожай!..»	107
«Приди к нам, о пламя, и жизнь озари!..» . .	108

Из книги

«СНОВА»

(«Пуношчо»)

1933

Копай. Перевод Г. Регистана	109
Новое время. Перевод Е. Винокурова	113
Кхоай. Перевод Е. Винокурова	116
Жилище. Перевод Е. Винокурова	119
Мальчик. Перевод В. Рождественского	122
Скорбь. Перевод Е. Винокурова	127
Последнее письмо. Перевод Б. Пастернака	129
Корзина для бумаг. Перевод В. Рождественского	132
Мир насекомых. Перевод Е. Винокурова	136
Камелия. Перевод С. Липкина	138
Обыкновенная девушка. Перевод Б. Пастернака	144
Некто. Перевод Д. Голубкова	148
Флейта. Перевод Д. Голубкова	150
Чистый. Перевод А. Ахматовой	153
Красильщица. Перевод А. Ибрагимова	156
Золото любви. Перевод А. Ахматовой	158
Завершение омовения. Перевод А. Ахматовой	160
Первое богослужение. Перевод В. Погачевой	162
Не к месту. Перевод А. Ахматовой	167
Сын человеческий. Перевод А. Ахматовой	169
Паломничество. Перевод А. Ахматовой	171
Отпусти. Перевод А. Ахматовой	179
Жилище песни. Перевод А. Ахматовой	181

Из книги

«НЕСТРОЕ»

(«Бичитрито»)

1933

Перевод П. Железнова

Молочница	183
Поражение	185
Различие	187
Робкая	188
Сомнение	190

Из книги
«ПОСЛЕДНЯЯ ОКТАВА»
(«Шесть шопток»)

1935

Перевод М. Зенкевича

«Прерывая разговор обычный...»	191
«От юности остался...»	193
«Сыплется благостный дождь на равнину!..»	195
«Я видел и постиг...»	197
«Свое жилище я переменял...»	200
«Теперь я к рисованию пристрастился...»	204
«Тогда я был юнцом зеленым...»	206
«В тот день под открытым небом...»	208
«Смотрю я сегодня при свете осеннем...»	210
«Цветы из цветника сегодня...»	212
«Смотрю я в небесный...»	214
«При встрече...»	217
«Мерцал светильник медный на подставке...»	219
«Приказ падишахом дан...»	222
«Мудрец-поэт сказал...»	225
«Мой нрав подвижен...»	228
«Пусть дом моих дней последних...»	230

Из книги

«ДОРОГА»
(«Битхья»)

1935

Земля. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	233
Двое. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	235
Возлюбленная юности. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	237
Поклонница. <i>Перевод А. Ревича</i>	240
Приглашение. <i>Перевод С. Липкина</i>	242
Написанное на досуге. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	246
Опустевший дом. <i>Перевод Н. Горской</i>	248
Твой портрет. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	250
Приветствие. <i>Перевод Н. Горской</i>	251
Скупая доброта. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	253
Деодар. <i>Перевод А. Наймана</i>	255
Столкновение. <i>Перевод А. Наймана</i>	257

Мать. Перевод Н. Горской	259
Белочка. Перевод С. Липкина	261
Девушка из племени санталов. Перевод Н. Горской	263
Путь к соединению. Перевод С. Липкина	265
Хозяин леса. Перевод А. Наймана	269
Сумерки. Перевод А. Ибрагимова	271
Путник. Перевод А. Наймана	273
Дождливая почь. Перевод А. Ибрагимова	274
День на земле. Перевод Ю. Айхенвальда	275
Одиночество. Перевод Ю. Айхенвальда	277
В месяце ашшин. Перевод А. Ибрагимова	279
Пробуждение. Перевод Ю. Айхенвальда	281

И з к н и ж и
«ЧАША ЛИСТЬЕВ»
(«Погропуг»)
1938

Перевод С. Шервинского

«В беспорядочной толкотне...»	282
«Время настало, прими поклоненье мое, Земля...»	285
«Давно влачишь ты, плоть моя...»	289
«Я вечером сидел у переправы...»	291
«О девушка!..»	294
«Неприкасаемые... Не дозволено им и молить-ся...»	296
«В тот древний, иступленный век...»	302
«Забил барабан. Войпа!..»	304

И з к н и ж и
«ШАМОЛИ»
(«Шамоли»)
1938

Перевод С. Кирсанова

Душа распалась	306
Вечный путник	308
Цветок тамаринда	311
Сон не вовремя	315
Флейтист	318
Шамоли	322

Из книги

«КОНЕЧНОЕ»

(«Практика»)

1937

Перевод С. Шервинского

«Темнотою сокрыт, поглотившей сияние мира...»	324
«Следом бредешь, неудачливый спутник мой, прошлое...»	326
«Просто в простое вернуться — вот подлинная свобода...»	327
«Один за другим погасают на сцене огни...»	329
«Всесокрушающий Смерти посланник явился, нежданный...»	330
«Птице пора улетать. Роща уже не поет...»	331
«В тот день, когда из недр исчезновенья...»	332
«Змеи ползут отовсюду, в дыханье змеином — яд...»	333

Из книги

«ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ»

(«Шенджутя»)

1938

Перевод Н. Стефановича

Бессмертное	334
Вечно движущийся	336
Память	338
Бхагиратхи	340
Новое время	342
Движущиеся картины	345
День рождения	348
О себе	350
Парусная лодка	352

Из книги

«НЕБЕСНЫЙ СВЕТИЛЬНИК»

(«Акаш продиш»)

1939

Невеста. <i>Перевод С. Липкина</i>	353
Смуглая. <i>Перевод С. Липкина</i>	356
Манго. <i>Перевод С. Липкина</i>	359

Птичий пир. Перевод Т. Спендиаровой	361
Барабанят в барабаны у запруд. Перевод Т. Спендиаровой	364
Зеленые манго. Перевод Т. Спендиаровой	366

И з к н и г и
«НОВОРОЖДЕННЫЙ»
(«Нободжаток»)

1940

Перевод А. Сендыка

Новорожденный	369
Пробуждение	371
Искушение	373
Хиндустан	376
Землетрясение	378
Человек — птица	380
Романтик	382
Восславление	384

И з к н и г и
«САНАЙ»
(«Шонай»)

1940

Перевод А. Ревича

Бунт	386
Санай	389
Мечта	392
Майя	394
Переезд	396
Последнее слово	399
На волю	401
Оношуа	403
Невозможное	406

И з к н и г и
«ПРИКОВАННЫЙ К ПОСТЕЛИ»
(«Рогошоджай»)

1940

Перевод А. Азатовой

«В неизменном нашем мирозданье...»	407
«Плоть моя, плененная болезнью...»	409

«Когда живую куклу...»	411
«Когда к выздоровленью наконец...»	413
«Дверь раствори...»	414
«Когда в сетях невыносимых мук...»	415
«В переплетении мира лесного...»	416
«Когда тебя во сне моем не вижу...»	417

Из книги

«ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ»

(«Арогго »)

1941

Перевод Д. Самойлова

«Сладостен рай, сладостна пыль земли...» . . .	418
«Пусто в доме. Я хвор...»	419
«Бьют часы вдалеке...»	421
«Одиноко сижу у окна, у проема конечного мира...»	424
«В сфере необъятного творенья...»	425
«Скользя по ленивому потоку времен...» . . .	426
«Сквозь хвалу и хулу я прошел свои рас- стоянья...»	428
«Пускай легко спадет завеса моего существа...»	429

Из книги

«ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ»

(«Джонмодине »)

1941

Перевод С. Северцева

«Этот день днем рождения был моего...» . . .	430
«Много ли знаю о нашей огромной планете?..»	432
«В круговороте мгновений...»	435
«Слышу: гремит барабан боевой...»	436
«Кровавые челюсти, лязгая от нетерпенья...» . .	438
«Если под сенью надменного трона...»	440

Из книги
«ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ»
(«Шесть лекх») *1941*

Перевод В. Тушиновой

«Океан покоя великого впереди...»	441
«Немилосерден палящий зной...»	442
«Еще раз, если только сумею...»	443
«Вот человек великий рождается к жизни повой...»	445
«Этот день моего рождения станет мне днем разлук...»	446
«На берегу реки Рупнаран...»	447
«Пути своего созидания ты опутала...»	448
—	
«Красные олеандры». <i>Перевод А. Горбовского</i>	449
Комментарии	505
Список иллюстраций	540

Рабиндранат Тагор
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 8

Редактор А. И б р а г и м о в. Художественный редактор Г. К л о д т
Технический редактор Ж. П р и м а к.
Корректоры: Р. П у н г а и А. Ю р ь е в а

Сдано в набор 24/VI 1964 г. Подписано в печать 26/X 1964 г.
Бум. 84X108^{1/32}. 17,25 печ. л.= 28,29 усл. печ. л. 18,87 уч.-изд. л.+
+6 вкл.= 19,17 л. Тираж 96 000. Зак. 591. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Государственного комитета Совета
Министров СССР по печати, Измайловский пр., 29.

